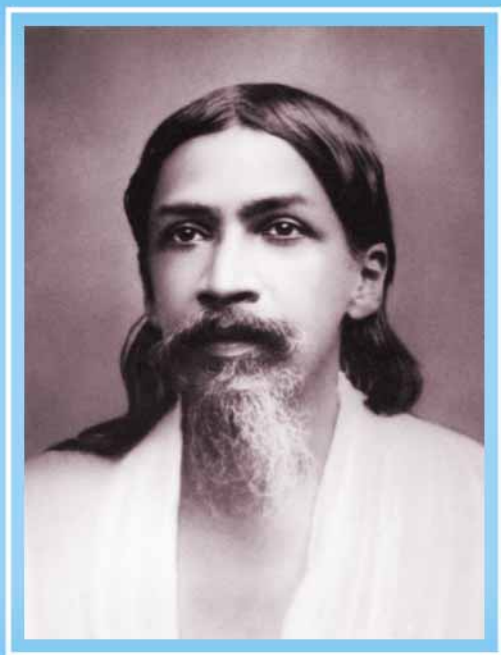

ШРИ АУРОБИНДО

Труд Божества

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ШРИ АУРОБИНДО

Труд Божества

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Фонд интегрального развития человека
«САВИТРИ»

Санкт-Петербург
2008

ШРИ АУРОБИНДО
ТРУД БОЖЕСТВА
Избранные стихотворения

Фонд интегрального развития человека
«САВИТРИ»

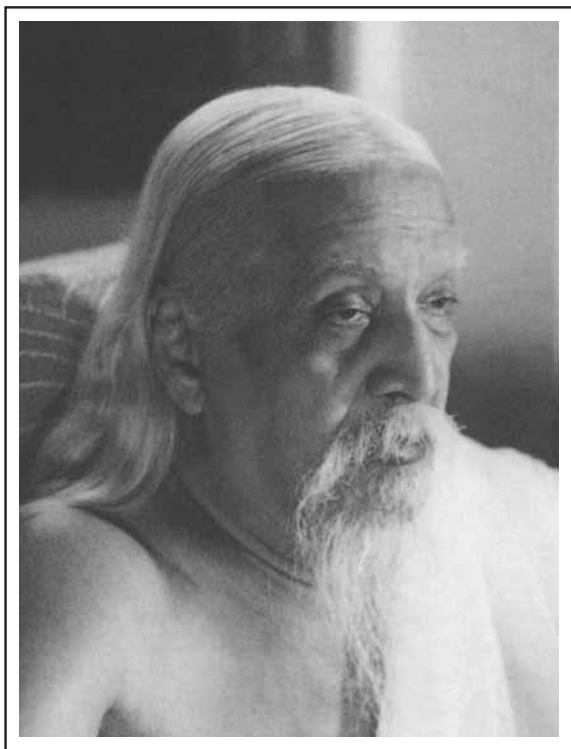

В настоящий сборник включены избранные стихотворения Шри Ауробиндо, в основном, позднего периода его творчества. Здесь представлен ряд наиболее значительных и ярких его стихотворений различных стилей. Его стихи позднего периода, наряду с созданными в это же время сонетами и эпической поэмой «Савитри», являют собой высочайшее достижение Шри Ауробиндо в духовной или йогической поэзии, наиболее достоверный и полный дневник его духовного развития и опыта.

Сборник снабжен комментариями, состоящими из кратких комментариев составителя-переводчика к представленным стихотворениям, а также цитат, главным образом, из работ и писем Шри Ауробиндо и его учеников, либо прямо поясняющих те или иные аспекты стихотворения, либо связанных с ним тематически и помогающих лучше понять его содержание.

В сборник также вошли Глоссарий и Приложение, в котором приводятся сонеты Шри Ауробиндо и фрагменты его поэмы «Савитри», тематически связанные с некоторыми публикуемыми здесь стихотворениями. Названия фрагментам «Савитри» даны составителем-переводчиком.

Шри Ауробиндо
1950 г.

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Invitation

With wind and the weather beating round me
Up to the hill and the moorland I go.
Who will come with me? Who will climb with me?
Wade through the brook and tramp through the snow?

Not in the petty circle of cities
Cramped by your doors and your walls I dwell;
Over me God is blue in the welkin,
Against me the wind and the storm rebel.

I sport with solitude here in my regions,
Of misadventure have made me a friend.
Who would live largely? Who would live freely?
Here to the wind-swept uplands ascend.

I am the lord of tempest and mountain,
I am the Spirit of freedom and pride.
Stark must he be and a kinsman to danger
Who shares my kingdom and walks at my side.

Зов

Вокруг ревет ветра, ярится непогода,
Но ввысь шагаю я, к заоблачным снегам.
Кто в путь пойдет со мной, кто изберет свободу,
Взойдет на кряж, смирит грозу и ураган?

Не в душных городах и замкнутых жилищах,
Не в круге тесных стен обрел я свой простор —
Здесь надо мною Бог сияет синей тишью,
Здесь вокруг меня кипит мятежных вихрей спор.

Здесь одиночество я превратил в забаву
И в злоключениях нашел себе друзей.
Кто ищет широты, кто жаждет Божьей славы —
Сюда в страну вершин взбирайся поскорей!

Я ураганов царь и горных круч владыка,
Я вольной воли дух и смельчаков герой.
Кто стоек и решим, кто ищет высших пиков,
Тот зов услышит мой и ввысь пойдет со мной.

The Meditations of Mandavya

ONE

O joy of gaining all the soul's desire!
O stranger joy of the defeat and loss!
O heart that yearnest to uplift the world!
O fiercer heart that bendest o'er its pain
And drinkst the savour! I will love thee, O Love,
Naked or veiled or dreadfully disguised;
Not only when thou flatterest my heart
But when thou tearst it! Thy sweet pity I love
And mother's care for creatures, for the joys
I love thee that the lives of things possess,
And love thee for the torment of our pains;
Nor cry, as some, against thy will, nor say,
Thou art not. Easy is the love that lasts
Only with favours in the shopman heart!
Who, tortured, takes and gives the kiss, he loves.

*

Blue-winged like turquoise, crimson-throated, beaked:
Enormous, fluttering over the garden wall
Thou cam'st to me; some moments on a bough
Wast perched, then flewst away, leaving my heart
Enchanted. It was as if thou saidst, "Behold, my love
How beautiful I am! To show thee this,
I came, my beauty. Now I flee away
Since thou hast seen and lov'st." So dealst thou always,
Luring and fleeing; but our hearts pursue.

*

Искания Мандавы

(1)

О сладость воплотившейся мечты!
О горестная сладость поражения!
О сердце, что стремится мир возвысить!
О сердце дерзновенное, что жаждет
Вселенских мук! Люблю тебя, Любовь,
Нагую, под вуалью, в страшной маске;
Люблю, когда ты тешишь сердце мне
И муки шлешь! Люблю за состраданье,
За ласку материнскую, за радость
Люблю, что полнит жизни всех созданий,
Люблю тебя за все мученья наши...
Не возропщу, как многие, поверив,
Что нет тебя. Легка игра в любовь,
Что веселит расчетливое сердце, —
Кто поцелуй и в муках длит, тот любит.

*

Багряногрудый, бирюзовокрылый,
Хохлатый, промелькнув над стенкой сада,
Ты мне предстал — помедлил на суку
И упорхнул... Но сердце сохраняет
Блаженство, словно молвил ты: «Мой милый,
Взгляни, как я прекрасен! Наконец-то
Тебе открылся я во всей красе —
И улетаю, ибо ты прозрел
И возлюбил навек...» Вот так всегда:
Ты манишь нас и тут же исчезаешь —
Но за тобою вслед спешат сердца.

*

Selected Poems

While on a terrace hushed I walked at night,
He came and stung my foot. My soul surprised
Rejoiced in lover's contact; but the mind
Thought of a scorpion and was snared by forms.
Still, still my soul remembered its delight
Denying mind, and midst the body's pain,
I laughed contented.

*

All is attained, attained! The pain is dead,
The striving. O thou joy that since this world
Began, wast waiting for me in thy lair.
O Wild Beast of the ways! Thou tearst my soul
With rapture, O thou fierce delightful God.
O cruelly divine! O pity fierce!
O timeless rapture of the nights that pass
Embraced! O terror pure of Thy caress!
Humanity, acceptable I find
Thy ages that have wept out sweat and blood,
Since all was made to give its utter price
To one wild moment of thy hidden God.
Let the whole world end now, since all for which
It was created is fulfilled at last
And I am swallowed up in thee, O God.

Когда я вышел ночью на террасу,
Он ждал меня и, улучив момент,
Ужалил в ногу... Вся моя душа,
Любимого узнав прикосновенье,
Затрепетала сладостно, но ум
Лишь видел скорпиона, пленник формы...
Все ж... все ж душа хранила свой восторг,
Отвергнув ум, и я, объятый болью,
Счастливо рассмеялся.

*

Все, все свершилось! Боль ушла навеки...
И битва... О восторг, что испокон
Веков таился в логове своем!
О Хищник! Ты терзаешь душу мне
Экстазом, о блаженный лютый Боже.
О яростно благой! О сладко лютый!
О радость бесконечная объятий
В ночи! О ужас чистый ласк Твоих!
Людское племя, я теперь приемлю
Века твоих страданий, крови, пота,
Ведь цель всего — явить свой высший смысл
В безумный миг, тебе открывший Бога.
И пусть весь мир погибнет, ибо все,
Зачем он создан, наконец, свершилось,
И я в тебе, о Боже, поглощен.

TWO

Who made of Nature here a tyrant? Who
Condemned us to be slaves? It was not God.
Nay, we ourselves chose our own servitude
And we ourselves have forged and heaped our chains
On our own members. God only watched the while
And mocked us sweetly at our childish task.
Then if He seized us helpless in our bonds,
Then if He played with us despite our cries
And answered with His dreadful laugh our wrath,
Ours was the fault who chose the bondage first,
Ours is the folly whom His play affrights
While all the time He tells us, "It is nought."
And now we say we never can be free,
For Nature binds us, for the fire must burn,
The water drown and death must seize his prey,
And grief and torture do their will with us
And sin be like a lion with the world,
Because 'tis Nature. Man's not infinite,
The proof is with us every day, they cry,
And God Himself's a huge machine at last.
Yet over us all the while Thought's lightning plays
And all the while within us works His love.
Now more than when the play began, He laughs.

*

Now I believe that it is possible
To manage the arising clouds, to silence
The thunder when it roars and put our rein
Upon the lightnings. Only first within
The god we must coerce who wallows here
In love with his subjection and confined
By his own servants, wantonly enslaved
To every lure and every tempting bond.

(2)

Кто превратил Природу здесь в тирана?
Кто нас обрек на рабство? То не Бог.
Нет, сами мы избрали наши узы
И заковали тяжкими цепями
Самих себя. А Бог лишь наблюдал
И улыбался нашим детским играм.
Пусть Он бессильных нас поймал в силок,
Пусть мучит нас, не внемля нашим воплям,
И гнев встречает наш ужасным смехом,
Но мы избрали первыми оковы
И мы, глупцы, игры Его страшимся,
Хоть Он твердит вовек: «Она ничто».
И вот мы стонем: «Нам не знать свободы
В Природе, ибо должен жечь огонь,
Топить — вода, смерть — настичать добычу,
И боль и пытка — расправляться с нами,
И грех, подобно льву, царить над миром,
Ведь все это — Природа. Смертен смертный
И каждый день — тому пример, мы стонем —
Ведь Бог и тот — лишь страшный Механизм»...
И все ж вовек над нами Мысль блистает,
И в нас вовек Любовь Его дерзает.
И с каждым днем все громче смех Его.

*

Теперь я убедился: нам по силам
Рассеять в небе тучи, успокоить
Раскаты грома и надеть узду
На молнии. Но прежде мы должны
В себе возвысить бога, что погряз
В любви к своим оковам, и покорен
Своим же слугам, и влечется слепо
К соблазнам, к обольстительным цепям.

And therefore man loves power, but power o'ercome,
Force that accepts its limits. Wherefore then
A limit? Why not dare the whole embrace,
The vast attraction? Let us risk extinction then
If by that venture immortality
And high omnipotence come near our grasp.
'Tis not the little rippling wayward seas,
Nor all huge ocean tumbled by its storms
That can be our exemplar. The vault of heaven
Is not a true similitude for man
Whose space outgyres thought's last horizon. Something
There is in us fears not the night beyond,
But breathless sails, unanchored, without helm,
Where all the senses end. Our naked soul
Can journey to the farther unshaped void
Where nothing is except ourselves, arrive, hold on,
Not shake, not ask return. Who accepts at last
His limit save the beast and plant and clod?
O to be perfect here, to exceed all bounds,
To feel the world a toy between our hands!
Yet now enough that I have seized one current
Of the tremendous Force that moves the world.
I know, O God, the day shall dawn at last
When man shall rise from playing with the mud
And taking in his hands the sun and stars
Remould appearance, law and process old.
Then, pain and discord vanished from the world,
Shall the dead wilderness accept the rose
And the hushed desert babble of its rills;
Man once more seem the image true of God.

*

Да, силу любит человек, но силу,
Что знает свой предел. Но для чего
Предел? Зачем не смеем мы объять
Весь высший дар? Рискнем же всею жизнью,
Когда попыткой этою бессмертье
И высшее всесилье к нам придет!
Ведь ни морей ничтожное кипенье,
Ни целый океан, взметенный штормом,
Нам не пример. И сам небесный свод —
Не настоящий образ человека,
Чей космос — за горизонтом мысли. Нечто
Есть в нас, что не страшится тьмы иной
И, не дыша, презрев штурвал и якорь,
Плывет за чувств рубеж. Душа нагая
Стремит свой путь к безвидной пустоте,
Где только самость, — и находит пристань,
Не трепеща и не просясь назад.
Да и смирится ль с собственным пределом
Тот, кто не зверь, не дерево, не прах?..
Быть совершенным, превзойти пределы,
Мир ощутить игрушкой меж ладоней!..
Уже теперь, вместив лишь ручеек
Безмерной Силы, движущей мирами,
Я знаю, Боже, день такой настанет,
И человек, восстав от игр в грязи
И в руки взяв движенье звезд и солнца,
Преобразит закон и облик прежний.
Боль и разлад тогда оставят мир,
И мертвая пустыня примет розу,
И звон ручьев пробудит вечный сон;
Вновь станет человек подобьем Божиим.

*

Selected Poems

I will not faint, O God. There is the thirst,
And thirst supposes water somewhere. Yes,
But in this life we may not ever find;
Old nature sits a phantom by the way,
Old passions may forbid, old doubts return.
Then are there other lives here or beyond
To satisfy us? I will persist, O Lord.

Не сдамся, Боже. Я охвачен жаждой,
И значит, где-то есть вода... Но все же
Найти ее непросто в этой жизни:
Былой природы тени нас гнетут,
Былые страсти восстают из пепла...
Так есть ли здесь иль Там иные жизни,
Что утолят нас?... Господи, добьюсь!

THREE

What is this Love that I have never found?
I have imagined in the skies a God
And seen Him in the stirring of the leaves
And heard Him in the purling of the brooks
And feared Him in the lightning's flashing tusk
And missed Him in the mute eternal night
And woke to Him in the returning Dawns.
And now I say there is no God at all,
But only a dumb Void that belches forth
Numberless larvae and phantasmal shapes
Into a void less happy than itself
Because this feels. O if this dream were true,
This iron, brute, gigantic helpless toy
They call a world, this thing that turns and turns
And shrieks and bleeds and cannot stop, this victim
Broken and living yet on its iron wheel,
And if a Will created this, what name
Shall best blaspheme against that tyrant God?
Let all men seek it out and hurl it up
Against Him with one cry, if yet perchance
Complete denial may destroy His life
With happy end to His unhappy world.
For where in all these stars is any sign of Love?
It is not here, but that which seems like Love
Is a sleek cruel cheat that soon unmaskes,
Sent here to make the final suffering worse, —
Not Love, but Death disguised that strokes its food!
And all good in the world is only that,
A death that eats and eating is devoured,
This is the brutal image of the world.

*

(3)

Что есть Любовь, не найденная мною?
Я Бога в небесах вообразил,
Его я видел в трепете листвы,
Ему внимал в журчании ручья,
Его страшился в резких бивнях молний,
Его терял в немой ночи бескрайней,
К Нему вставал с вернувшейся Зарею...
И вот я говорю, что Бога *нет* —
Лишь Пустота, что немо изрыгает
Фантомы форм и полчища личинок
В другую бездну, что еще несчастней
Из-за того, что чувств не лишена...
О, если этот страшный сон правдив —
Беспомощная зверская игрушка
С названием «мир», что вечно кружит, кружит,
Вопя, глотая кровь, — живая жертва,
Распятая на страшном колесе!..
Коль это создал Бог, каким проклятьем
Сразить верней того тирана Бога?
Пусть, слово то найдя, в едином вопле
Все проклянут Его — и может быть,
Отвергнут всеми, все ж погибнет Он —
И мир несчастный с облегченьем сгинет.
Ведь где среди сонма звезд хоть след Любви?
Ее здесь нет, и что ж зовут Любовью? —
Обман жестокий под личиной сладкой,
Что лишь скрывает горшую из мук...
Любовь? Нет, Смерть, что в маске тешит жертву!
И вся надежда мира — только смерть,
Что, все пожрав, себя пожрет однажды...
Вот зверская личина мироздания.

*

Lo, I have cursed Thee, lo, I have denied
Thy love, Thy being. Strike me with Thy rod,
Convince me that Thou art. O leave it not
To Thy dumb messengers that have no heart,
No wrath in the attack, no angered love,
No exultation in the blow that falls,
The cry that answers. Let me feel a Heart,
Even though an evil one, that throbs and is
Against our tears, our pressure and our search.
Beware, for I will send my soul across the earth
And all men turn against Thee at my word.
There is no sign, there comes not any voice.
And yet, alas! I know He will return
And He will soothe my wounds and charm my heart;
I shall again forgive, again shall love,
Again shall suffer, be again deceived.
And where is any end, O Heaven, O Earth?
But there is never any end when one has loved.

*

A sudden silence and a sudden sound,
The sound above and in another world,
The silence here and from the two a thought.
Perhaps the heart of God for ever sings
And worlds come throbbing out from every note;
Perhaps His soul sits ever calm and still
And listens to the music rapturously,
Himself adoring, by Himself adored.
So were the singer and the hearer one
Eternally. The anthem buoyant rides
For ever on the seas of Space and Time
And worships the white Bliss from which 'twas born;

Внемли! Тебя я проклял, я не верю
В Тебя, в Твою любовь. Так порази
Меня десницей грозной, докажи мне,
Что Ты все ж есть. О, не доверь возмездья
Своим немым послам, лишенным сердца,
Огня в атаке, ярости в любви
И радости в карающем ударе,
В ответном вопле. Прояви же Сердце,
Пусть злое, что стучит наперекор
Слезам, бореньям нашим и исканьям.
Смотри же! Я пошлю по миру душу,
И все по зову на Тебя восстанут...
Но нет ни знака, нет в ответ ни слова...
И все ж, увы! Я знаю: Он вернется
И снимет боль, и очарует сердце;
Я вновь забуду, вновь я полюблю,
Вновь обманусь и буду вновь страдать.
Когда же это кончится, о Небо?
Когда, Земля?.. Но нет конца любви.

*

Внезапный звук, внезапное безмолвье,
Звук в горних сферах и в иных мирах,
Безмолвье здесь и мысль из этих двух.
Быть может, сердцем Бог поет извечно,
Рождая каждой нотой новый мир;
Быть может, Он душой, вовек безмолвной,
Внимает этой музыке с восторгом,
Себя любя, Самим Собой любим.
Едины были слушатель с певцом
Всегда. Хорал немолкнувший плывет
Вовек морями Времени-Пространства
И перевозит белое Блаженство —
Источник свой; Восторг невыразимый

Selected Poems

The ineffable Delight leans silent down
And clasps the creatures of its mystic cry
For ever and for ever — without end.

*

Who art thou that pursuest my desire
Like a wild beast behind the jungle's screen
And throw'st a dread upon its fiercest fire,
A shadow on its flowering joy and green?
Thou madest and deniest me my need,
Thou jealous Lover and devouring Greed!

*

Who spoke of God? There is a hungry Beast
In ambush for the world who all devours,
Yet is his hunger sated not the least.
He tears our beauty, strength and happiest hours,
And eats our flesh and drinks our blood and tears,
Ranging as in a thicket through the years.

*

Dost thou desire my last vain hope? Take it, rejoice!
Wilt thou exact my dying bliss? Tear it and end!
But give me this at least, dying, to hear thy voice,
By thee as foeman slain if never clasped as friend.

*

Foeman or friend, lover or slayer, only thee
I need and feel, O personal eternity.

*

If what thou gavest, thou must needs again exact,
Cancel thy forms, deny thy own accomplished fact,
With what wilt thou replace them? Is thy void

Безмолвно осеняет всех созданий,
Что рождены его волшебным кличем,
Вовеки и вовеки — без конца.

*

Кто ты, охотник за моим желаньем,
Как в джунглях — зверь, крадущийся впотьмах?
Огонь его затмляешь ты страданьем,
Восторг его ты повергаешь в страх.
Ты нужды мне даешь и отбираешь,
Ревниво любишь, алчно пожираешь.

*

Кто грезит Богом? Есть лишь алчный Зверь,
Что вечно мир страшил ужасной пастью,
Утробы не насытив, и теперь
Он губит нашу силу, прелесть, счастье,
Сжирает плоть, впивает кровь и слезы,
Рыща по жизни гибельной угрозой.

*

Ты хочешь все отнять? Последнюю надежду?
Последний счастья стон? Так забирай, владей!
Коль другом мне не стал, как враг меня убей,
Но дай мне, хоть на миг, тебя услышать прежде.

*

Любовь иль смерть, врага иль друга — лишь тебя,
О Вечности Душа, ищущая и жажду я.

*

Коль то, что даровал, ты хочешь вновь отнять,
Созданиям своим позволив умереть,
Что дашь ты нам взамен? Немую пустоту?

Selected Poems

Embraceable by arms? Or can the soul upbuoyed
Rest on a shoreless emptiness without a name?
Can Love find rapture by renouncing all his flame?
Thou hast forgotten or our nature is misled,
Lur'st thou to utter life beyond the silence dead?

*

Not sound, nor silence, neither world nor void,
But the unthinkable, absolute, unalloyed
One, multitudinous, nameless, yet a Name,
Innumerably other, yet the same.
Immeasurable ecstasy where Time
And Space have fainted in a swoon sublime!

*

Of silence I have tired, from the profounder Night
I come rejected. All the immensities overhead
Are given to my fierce upwinging soul at last
Rapt into high impossible ranges huge outspread.
Unnumbered voices thrill the silent waiting Vast,
A million flames converge into the rayless Light.

Иль, сбросив смертный тлен, отвергнув суету,
В безбóрежный покой душа спешит, ликуя,
И вечная Любовь над смертью торжествует?
Ты что-то упустил иль мы забылись тьмою,
И высшей жизни мир нам смертный сон откроет?

*

Ни звук — ни тишь, ни мир — ни пустота,
Немыслимость, безмерность, чистота —
Одно и Все, без имени, но Имя,
Несметнолико и неизменимо.
Экстаз безмерный: Время и Пространство
Себя забыли в обмороке страстном!

*

Безмолвьем утомлен, из этой Тьмы бездонной
Я выхожу, чужак. Все горние просторы
Открылись пред душой, что в жажде высоты
Взмывает в небыль сфер, безбрежно распростертых.
Рой голосов парит в молчаньи ждущей Широты,
Мильон огней рождает Свет неизлученный.

Who

In the blue of the sky, in the green of the forest,
Whose is the hand that has painted the glow ?
When the winds were asleep in the womb of the ether,
Who was it roused them and bade them to blow?

He is lost in the heart, in the cavern of Nature,
He is found in the brain where He builds up the thought:
In the pattern and bloom of the flowers He is woven,
In the luminous net of the stars He is caught.

In the strength of a man, in the beauty of woman,
In the laugh of a boy, in the blush of a girl;
The hand that sent Jupiter spinning through heaven,
Spends all its cunning to fashion a curl.

These are His works and His veils and His shadows;
But where is He then ? by what name is He known ?
Is He Brahma or Vishnu? a man or a woman?
Bodied or bodiless? twin or alone?

We have love for a boy who is dark and resplendent,
A woman is lord of us, naked and fierce.
We have seen Him a-muse on the snow of the mountains,
We have watched Him at work in the heart of the spheres.

We will tell the whole world of His ways and His cunning:
He has rapture of torture and passion and pain;
He delights in our sorrow and drives us to weeping,
Then lures with His joy and His beauty again.

Кто?

Кто синий купол воздвигнул над миром,
Кто разукрасил смарагдовый лес,
Ветры, уснувшие в лоне эфира,
Кто разбудил и взметнул до небес?

В сердце Он спрятан, в пещере Природы,
Найден в мозгу, где Он мысль создает,
Выткан цветов луговых хороводом,
Пойман в тенета лучистые звезд.

В прелести женской и в мужеской силе,
В смехе ребенка, в речах мудреца,
Тот, кто в пространстве вращает светила,
Запечатлел весь свой гений Творца.

Где же Он сам, как Его вы зовете?
Брахма ль Он, Вишну? один иль двулик?
Муж иль жена? во плоти иль бесплотен?
Как в сонмах масок узнать его лик?

Мальчик нам мил, озорник смуглоликий,
Женщина грозная наш властелин,
В горных снегах созерцатель великий,
В сердце вселенных миров господин.

Миру раскроем мы все Его ковы:
Он нас терзает, и Он нас влечет;
В слезы и горести ввергнет — и снова
К чуду и радости вечно зовет.

Selected Poems

All music is only the sound of His laughter,
All beauty the smile of His passionate bliss;
Our lives are His heart-beats, our rapture the bridal
Of Radha and Krishna, our love is their kiss.

He is strength that is loud in the blare of the trumpets,
And He rides in the car and He strikes in the spears;
He slays without stint and is full of compassion;
He wars for the world and its ultimate years.

In the sweep of the worlds, in the surge of the ages,
Ineffable, mighty, majestic and pure,
Beyond the last pinnacle seized by the thinker
He is throned in His seats that for ever endure.

The Master of man and his infinite Lover,
He is close to our hearts, had we vision to see;
We are blind with our pride and the pomp of our passions,
We are bound in our thoughts where we hold ourselves free.

It is He in the sun who is ageless and deathless,
And into the midnight His shadow is thrown;
When darkness was blind and engulfed within darkness,
He was seated within it immense and alone.

Вся красота, весь восторг мироздания —
Это лишь Он, в нашем сладком пылу
Кроется Радхи и Кришны венчанье,
Наша любовь — страстный их поцелуй.

Сердце Его всюду бьется счастливо,
Все в нашей жизни тем пульсом живó;
Музыка — смеха Его переливы,
Прелесть — улыбка блаженства Его.

В песне звенит Он и в горна звучанье,
Движет колесами, саблей сечет,
Губит и милует, полн состраданья,
Мир охраняет, спасает, ведет.

В беге миров и в потоке столетий,
Неизречен, всемогущ и пречист,
В высях немислимых, в истинном Свете,
Непреходящий, Он вечно царит.

Друг человека, Возлюбленный дивный,
Скрыт в нашем сердце Владыка всего —
Мы ж в ослепленье страстей и гордыни,
Пленники мысли, не видим Его.

В солнце Он блещет, пресветлый, нетленный,
Полночь Он тенью своею объял;
В темени тем до начала вселенной,
Вечный, незыблемый, Он восседал.

Reminiscence

My soul arose at dawn and, listening, heard
One voice abroad, a solitary bird,
A song not master of its note, a cry
That persevered into eternity.
My soul leaned out into the dawn to hear
In the world's solitude its winged compeer
And, hearkening what the Angel had to say,
Saw lustre in midnight and a secret day
Was opened to it. It beheld the stars
Born from a thought and knew how being prepares.
Then I remembered how I woke from sleep
And made the skies, built earth, formed ocean deep.

Воспоминание

Душа моя проснулась на заре,
Услышав голос птицы одинокой,
Призывный клич, пронзительно-высокий,
Из вечности немолкнушую трель.
Душа моя заре навстречу взмыла
В притихший мир к сестре своей крылатой
И слушала, что пел ей ангел милый, —
И свет прозрела в ночи, и сокрытый
Предстал ей день, и из мечты рожденье
Несметных звезд, и бытия стремленье.
И вспомнил я, как ото сна восстал
И небо, землю, бездну вод создал.

Kama

O desolations vast, O seas of space
Unpeopled, realms of an unfertile light,
Grow multitudinous with living forms,
Enamoured of desire! I send My breath
Into the heart of being and the storm
Of sweet attraction shall break up its calm
With quivering passionate intensity,
And silence change to a melodious cry,
And all the world be rose. Out of my heart
Suns shall flame up into the pitiless void
And the stars wheel in magic dances round
Weaving the web of mortal life. For I
Am love, am passion. I create the world.
I am the only Brahma. My desire
Takes many forms; I change and wheel and race
And with me runs creation. I preserve,
For I am love. I weary of myself,
And the world circles back into the Vast.
Delight and laughter walking hand in hand
Go with me, and I play with grief and pain.
I am the dance of Krishna, I the dance
Of Kali, Might and Majesty are mine.
And I can make the heart a child at play,
The soul of things a woman full of bliss.
Hunger and Thirst, arise and make the world!
Delight, go down and give it strength to live!
O ether, change! O breath of things, grow full
Of the perpetual whirl! Break out, O fire,
In seas of magic colour, infinite waves

Кама

О бездны пустоты, моря пространства
Безлюдные, ширь царств бесплодных света
Вдруг наполняют сонмы форм живых,
Желаньем зачарованы! Восторг Мой
Я шлю, дыханьем, в сердце бытия,
И сладкого влеченья ураган
Взрывает тишь его и наполняет
Трепещущей неукротимой страстью,
И тишь сменяет мелодичный клич,
И расцветает мир. Из сердца моего
Взмывают солнца в пустоте бездушной
И звезды кружат в чудодейных танцах,
Сплетая смертной жизни сеть. Ведь я
Любовь, я страсть. Я сотворяю мир.
Лишь я его творец. Мое желанье
Приемлет сонмы форм; я изменяюсь,
Кружась, спеша, и все мое творенье
Спешит со мной. Я этот мир храню,
Ведь я любовь. Я от себя устану
И мир свернется снова в Пустоту.
Восторг и смех, рука в руке шагая,
Идут со мной; я в боль и скорбь играю.
Я танец Кришны и я танец Кали,
Могущество и Царственность — со мной.
Я сердце превращу в дитя в игре,
А душу тварей — в женщину в блаженстве.
О Глад, о Жажда, мир, восстав, творите!
Восторг, дай силу жить ему, приди!
Эфир, теки! Дыханье жизни, полнись
Нетленным вихрем! О взметнись, огонь,
Морями чудо-цвета, волн безбрежных

Of rainbow light! Thou liquid element,
Be sap, be taste in all created things
To please the senses. Thou, O solid earth,
Enter into all life, support the worlds.
I send forth joy to cheer the hearts of men,
I send forth law to harmonise and rule.
And when these things are done, when men have learned
My beauty, My desirability, My bliss,
I will conceal myself from their desire
And make this rule of the eternal chase,
«They who abandon Me, shall to all time
Clasp and possess; they who pursue, shall lose.»

Радужносветья! Ты, стихия вод,
Будь соком, вкусом будь во всех вещах —
Усладой чувств. Ты, твердая земля,
Собой проникни жизнь, миров поддержкой.
Я радостью дарю сердца людские,
Я шлю закон гармонии и власти.
Свершив все это, людям дав познать
Мою красу, желанность и блаженство,
Я спрячусь вновь от них, от их желанья
И утвержу закон погони вечной:
«Кто отказался от меня, обрящет;
Кто гонится за мной, лишь потеряет».

The Dream Boat

Who was it that came to me in a boat made of dream-fire,
 With his flame brow and his sun-gold body?
Melted was the silence into a sweet secret murmur,
 “Do you come now? is the heart’s fire ready?”

Hidden in the recesses of the heart something shuddered,
 It recalled all that the life’s joy cherished,
Imaged the felicity it must leave lost for ever,
 And the boat passed and the gold god vanished.

Now within the hollowness of the world’s breast inhabits —
 For the love died and the old joy ended —
Void of a felicity that has fled, gone for ever,
 And the gold god and the dream boat come not.

Корабль мечты

Кто он, в корабле мечты огненном прибывший,
С пламенным челом, с телом — ясным солнцем?
Растворилась тишь в сладком шепоте неслышном:
«Ты готов ли в путь? огонь горит ли в сердце?»

Что-то содрогнулось вдруг в тайниках сердечных,
Вспомнив все, что жизнь радостью питало,
Счастье вообразив, что теперь навеки минет, —
И корабль отплыл, бог златой растаял.

Пустота теперь поселилась в сердце мира —
Умерла любовь и угасла радость;
Счастье прежних дней ушло, сгинуло бесследно...
Где ты бог златой, где — мечты корабль?

In Some Faint Dawn...

In some faint dawn,
In some dim eve,
 Like a gesture of Light,
 Like a dream of delight
Thou comst nearer and nearer to me.

Экспромт

Только утро займется,
Только вечер подступит, —
 Словно Света явление,
 Словно зов упоенья,
Ты все ближе и ближе ко мне.

Silence is all

1

Silence is all, say the sages.
Silence watches the work of the ages;
In the book of Silence the cosmic Scribe has written his
cosmic pages;
Silence is all, say the sages.

2

What then of the word, O speaker?
What then of the thought, O thinker?
Thought is the wine of the soul and the word is the beaker;
Life is the banquet-table — the soul of the sage is the drinker.

3

What of the wine, O mortal?
I am drunk with the wine as I sit at Wisdom's portal,
Waiting for the Light beyond thought and the Word immortal.
Long I sit in vain at Wisdom's portal.

4

How shalt thou know the Word when it comes, O seeker?
How shalt thou know the Light when it breaks, O witness?
I shall hear the voice of the God within me and grow wiser
and meeker;
I shall be the tree that takes in the light as its food, I shall drink
its nectar of sweetness.

Безмолвие — это все

1

Безмолвие — это все, — говорит блаженный.
Безмолвие озирает движение жизни бренной;
В книге Безмолвья Творец хранит летописи вселенной;
Безмолвие — это все, — говорит блаженный.

2

Что же такое слово, о сказитель?
И что ж такое мысль, о мыслитель?
Мысль — это хмель души, слово же — кубок пенный;
Жизнь — это сладкий пир души мудреца нетленной.

3

Где же, о смертный, ты напьешься вина хмельного?
Сидя у врат Познания, пью вино я снова и снова,
Ожидая всевышнего Света и бессмертного Слова...
Долго жду я, но лишь напился вина хмельного.

4

Как же Слово узнаешь ты, о искатель?
Как же Свет распознаешь ты, о смотритель?
Божий глас я услышу в себе, стану мудрым, смиренным,
Стану древом, что свет впивает, соком блаженным.

Ocean Oneness

Silence is round me, wideness ineffable;
White birds on the ocean diving and wandering;
 A soundless sea on a voiceless heaven,
 Azure on azure, is mutely gazing.

Identified with silence and boundlessness
My spirit widens clasping the universe
 Till all that seemed becomes the Real,
 One in a mighty and single vastness.

Someone broods there nameless and bodiless,
Conscious and lonely, deathless and infinite,
 And, sole in a still eternal rapture,
 Gathers all things to his heart for ever.

Безбрежное Единство

Безмолвье вокруг, широта несказанная;
Белые птицы в безбрежии странствуют;
Беззвучное море — в безгласное небо,
Лазурь — на лазурь немо взирает.

С безмолвьем единый и беспредельностью,
Ширится дух мой, объемля вселенную,
Один среди необъятных далей, —
И все, что грезилось, стало Явью.

Кто-то безвестный, бесплотный здесь царствует,
Единосуший, нетленный, безбóрежный,
И, одинокий в восторге вечном,
Мир заключает навек в объятия.

The Blue Bird

I am the bird of God in His blue;
 Divinely high and clear
I sing the notes of the sweet and the true
 For the god's and the seraph's ear.

I rise like a fire from the mortal's earth
 Into a griefless sky
And drop in the suffering soil of his birth
 Fire-seeds of ecstasy.

My pinions soar beyond Time and Space
 Into unfading Light;
I bring the bliss of the Etemal's face
 And the boon of the Spirit's sight.

I measure the worlds with my ruby eyes;
 I have perched on Wisdom's tree
Thronged with the blossoms of Paradise
 By the streams of Eternity.

Nothing is hid from my burning heart;
 My mind is shoreless and still;
My song is rapture's mystic art,
 My flight immortal will.

Синяя птица

Я Божия птица — в небесной стране
 Парю я, все выше взмывая,
И трелями истины в той вышине
 Бессмертных богов услаждаю.

В блаженные сферы стремлюсь я огнем
 С мольбою за смертное племя
И в землю страданий роняю дождем
 Экстаза горячее семя.

Пространство и Время остались вдали,
 Лишь Свет негасимый повсюду:
Предвечного образ меня окрылил,
 Духовного виденья чудо.

Рубиновым оком объемля миры,
 Венчаю я древо Познания,
Плодов элизийских вкушаю дары
 И Вечности чую дыханье.

Все сущее обнял души моей жар;
 Мой разум покоен и волен;
Мой голос — восторга мистический дар,
 Крыла мои — вечная воля.

Ascent

(1) The Silence

Into the Silence, into the Silence,
Arise, O Spirit immortal,
Away from the turning Wheel, breaking the magical Circle.
Ascend, single and deathless:
Care no more for the whispers and the shoutings in the darkness,
Pass from the sphere of the grey and the little,
Leaving the cry and the struggle,
Into the Silence for ever.

Vast and immobile, formless and marvellous,
Higher than Heaven, wider than the universe,
In a pure glory of being,
In a bright stillness of self-seeing,
Communing with a boundlessness voiceless and intimate,
Make thy knowledge too high for thought, thy joy too deep
for emotion;
At rest in the unchanging Light, mute with the wordless
self-vision,
Spirit, pass out of thyself; Soul, escape from the clutch of Nature.
All thou hast seen cast from thee, O Witness.
Turn to the Alone and the Absolute, turn to the Eternal:
Be only eternity, peace and silence,
O world-transcending nameless Oneness,
Spirit immortal.

Восхождение

(1) К Безмолвию

К сферам Безмолвья, к сферам Безмолвья
Взвейся, о Дух бессмертный,
Магический Круг прерви, покинь Колеса вращенье,
О единый, нетленный!
От шепотков и криков, слышащихся во мраке,
От серости и ничтожности бренной,
От борьбы и стенанья —
Взнесись в Безмолвье навеки!

Безвидный и дивный, безмерный, недвижимый,
Выше Небес и объемней вселенной,
В самобытном сиянии,
В ясном самопознании,
Единый с безбрежьем, светлым, заветным,
В знанье возвысься над мыслью, в радости — над страстями;
Покоясь в нетленном Свете, молча в себя взирая,
Себя превзойди, о Дух, избавься от уз Природы.
Все, что ты видел, отринь, о Свидетель.
Стремись к Абсолюту, влекись Единым и Вечным —
Лишь вечностью стань, покоем, безмолвьем,
Стань безымянным, всесущим, всевышним,
О Дух бессмертный!

(2) Beyond the Silence

Out from the Silence, out from the Silence,
Carrying with thee the ineffable Substance,
Carrying with thee the splendour and wideness,
Ascend, O Spirit immortal.
Assigning to Time its endless meaning,
Blissful enter into the clasp of the Timeless.
Awake in the living Eternal, taken to the bosom of love
of the Infinite,
Live self-found in his endless completeness,
Thy heart close to the heart of the Godhead for ever.

Vast, God-possesseing, embraced by the Wonderful,
Lifted by the All-Beautiful into his infinite beauty,
Love shall envelop thee endless and fathomless,
Joy unimaginable, Ecstasy illimitable,
Knowledge omnipotent, Might omniscient,
Light without darkness, Truth that is dateless.
One with the Transcendent, calm, universal,
Single and free, yet innumerably living,
All in thyself and thyself in all dwelling,
Act in the world with thy being beyond it.
Soul, exceed life's boundaries; Spirit, surpass the universe.
Outclimbing the summits of Nature,
Transcending and uplifting the soul of the finite,
Rise with the world in thy bosom,
O Word gathered into the heart of the Ineffable.

(2) За пределы Безмолвия

Из сфер Безмолвья, из сфер Безмолвья,
Исполнившись несказанной Новью,
Исполнившись блеском и широтою,
Взвейся, о Дух бессмертный.
Времени возвращая смысл его бесконечный,
Пади, о блаженный, Вневременному в объятия.
К Вечному пробудись, слейся в любви с Безмерным,
Живи, обретя себя, в его полноте бездонной,
Радостью и усладой его вспоенный,
К Божьему сердцу сердцем припад навек.

Безбрежный, обретший Бога, обнятый Всечудесным,
Поднятый Всепрекрасным к его красоте безмерной,
В Любви ты пребудешь, бездонной и беспредельной,
В Радости невообразимой, в Экстазе необозримом,
В Знании всемогущем, во всеведущей Силе,
В Свете, где нету мрака, в Истине, что безвечна.
С Трансцендентным единый, тихий и вездесущий,
Одиноко свободный и несметно живущий,
Все вмещающая в себя и во всем пребывающая,
Действуй в мире, над миром всегда оставаясь.
О Душа, превзойди жизни узы; о Дух, над вселенной взвейся.
Возносясь выше пиков Природы,
Превышая и возвышая конечного душу,
Воспари, мир в груди заключив,
Словом, вобранным в сердце Неизреченным.

Selected Poems

One with the Eternal, live in his infinity,
Drowned in the Absolute, found in the Godhead,
Swan of the supreme and spaceless ether wandering winged
through the universe,
Spirit immortal.

Избранные стихотворения

Стань единым с Предвечным, взмой в его бесконечность,
Утони в Абсолюте, оживи в Божестве,
Лебедь вышних внемирных эфиров, окрыленный, рей
во вселенной,
О Дух бессмертный!

Thought the Paraclete

As some bright archangel in vision flies
Plunged in dream-caught spirit immensities,
Past the long green crests of the seas of life,
Past the orange skies of the mystic mind
Flew my thought self-lost in the vasts of God.
Sleepless wide great glimmering wings of wind
Bore the gold-red seeking of feet that trod
Space and Time's mute vanishing ends. The face
Lustred, pale-blue-lined of the hippogriff,
Eremite, sole, daring the bourneless ways,
Over world-bare summits of timeless being
Gleamed; the deep twilights of the world-abys
Failed below. Sun-realms of supernal seeing,
Crimson-white mooned oceans of pauseless bliss
Drew its vague heart-yearning with voices sweet.
Hungering, large-souled to surprise the unconned
Secrets white-fire-veiled of the last Beyond,
Crossing power-swept silences rapture-stunned,
Climbing high far ethers eternal-sunned,
Thought the great-winged wanderer paraclete
Disappeared slow-singing a flame-word rune.
Self was left, lone, limitless, nude, immune.

Мысль-Параклит

Словно светлый ангел на крылах прозренья,
Позванный мечтою к сферам откровенья,
Минув плеск зеленый жизненных морей,
Минув небосвод разума багряный,
Мысль моя летит, затерявшись в Боге.
Ширясь, крылья-ветры блещут неустанно,
Унося к исходу золотой дороги
Пламень стоп, спешащих к краю мирозданья.
Неболикий образ, гиппогрифом рея, —
Одинокий странник на путях познания —
Над вершиной мира взмыв, она мерцает;
Скрылись позади мрачные глубины —
Солнечные царства Виденья сияют;
Вечно блаженства лунная пучина
Сладкими гласами пыл ее манит..
Жажда достигнуть пламенем хранимых
Неизбывных тайн, сфер непостижимых,
В радости и силе тишины бездонной,
В трепетном эфире выси озаренной
Мысль моя — крылатый вестник-параклит —
Скрылась, воспевая пламенную оду..
И остался дух, вечность, свет, свобода.

Птица огня

Птица огня, златобелым крылом озарив горизонты,
померкла, мерцая, за солнечнопламенным краем
в густеющей западной дымке,
Чёлном-посланцем скользнув
по сапфирно-цветущим раздольям
беззвучных пылающих бездн.
И в исчезающем в сумерках мире
цвет и блистанье мне в сердце плывут,
возвращаясь сквозь синий трепещущий вечер:
Пламень и блеск озарили
вспененные Вечности воды,
восторженно-белую гладь.

Птица огня, златобелые крылья твои
поздно, медленно всплыли из Вечности.
Ангел, несешь ли
Ты мне для этой земли, томящейся жаждой,
дух безмолвный и вольный,
любви неизбывной пунцовый божественный пыл —
Дивный кувшин белочудных лучей,
пенящийся розвокрасным пьянящим нектаром
из полных блистаньем сосудов великих экстаза,
Медом из солнечных гроздьев бессмертной ягоды винной,
выжатым пляской Танцора во Времени,
буйством его внезапных неистовых стоп?

Selected Poems

White-rose-altar the eternal Silence built, make now my nature
wide, an intimate guest of His solitude,
But golden above it the body of One in her diamond sphere
with Her halo of star-bloom and passion-ray!
Rich and red is thy breast, O bird, like blood of a soul climbing
the hard crag-teeth world, wounded and nude.
A ruby of flame-petalled love in the silver-gold altar-vase
of moon-edged night and rising day.

O Flame who art Time's last boon of the sacrifice, offering-flower
held by the finite's gods to the Infinite,
O marvel bird with the burning wings of light and the unbarred
lids that look beyond all space,
One strange leap of thy mystic stress breaking the barriers of mind
and life, arrives at its luminous term thy flight;
Invading the secret clasp of the Silence and crimson Fire
thou frontest eyes in a timeless Face.

Розово-белый алтарь, воздвигнутый вечным Безмолвьем,
сделай же ныне природу мою беспредельной, а дух мой —
гостем душевным в Его одиноких просторах,
И к единенью взнеси с Той, что златым простирается телом
в сфере алмазной, осиянной звездным цветеньем
и страстью лучистой Ее!
Ярким багрянцем, о птица, твоя обливается грудь,
словно бы кровью души, что на скалы вершин мировых
взбирается тяжело, нагая,
Будто рубин огненосный любви
с лепестками-пламёнами в златосеребряной вазе
ночи, луной ограненой, и восходящего дня.

О пламенеющий дар, дар последний Времен,
жертвенный цвет, что конечного боги
Бесконечному немо подносят,
О чудо-птица с крылами горящими света,
с очами, что зрят без границ
за пределы всех сфер и пространств,
Пыл твой волшебный вдруг сокрушил
жизни и мысли преграды
и твой полет достигает лучшейся цели;
В тайных объятьях Безмолвья, в малиновом Пламени рея,
ты предстаешь пред очами Вневременья,
зришь Запредельного Лик.

Trance

A naked and silver-pointed star
 Floating near the halo of the moon;
A storm-rack, the pale sky's fringe and bar,
 Over waters stilling into swoon.

My mind is awake in stirless trance,
 Hushed my heart, a burden of delight;
Dispelled is the senses' flicker-dance,
 Mute the body aureate with light.

O star of creation pure and free,
 Halo-moon of ecstasy unknown,
Storm-breath of the soul-change yet to be,
 Ocean self enraptured and alone!

Транс

Нагая, серебряно блещет звезда
Плывя в ореоле лучистом луны;
Оградой небес — дальней бури гряда
Над морем, забывшимся сном тишины.

Мой разум объял неколеблемый транс,
Безмолвствует сердце, восторгом пьяно,
Развеялся чувств трепетающий пляс
И тело золотой немотою полно.

О чудо-звезда созиданья в тиши!
О счастья безвестного лунный туман!
О буря грядущих прозрений души!
О вечно ликующий дух-океан!

Who art thou that camest...

Who art thou that camest
 Bearing the occult name,
Wings of regal darkness
 Eyes of an unborn flame?

Like the august uprising
 Of a forgotten sun
Out of the caverned midnight
 Fire-trails of wonder run.

Captured the heart renouncing
 Tautness of passion-worn strings
Allows the wide-wayed sweetness
 Of free supernal things.

Кто ты?

Кто ты, что предо мной явил
Звук Имени неизреченный,
Державный мрак могучих крыл
И взоров пламень нерожденный?

Напомнив царственный восход
Давно забытого светила,
Из глубины полночных вод
Вдруг чудо огненное всплыло.

И в сердце страсти улеглись,
Затихло струн усталых пенье,
Впуская сладостную высь
Небесных вольных откровений.

Descent

All my cells thrill swept by a surge of splendour,
Soul and body stir with a mighty rapture,
Light and still more light like an ocean billows
 Over me, round me.

Rigid, stone-like, fixed like a hill or statue,
Vast my body feels and upbears the world's weight;
Dire the large descent of the Godhead enters
 Limbs that are mortal.

Voiceless, thronged, Infinity crowds upon me;
Presses down a glory of power eternal;
Mind and heart grow one with the cosmic wideness;
 Stilled are earth's murmurs.

Swiftly, swiftly crossing the golden spaces
Knowledge leaps, a torrent of rapid lightnings;
Thoughts that left the Ineffable's flaming mansions,
 Blaze in my spirit.

Slow the heart-beats' rhythm like a giant hammer's;
Missioned voices drive to me from God's doorway
Words that live not save upon Nature's summits,
 Ecstasy's chariots.

All the world is changed to a single oneness;
Souls undying, infinite forces, meeting,
Join in God-dance weaving a seamless Nature,
 Rhythm of the Deathless.

Нисхождение

В белом пламени клетки мои трепещут,
Дух и тело объаты восторгом властным,
Свет повсюду волнуется океаном —
 Всюду свет, беспредельный свет.

Неподвижное, словно утес могучий,
Тело ширится, мира вмещающая ношу;
Всею огненной мощью Господь нисходит
 В мой трепещущий бранный прах.

Беспредельности гнет надо мной, безмолвный,
Вечной силы пленительный, дивный натиск;
Ум и сердце с вселенной едины стали;
 Смолкли все голоса земли.

В миг единый пронзая златые шири,
Знание блещет, рекой быстролетных молний;
Несказанных высот пламенные мысли
 Озаряют мой дух огнем.

Сердце мерно стучит, словно млат гиганта;
Мне от Бога несут голоса-посланцы
Сокровенный Плагол высочайших высей,
 Кораблями блаженных сфер.

Мне отныне весь мир предстает единым;
Беспредельные силы, вечные души
В танце Божиим ткнут полотно Природы,
 Уловив Нетленного ритм.

Selected Poems

Mind and heart and body, one harp of being,
Cry that anthem, finding the notes eternal, —
Light and might and bliss and immortal wisdom
 Clasping for ever.

Разум, сердце и тело, единой арфой,
Тот бессмертный хорал воспевают вместе —
Свет, блаженство, сила и вечная мудрость
С ними будут теперь всегда.

Космический Человек

Я озираю мир, и нет предела взгляду моему;
Париж я вижу, Токио, Нью-Йорк,
И вижу взрывы бомб над Барселоной и Кантоном.
В моем едином «я» бессчетные злодеяния человека
И редкостные добрые дела.
Я зверь, убитый им, и птица, что он выходил и спас.
Неведомых умов во мне трепещут мысли,
Мильонов скорбь вмещаю я в своей груди единой.

The Island Sun

I have sailed the golden ocean
 And crossed the silver bar;
I have reached the Sun of knowledge
 The earth-self's midnight star.

Its fields of flaming vision,
 Its mountains of bare might,
Its peaks of fiery rapture,
 Its air of absolute light,

Its seas of self-oblivion,
 Its vales of Titan rest,
Became my soul's dominion,
 Its Island of the Blest.

Alone with God and silence,
 Timeless it lived in Time;
Life was His fugue of music,
 Thought was Truth's ardent rhyme.

The Light was still around me
 When I came back to earth
Bringing the Immortal's knowledge
 Into man's cave of birth.

Солнце-Остров

Преодолев златые океаны,
Переборов серебряный прибой,
Причалил я однажды к Солнцу Знания,
Полуночной звезде мечты земной.

Его раздолья пламенного зренья,
И обнаженной мощи косогор,
И огненные пики упоенья,
И света абсолютного простор,

И самопоглощенности пучины,
И доли титанической тиши
Моею стали вотчиной отныне,
Благословенным Островом души.

Наедине с безмолвием и Богом,
Вневременный, тот светоч плыл в веках —
И стала жизнь прекрасной Божьей фугой,
И мысль запела Истиной в стихах.

Когда ж я вновь на землю возвратился,
Тот высший Свет сиял вокруг меня,
И знанием Бессмертья озарился
Пещерный мрак людского бытия.

Bride of the Fire

Bride of the Fire, clasp me now close, —
 Bride of the Fire!
I have shed the bloom of the earthly rose,
 I have slain desire.

Beauty of the Light, surround my life, —
 Beauty of the Light!
I have sacrificed longing and parted from grief,
 I can bear thy delight.

Image of ecstasy, thrill and enlase, —
 Image of bliss!
I would see only thy marvellous face,
 Feel only thy kiss.

Voice of Infinity, sound in my heart, —
 Call of the One!
Stamp there thy radiance, never to part,
 O living Sun.

Огненная Невеста

Дева из Огня, обними меня, —
Дева из Огня!
Роз земных цветенье не прельстит меня,
От желанья свободен я.

Светоч светочей, жизнь мою согрей, —
Светоч светочей!
Я изгнал печали и я чужд страстей,
Я достоин любви твоей.

Твой блаженный лик предо мной возник —
О счастливый миг!
Я увидел все же твой волшебный лик
И устами к устам приник.

О Безбрежья крик, душу озари, —
О Единства крик!
О живое Солнце, ты во мне гори,
О, вовеки во мне гори!

The Mother of God

A conscious and eternal Power is here
Behind unhappiness and mortal birth
And the error of Thought and blundering trudge of Time.
The Mother of God, his sister and his spouse,
Daughter of his wisdom, of his might the mate,
She has leapt from the Transcendent's secret breast
To build her rainbow worlds of mind and life.
Between the superconscient absolute Light
And the Inconscient's vast unthinking toil
In the rolling and routine of Matter's sleep
And the somnambulist motion of the stars
She forces on the cold unwilling Void
Her adventure of life, the passionate dreams of her heart.
Amid the work of darker Powers she is here
To heal the evils and mistakes of Space
And change the tragedy of the ignorant world
Into a Divine Comedy of joy
And the laughter and the rapture of God's bliss.
The Mother of God is master of our souls;
We are the partners of his birth in Time,
Inheritors we share his eternity.

Матерь Божия

Нетленная сознательная Сила
Стоит за горем и рождением смертным,
За поиском и заблуждением Мысли,
За бесконечным странствием Времен.
То — Матерь Божия, сестра Его, супруга,
Его безбрежной мудрости дитя,
Соратница Его безмерной мощи.
Из лона Трансцендентного явившись,
Она воздвигла дивные миры,
Ума и жизни радужные царства.
Меж светом абсолютным Сверхсознания
И тяжким несознательным трудом,
В Материи, объята сном холодным,
Она пустилась в приключение жизни,
Среди движенья звезд замороженных
В бесчувственной, инертной Пустоте
Отдалась пылким прихотям и грезам.
Она сияет в гуще темных Сил,
Врачуя зло и заблуждение мира:
Трагедия невежества и боли
Становится по манию ее
Божественной Комедией восторга,
Счастливым смехом радости Господней.
Ты, Матерь Божия, — царица наших душ;
Мы все — участники рожденья Бога,
Наследники бессмертия Его.

Rose of God

Rose of God, vermilion stain on the sapphires of heaven,
Rose of Bliss, fire-sweet, seven-tinged with the ecstasies seven!
Leap up in our heart of humanhood, O miracle, O flame,
Passion-flower of the Nameless, bud of the mystical Name.

Rose of God, great wisdom-bloom on the summits of being,
Rose of Light, immaculate core of the ultimate seeing!
Live in the mind of our earthhood; O golden Mystery, flower,
Sun on the head of the Timeless, guest of the marvellous Hour.

Rose of God, damask force of Infinity, red icon of might,
Rose of Power with thy diamond halo piercing the night!
Ablaze in the will of the mortal, design the wonder of thy plan,
Image of Immortality, outbreak of the Godhead in man.

Rose of God, smitten purple with the incarnate divine Desire,
Rose of Life, crowded with petals, colour's lyre!
Transform the body of the mortal like a sweet and magical rhyme;
Bridge our earthhood and heavenhood, make deathless
the children of Time.

Rose of God, like a blush of rapture on Eternity's face,
Rose of Love, ruby depth of all being, fire-passion of Grace!
Arise from the heart of the yearning that sobs in Nature's abyss:
Make earth the home of the Wonderful and life Beatitude's kiss.

Божия Роза

О Божия Роза, в сапфире небесном живое багряное диво,
О Роза Блаженства, о ты, что в семи пламенах семикратно
счастлива!

Явись в человеческом сердце, о чудо, о пламя свободы,
Цветущим огнем Безымянного, тайного Имени восходом.

О Божия Роза, познания великий цветок на вершинах
творенья,
О Роза Сиянья, пречистый, пресветлый бутон всепрозренья!
Укрась земнорожденный разум, о светоч, о Тайна золотая,
О солнце во лбу Вневременного, дивного Часа прищипца
святая.

О Божия Роза, дамасская мощь Беспределья, пунцовый
могущества цвет,
О Роза Всевластья, вонзившая в ночь свой бриллиантовый
свет!
Вспылай в воле смертных, раскрой чудо-план свой навеки,
Бессмертия образ, расцвет Божества в человеке.

О Божия Роза, о пурпур, горящий всевышним Желаньем,
О Роза Бессмертья, о сонм лепестков, чудных красок лобзанье!
О, преобрази тело смертное в сладкий магический гимн,
Бессмертье даруй чадам тленья, земное с небесным спяги.

О Божия Роза, на Лике предвечном счастливый румянец,
О Роза Любви, о глубинный рубин бытия, Благодати багрянец,
Воспрянь из молящего сердца, что в безднах Природы рыдает,
Пусть жизнь возликует, пусть мир весь обителью Дивного
станет!

A Strong Son of Lightning

A strong son of lightning came down to the earth
with fire-feet of swiftness, splendid;
Light was born in a womb and thunder's force
filled a human frame.
The calm speed of heaven, the sweet greatness, pure passion,
winged power had descended;
All the gods in a mortal body dwelt, bore a single name.

A wide wave of movement stirred all the dim globe
in each glad and dreaming fold;
Life was cast into grandeur, ocean hands took the wheels of Time.
Man's soul was again a bright charioteer of days
hired by gods impetuous bold,
Hurled by One on His storm-winged ways,
a shaft aimed at heights sublime.

The old tablets clanging fell, ancient slow Nature's dead wall
was rent asunder,
God renewed himself in a world of young beauty,
thought and flame:
Divine voices spoke on men's lips, the heart woke
to white dawns of gleaming wonder.
Air a robe of splendour, breath a joy, life a godlike game.

Сын молнии

Сын могучий молнии грянул в бранный мир,
огненогий, пресветлокрылый,
Свет низлился в чрево,
громовая мощь низлетела в дитя земли.
Он сверкнул быстротой небес,
сладкой властью, пречистым пылом,
И все боги явились в смертном,
имя общее обрели.

Вся земля содрогнулась под шквалом мощи,
встрепенулся весь мир безбрежный.
Жизнь явила чудо, океана длани
повернули корабль веков.
Стала вновь душа светозарным возничим дней
в колеснице богов мятежных,
Бурей мчась, посланной Единым,
устремясь копьем в высь иных миров.

Тяжко рухнули вековые скрижали,
пали древней Природы стены;
В мире пламени, мудрости, красоты бессмертной
Бог явился вновь:
Голоса небес зазвучали из уст людских, и сердца
пробудились к белым зорям благословенным,
Воздух стал одеяньем дивным, каждый вздох — восторгом,
жизнь — игрой богов.

A God's Labour

I have gathered my dreams in a silver air
 Between the gold and the blue
And wrapped them softly and left them there,
 My jewelled dreams of you.

I had hoped to build a rainbow bridge
 Marrying the soil to the sky
And sow in this dancing planet midge
 The moods of infinity.

But too bright were our heavens, too far away,
 Too frail their ethereal stuff;
Too splendid and sudden our light could not stay;
 The roots were not deep enough.

He who would bring the heavens here
 Must descend himself into clay
And the burden of earthly nature bear
 And tread the dolorous way.

Coercing my godhead I have come down
 Here on the sordid earth,
Ignorant, labouring, human grown
 Twixt the gates of death and birth.

I have been digging deep and long
 Mid a horror of filth and mire
A bed for the golden river's song,
 A home for the deathless fire.

Труд Божества

Собрав свои мечты в серебряной дали
 Меж синью и сияньем золотым,
Я бережно укрыл, и там оставил их —
 О вас мои бесценные мечты.

Я радужный мечтал воздвигнуть чудо-мост,
 Что обручил бы небеса с землею,
И на планете-крохе, пляшущей средь звезд,
 Посеять бесконечности настрои.

Но слишком наши выси были отдаленны,
 И слишком нежен тонкий их эфир:
Наш свет здесь не прижился, дивный, быстролетный,
 Не смог врасти корнями в этот мир.

Кто хочет даровать земле небес свободу,
 Тот должен сам во тленье низойти
И на себя взвалить ярмо земной природы,
 И по стезе безрадостной пройти.

Вот потому, принудив божество свое,
 Я низошел сюда, в земное тленье:
Невежества и горя принял тяжкий гнет
 Меж вратами смерти и рожденья.

Я нисходил все глубже в черные трясины,
 Копал с трудом во тьме, не знавшей дня,
Изложие для песни золотой стремнины,
 Обитель для бессмертного огня.

Selected Poems

I have laboured and suffered in Matter's night
To bring the fire to man;
But the hate of hell and human spite
Are my meed since the world began.

For man's mind is the dupe of his animal self;
Hoping its lusts to win,
He harbours within him a grisly Elf
Enamoured of sorrow and sin.

The grey Elf shudders from heaven's flame
And from all things glad and pure;
Only by pleasure and passion and pain
His drama can endure.

All around is darkness and strife;
For the lamps that men call suns
Are but halfway gleams on this stumbling life
Cast by the Undying Ones.

Man lights his little torches of hope
That lead to a failing edge;
A fragment of Truth is his widest scope,
An inn his pilgrimage.

The Truth of truths men fear and deny,
The Light of lights they refuse;
To ignorant gods they lift their cry
Or a demon altar choose.

All that was found must again be sought,
Each enemy slain revives,
Each battle for ever is fought and refought
Through vistas of fruitless lives.

Я столько бился и страдал во тьме Материи,
 Чтоб человеку принести огонь,
Но злоба ада и людское недоверие —
 Вот мой удел с тех пор, как мир рожден.

Ведь человек пленен своим животным «я»:
 Упитья вождельнями желая,
Он злого карлика укрыл внутри себя,
 Что горе и пороки обожает.

Небесного огня страшится серый гном,
 И чистоты и радости боится;
Лишь мукой, страстью и усладой он влеком,
 Лишь тем его трагедия и длится.

И вот теперь повсюду только мрак и бой,
 Ведь светочи, что солнцами считают, —
Лишь блики, что сюда, в заблудшую юдоль
 Светила Негасимые роняют.

Едва горит в Ночи надежды тусклый факел —
 Окутан вечной тьмою смертных взор:
Хоть Истина звездой мерцает им во мраке,
 Но им милей их постоянный двор.

И вот они бегут от Истины верховной
 И в страхе отвергают горний Свет,
Слепцы, к слепым богам в нужде идут с поклоном
 Иль демонам приносят свой обет.

Все найденное прежде нужно вновь открыть,
 И каждый враг убитый воскресает,
И в каждой схватке вновь придется победить,
 Сквозь дебри тщетных жизней прорываясь.

My gaping wounds are a thousand and one
And the Titan kings assail,
But I cannot rest till my task is done
And wrought the eternal will.

How they mock and sneer, both devils and men!
“Thy hope is Chimera’s head
Painting the sky with its fiery stain;
Thou shalt fall and thy work lie dead.

“Who art thou that babblest of heavenly ease
And joy and golden room
To us who are waifs on inconscient seas
And bound to life’s iron doom?

“This earth is ours, a field of Night
For our petty flickering fires.
How shall it brook the sacred Light
Or suffer a god’s desires?

“Come, let us slay him and end his course!
Then shall our hearts have release
From the burden and call of his glory and force
And the curb of his wide white peace.”

But the god is there in my mortal breast
Who wrestles with error and fate
And tramples a road through mire and waste
For the nameless Immaculate.

A voice cried, “Go where none have gone!
Dig deeper, deeper yet
Till thou reach the grim foundation stone
And knock at the keyless gate.”

Хоть весь изранен я, но не прервать мне бой
С несметной ратью царственных Титанов,
Пока не будет кончен труд безмерный мой,
И явью Воля вечная не станет.

О, как они смеялись — смертные и бесы!
«Очнись, химера ввысь тебя зовет,
Расцветившая небо огненной завесой...
Падешь ты, труд твой даром пропадет.

«Что там лепечешь ты о небесах безбрежных,
О радости и горнице златой
Нам, в безднах вечной тьмы влекомым безнадежно,
Нам, скованным железною судьбой?

«Земля — владенье наше, царство Несознания
Для наших тусклых, низменных огней.
Как вынесет она пресветлое Сознание,
Как примет Божьи требования к ней?

«Так смерть же, смерть ему! Прервем его поход.
И больше не стеснит нас никогда
Его всеилья сладкий, лучезарный гнет,
Его покоя белого узда».

Но в сердце у меня пылает пламень бога,
Храня меня от роковой черты,
Торя сквозь мрак и грязь пресветлую дорогу
Для несказанной горней Чистоты.

Я слышал Зов: «Иди нехоженой тропею,
Спустишь туда, где не был человек!
Там вечной Тьмы скала предстанет пред тобою
И в ней — врата, закрытые навек».

Selected Poems

I saw that a falsehood was planted deep
At the very root of things
Where the grey Sphinx guards God's riddle sleep
On the Dragon's outspread wings.

I left the surface gods of mind
And life's unsatisfied seas
And plunged through the body's alleys blind
To the nether mysteries.

I have delved through the dumb Earth's dreadful heart
And heard her black mass' bell.
I have seen the source whence her agonies part
And the inner reason of hell.

Above me the dragon murmurs moan
And the goblin voices flit;
I have pierced the Void where Thought was born,
I have walked in the bottomless pit.

On a desperate stair my feet have trod
Armoured with boundless peace,
Bringing the fires of the splendour of God
Into the human abyss.

He who I am was with me still;
All veils are breaking now.
I have heard His voice and borne His will
On my vast untroubled brow.

The gulf twixt the depths and the heights is bridged
And the golden waters pour
Down the sapphire mountain rainbow-ridged
And glimmer from shore to shore.

Тогда увидел я, что лжи проникли корни
 В источник всех вещей непостижимый,
Где спит волшебно Бог, укрыт крылом драконьим,
 И Сфинкс стоит на страже недвижимый.

Я разума богов поверхностных покинул
 И жизни неумные моря
И погрузился тела тоннелями глухими
 К ужасным тайнам, что хранит Земля.

Я слышу звуки черной мессы колокольной —
 Земли немое сердце предо мной.
Я отыскал причину всех ее агоний
 И ада вскрыл источник потайной.

Вокруг меня лишь бесов злобный шепоток
 И ледящий душу стон драконий;
Сквозь бездны Пустоты, где Мысль берет исток,
 Я погрузился в недра преисподней.

По страшной лестнице я невредим прошел,
 Обережен покоем бесконечным,
Неся великолепий Божьих ореол
 Сюда, на дно — в пучину человечью.

Тот, кем всегда я был, хранил меня дотол;е;
 Но истину открыть пора пришла:
Ему лишь я внимал, Его лишь нес я волю
 В безбрежном свете своего чела.

Разъявший высь и глубь провал мостом покрыт,
 И золотые воды ниспадают
С сапфирной, радугой увенчанной горы,
 От края и до края полыхая.

Heaven's fire is lit in the breast of the earth
And the undying suns here burn;
Through a wonder cleft in the bounds of birth
The incarnate spirits yearn

Like flames to the kingdoms of Truth and Bliss:
Down a gold-red stair-way wend
The radiant children of Paradise
Clarioning darkness's end.

A little more and the new life's doors
Shall be carved in silver light
With its aureate roof and mosaic floors
In a great world bare and bright.

I shall leave my dreams in their argent air,
For in a raiment of gold and blue
There shall move on the earth embodied and fair
The living truth of you.

Небесный вспыхнул огонь во тьме земного тления,
И вечные светила здесь горят;
Сквозь удивительный пролом в стенах рожденья
Ввысь боги воплощенные спешат,

Как пламя, к дивным царствам Истины и Счастья:
Стезей червонной путь свой направляет
Блистающее племя светлых детищ Рая
И окончанье мрака возвещает.

Еще чуть-чуть, и дверь в обитель жизни новой
Отверзнется во свете серебристом
С мозаикой полов и золотистой кровлей
Во славном мире, лучезарном, чистом.

Я в горнем серебре мечты свои оставлю,
Ведь в золото-лазурном одеянии
Здесь, на земле, чудесной, небывалой явью,
Восстанет ваша истина живая.

Musa Spiritus

O Word concealed in the upper fire,
Thou who hast lingered through centuries,
Descend from thy rapt white desire,
Plunging through gold eternities.

Into the gulfs of our nature leap,
Voice of the spaces, call of the Light!
Break the seals of Matter's sleep,
Break the trance of the unseen height.

In the uncertain glow of human mind,
Its waste of unharmonied thronging thoughts,
Carve thy epic mountain-lined
Crowded with deep prophetic grots.

Let thy hue-winged lyrics hover like birds
Over the swirl of the heart's sea.
Touch into sight with thy fire-words
The blind indwelling deity.

O Muse of the Silence, the wideness make
In the unplumbed stillness that hears thy voice,
In the vast mute heavens of the spirit awake
Where thy eagles of Power flame and rejoice.

Out, out with the mind and its candle flares,
Light, light the suns that never die.
For my ear the cry of the seraph stars
And the forms of the Gods for my naked eye!

Духовная Муза

О Слово, сокрытое в горнем огне
И ждавшее много столетий глухих,
Откройся в блаженной своей белизне
И к нам низлети из бессмертий златых.

В пучины природы земной низойди
Возвешием Света, глаголом пространств
И тяжкий Материи сон пробуди
И тайных высот неслабеющий транс.

В неверном свечении людского ума
Средь роя разрозненных мыслей и слов
Свой эпос воздвигни — гимн горных громад
С глубокими гrotами вещих стихов.

Пусть строфы твои словно птицы парят
Над бездною сердца, мерцая пером,
И пламенем слов зренье пусть возвратят
Ослепшему богу, сокрытому в нем.

О Муза Безмолвия, ширью явись
В покое бездонном, что ловит твой зов,
В молчаньи духовных небес пробудись
Средь Мощи своей огнекрылых орлов.

Прочь, прочь из ума с его проблеском свеч,
Свет, свет возожги нетускнеющих солнц!
Мне звезд-серафимов доносится клич,
Богов откровеньем мой взор просветлен.

Let the little troubled life-god within
Cast his veils from the still soul,
His tiger-stripes of virtue and sin,
His clamour and glamour and thole and dole;

All make tranquil, all make free.
Let my heart-beats measure the footsteps of God
As He comes from His timeless infinity
To build in their rapture His burning abode.

Weave from my life His poem of days,
His calm pure dawns and His noons of force.
My acts for the grooves of His chariot-race,
My thoughts for the tramp of His great steeds' course!

Пускай же душа все покровы отбросит,
Чтоб жизни божок не затмлял ее свет, —
Грехов, добродетелей тигрополосье,
Угроз его, грез его, бед и побед.

Свободу, Безмолвье низлей на меня.
Пусть сердце трепещет в такт Божьим шагам,
Когда низойдет Он из вечного Дня
Воздвигнуть во мне свой пылающий храм.

Пусть жизнь моя песнью Его закружится,
Рассветы и дни — станут ритмами строф;
Деянья пусть мчатся Его колесницей,
И мысли — галопом Его скакунов!

Seer deep-hearted

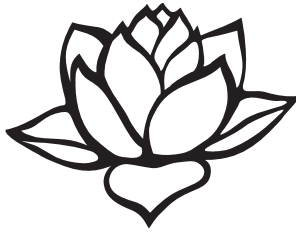
Seer deep-hearted, divine King of the secrecies,
Occult fountain of love sprung from the heart of God,
Ways thou knewest no feet ever in time had trod.
Words leaped shining,¹ the flame-billows of wisdom's seas,
Vast in thy soul was a tide washing the coasts of heaven,
Thoughts broke burning and bare crossing the human night,
White star-scripts of the gods born from the presses of Light
Page by page to the dim children of earth were given.

¹ flashing

Провидец

О Провидец глубокосердный, Царь всевышних таинств,
Ты, исторгнутый сердцем Божьим сокровенный любви поток,
Ты проник в те шири, где из смертных не бывал никто.
Душу обнял прилив морей, что берега небес омывают,
И глаголы Знанья волнами пламени потекли,
Засверкали нагие мысли, проникая во мрак бессветный:
Белозвездные свитки богов из печатен заветных Света
Ты открыл, за строкой строка, темным детям земли.

КОММЕНТАРИИ

Пусть строфы твои словно птицы парят
Над бездною сердца, мерцая пером,
И пламенем слов зренье пусть возвратят
Ослепшему богу, сокрытому в нем.

Шри Ауробиндо. Духовная Муза.

Стихотворения Шри Ауробиндо [позднего периода] — это новый шаг в мире Искусства. В его же собственном творчестве они представляют собой царственную лаконичную прелюдию к эпосу «Савитри»... — эпосу, который возносит поэзию к высочайшим мелодическим высотам и выражает с наиболее грандиозной и многообразной широтой и в огромном объеме то, что великим мастерам поэтического слова до Шри Ауробиндо удавалось выразить лишь в редкие моменты.

Амаль Киран. Шри Ауробиндо — поэт, с. 50

В настоящий сборник включены избранные стихотворения Шри Ауробиндо. Все они, кроме стихотворений «Зов», «Кто?», «Воспоминание» (1908—1909 г.) и «Кама» (предположительно 1910—1930), а также поэмы «Искания Мандавы» (1913 г.), написаны после 1930 г., в поздний период творчества автора. Здесь представлен ряд наиболее значительных и ярких стихотворений Шри Ауробиндо различных стилей. Его стихотворения позднего периода, наряду с созданными в этот же период сонетами и эпической поэмой «Савитри», являют собой

высочайшее достижение Шри Ауробиндо в духовной или йогической поэзии, наиболее достоверный и полный дневник его духовного развития и опыта.

Большая часть созданных Шри Ауробиндо стихотворений была опубликована при его жизни в следующих сборниках:

«Песни Миртилле» — 1895 г.

«Урваши» — 1896 г.

«Ахана и другие стихотворения» — 1915 г.

«Любовь и смерть» — 1921 г.

«Баджи Прабху» — 1922 г.

«Шесть стихотворений» — 1934 г.

«Трансформация и другие стихотворения» — 1941 г.

«Стихотворения» — 1941 г.

«Собрание стихотворений и пьес» — 1942 г.

«О количественном метре» — 1942 г.

«Стихотворения прошлого и настоящего» — 1946 г.

Ряд стихотворений был найден в рукописях Шри Ауробиндо и опубликован после его ухода. Некоторые из них существуют в виде единственного рукописного варианта и не были подготовлены автором к изданию.

Здесь приводятся краткие комментарии составителя-переводчика к представленным стихотворениям, а также цитаты, главным образом, из работ и писем Шри Ауробиндо, а иногда его учеников, либо прямо поясняющие те или иные аспекты стихотворения, либо связанные с ним тематически и помогающие лучше понять его содержание. Цитаты набраны более крупным шрифтом. В конце цитаты приводится ссылка на цитируемый источник, набранная мелким курсивом. Если цитата не принадлежит Шри Ауробиндо, указывается имя автора.

Для каждого стихотворения приводится дата или период его создания. В случае, если стихотворение было опубликовано при жизни Шри Ауробиндо, указывается название издания, в котором оно впервые увидело свет.

Многие из представленных в сборнике стихотворений написаны Шри Ауробиндо на основе разработанных им принципов количественного стихосложения. Ритм таких стихов чрезвычайно сложно передать на другом языке, поэтому большинство из них переводились близкими метрическими размерами. Для ряда стихотворений, отличающихся необычной метрикой, приводится краткая информация об их метрической схеме. Кроме того, указываются случаи, когда в переводе размер отличается от оригинального. Для лучшего понимания стихотворений, представляющих собой метрические эксперименты, ниже приводятся некоторые общие пояснения к ним, а также фрагмент статьи Шри Ауробиндо о разработанных им принципах количественного стихосложения в английском языке. Ряд стихотворений сопровождается комментариями Амаль Кирана¹ (К. Д. Сетна) — одного из ближайших учеников Шри Ауробиндо, известного индийского поэта и литератора, которого сам Шри Ауробиндо считал поэтом мирового значения и наиболее компетентным из своих учеников в области мистической поэзии. Большинство комментариев Шри Ауробиндо к своим стихотворениям и к «Савитри» сделаны в переписке с Амаль Кираном. Пояснения столь глубокого знатока и ценителя поэзии Шри Ауробиндо помогают лучше осознать многие аспекты комментируемых стихотворений.

¹ Амаль Киран (санскр.) — «Ясный Луч» — это имя дал ему Шри Ауробиндо.

Вместе с тем следует помнить слова Шри Ауробиндо о том, что «рассуждения и аргументы [по поводу мистических стихов] вряд ли сделают один отчет более достоверным, а все другие — несостоятельными. Мистическое стихотворение может объяснять себя само или же из него может выявляться общая идея, но что действительно важно — это видение или то, что можно извлечь из него интуитивным чувством, а не объяснение или идея». Мистическое стихотворение приходит из уровней за пределами человеческого ума и оно не сводимо к ментальным суждениям и определениям; скорее, оно представляет собой путь к тем сферам, откуда долетает до нас его голос, и при известной открытости и восприимчивости мы можем соприкоснуться через него с вибрирующей в его строках высшей реальностью.

...Этим стихам не нужно объяснения. Они очень ясно говорят сами за себя. Нет нужды объяснять поэзию. Ее нужно чувствовать, а не анализировать умом. Поэтическое вдохновение приходит из источника, находящегося выше разума, и не нужно заставлять его погружаться в умственную сферу, иначе оно будет испорчено... Поэзию нужно понимать при помощи внутреннего контакта, в гораздо большей мере, чем через слова.

Мать

(цит. по Амаль Киран.

Шри Ауробиндо — поэт, с. 337—338)

Эксперименты Шри Ауробиндо в области стихосложения¹

Наряду с классическими размерами английского стихосложения Шри Ауробиндо в поздний период своего творчества прибегал к разнообразным метрическим экспериментам, стремясь полнее выразить свой духовный опыт. В частности он пытался адаптировать к английскому языку различные классические размеры античного стихосложения, особое внимание уделяя гекзаметру: он обосновал принципы адаптации этого известнейшего классического размера к английской поэзии, а венцом этой работы стало создание им эпической поэмы «Илион», написанной гекзаметром и являющейся своеобразным продолжением «Илиады» Гомера. Кроме того, уделяя много внимания развитию поэтических способностей своих учеников, Шри Ауробиндо в качестве примера иногда адаптировал к английскому применяемые ими поэтические размеры из индийских языков, в основном, бенгали. Таким образом он пытался обогатить английскую поэзию за счет органичного введения в нее образцов стихотворчества из других языков. Он также экспериментировал с качественной системой стихосложения, тоническим, или акцентным, стихом и т. д., исследуя пригодность различных примеров поэтической речи для выражения высших духовных переживаний и реальностей, и даже написал небольшую работу, в которой обосновал принципы количественного стихосложения в английском языке.

¹ При составлении этого раздела использованы материалы следующих работ: И. Р. Гальперин. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. Ю. С. Маслов. Введение в языкознание. М., 1975.

Тонический, или акцентный (ударный), стих представляет собой упорядоченное интонационное выделение отдельных частей поэтического высказывания, при котором расстояние между выделяемыми частями во временном отношении должно представлять собой величину более или менее постоянную. То есть основу данного вида стиха играет не «качество» (ударность слога), но «количество» (временная долготность) интонационных единиц речи.

Древне-английская (как и древне-русская) песенно-поэтическая традиция основывалась именно на тоническом стихосложении. Привычное нам силлаботоническое стихосложение, основанное на регулярном чередовании ударных и безударных слогов, возникло значительно позднее тонического, как результат подражания античным образцам поэзии. В дальнейшем в процессе развития, приспособляясь к особенностям звучания и строения английского языка, заимствованная из античных образцов система стихосложения претерпела существенные изменения и в современной английской поэзии наметилась тенденция к возрождению различных форм тонического стиха, которую можно рассматривать как завершение процесса адаптации ритмико-мелодической структуры английского стиха к естественным нормам поэтической народной речи. При этом древние формы английской поэзии, конечно, не могли не оказать влияния на особенности английского акцентного стиха.

Обращение Шри Ауробиндо к тоническому стихосложению также представляет собой не просто попытку возрождения древне-английской поэтической традиции, а сложный синтез различных форм поэтической речи, развившихся в процессе эволюции силлаботонического стихосложения, основанный на глубоком зна-

нии законов речи и стихосложения. Своими экспериментами в области стихотворчества Шри Ауробиндо пытался в наибольшей мере задействовать возможности человеческого слова для выражения духовных опытов и откровений, лежащих за пределами человеческого разума и вербального выражения. Можно видеть, как, отбрасывая ограничения, накладываемые метрической системой, он при помощи свободного движения тонического стиха передает свои духовные переживания с чрезвычайно многомерной и насыщенной изобразительной силой. Принципы количественного стихосложения Шри Ауробиндо использовал во многих своих поэтических произведениях, в том числе в «Савитри».

Шри Ауробиндо о количественном стихосложении

В ряде из этих стихотворений использована количественная метрическая система, похоже повергшая в недоумение некоторых критиков, — видимо потому, что построена она не на тех законах количественного стихосложения, которые соблюдались в древних классических языках. Но эти законы совершенно чужды ритму и звуковой структуре английской речи; попытки следовать им всегда заканчивались заслуженной и неизбежной неудачей. Здесь использовалась другая система, согласующаяся с естественным ритмом, присущим английской речи. Метрическую долготу или краткость здесь определяет интонационный «вес» — отягощающее воздействие интонационной эмфазы или удлиненное произношение того или иного звука (задержка тона на том или ином звуке). Там, где возникает такой акцент или долгота (задержка тона), слог может считаться метрически долгим; там, где они отсутствуют, обычно будет восприниматься различимая краткость, которая может удлиняться за счет отягощенности сопутствующих согласных или других отягощающих факторов. В английском все ударные слоги являются метрически долгими — и иначе быть не может, сколь бы кратким ни был ударный гласный, — так как они доминируют в стихотворном размере и задают его; это факт, который игнорируется традиционным взглядом на английское количественное стихосложение и которым многие экспериментаторы в этой области предпочли пренебречь с губительными последствиями — весь их гений или искусство метрической техники не смогли уберечь их от неудачи. С другой стороны, слог с долгим гласным может рассматриваться как метрически долгий, даже

если на нем нет ударения. В количественной системе, использованной в приведенных стихотворениях, эта возможность превращена в закон: метрическая долгота обязательна для всех таких естественных силлабических долгот, в то время как безударные слоги с долгим гласным обычно являются краткими для метрических целей, если только они не отягощены очень сильно согласными. Но само по себе присутствие двух или более согласных после краткого гласного не делает слог долгим, как это неизбежно происходит в греческом, латыни или санскрите.

Систему можно свести к следующим правилам:

1. Все ударные слоги считаются метрически долгими, также как и все слоги, опирающиеся на долгую гласную.
2. Все безударные слоги с кратким гласным считаются краткими, если они не отягощены сильно согласными. В последнем случае нельзя предложить однозначного правила: в каждом случае все должно определяться чувством ритма.
3. В английском много звуков, которые могут считаться и долгими, и краткими в зависимости от конкретного случая. Здесь также все должно определяться чувством ритма.
4. Английские количественные размеры не могут быть столь же жесткими, как размеры древних языков. Ритм языка требует определенной вариативности, свободной или умеренной, без которой возникает монотонность; соответственно во всех английских размерах допускается модуляция. Даже в самых регулярных метрах иногда допустимо появление стоп другого метра, отличного от базового метра строки; они допустимы по край-

ней мере в такой степени, чтобы обеспечить необходимую гибкость или разнообразие ритма. Иногда допускается очень свободное использование таких вариаций; но они не должны разрушать базовый размер, а также перегружать или подавлять его. То же самое применимо и для количественных метров; особенно в длинных стихах модуляции необходимы.

Эта система не только не входит в противоречие со звуковой структурой языка, но полностью соответствует его естественным законам и ритмике; она лишь регулирует и усиливает за счет упорядоченной метрической модуляции ту естественную ритмическую согласованность, которая уже присуща языку, даже в прозе и даже в повседневной речи.

Собрание стихотворений, с. 585—586

*

[Ваше стихотворение] читается на бенгали с такой легкостью и естественностью, словно бы в нем не был использован необычный ритмический принцип. Именно это, я полагаю, должно быть целью применения нового метра или метрического принципа и именно этого я пытаюсь добиться с количественным стихосложением в английском.

О себе, с. 306

Каждое стихотворение Шри Ауробиндо нужно читать вслух, медленно и сосредоточенно, чтобы в полной мере оценить его ритмическое богатство, — в полный голос, но не с мечтательной протяжностью, а с осознанной, контролируемой интенсивностью речи, глубоко произнося звуки, особенно гласные. Если мы будем читать таким образом, удерживая ум в состоянии покоя и восприимчивости, поэзия Шри Ауробиндо наполнит нас дыханием незабываемых переживаний.

Амаль Киран. Шри Ауробиндо — поэт, с. 45

С. 3.

Зов

1908—1909 г. Написано в алипорской тюрьме, куда Шри Ауробиндо был помещен британцами по политическому обвинению, а впоследствии полностью оправдан. В переводе размер адаптирован.

С. 3. *Кто ищет широты, кто жаждет Божьей славы...* — в подлиннике — *Who would live largely? Who would live freely?* — «Кто стремится жить широко, кто стремится жить свободно?»

Там же. *Я вольной воли Дух и смельчаков герой.* — в подлиннике — *I am the Spirit of freedom and pride.* — «Я Дух свободы и гордости (величия, высоты)».

* * *

Стихотворение «Зов»... ясное и мощное, написано в алипорской тюрьме... Удивительно, что, хотя Шри Ауробиндо

был замкнут в это время в четырех стенах одиночки, оно дышит свободой и простором, и хотя в нем присутствует ощущение одиночества — это лишь одиночество всемогущей души, которая царит в своей державе на великих вершинах, вознесшихся высоко над приземленной многочисленностью заурядных человеческих жизней...

Амаль Киран. Шри Ауробиндо — поэт, с. 324

*

«Зов» лучше всего позволяет нам понять одну из причин, почему интеллект столь легко достигает успеха в стихах Шри Ауробиндо. Это происходит не только потому, что восприятия и различения интеллекта здесь отмечены прикосновением Духа, но и потому, что за ними присутствует энергичное, полное жизни «витальное» существо, проявляющееся начиная с самых ранних произведений поэта... В «Зове» этот напор жизненной энергии ощущается особенно хорошо, буквально затопляя игру идей и образов и вместе с тем способствуя более живому и яркому восприятию открывающейся разуму величественной картины восхождения Души в йоге к Богу, устремляющейся ввысь и обращающей к миру свой могучий зов.

Но, конечно, царственное одиночество опасных труднодоступных вершин — это не конец духовной саги Шри Ауробиндо... Этот первоначальный акцент на поиске далекого Единого-Абсолюта... является лишь предвестником всеобъемлющего грандиозного послания ауробиндовской Йоги, созданного в период его пребывания в Пондичерри.

Йога Шри Ауробиндо не стремится к тому, чтобы затеряться в отдаленном Непреходящем, полностью забыв о земной жизни; она видит фундаментальное

Единство как обладателя бесконечной неисчислимой потенциальности и как Созидательное Существо, которое воплощает эту потенциальность на некоем совершенном плане божественных архетипов и к которому наши души должны взойти и через которое мы должны пытаться поступательно, «эволюционно» выразить эти архетипы во всем нашем существе и природе и достичь гармонии Единого и Множества в новой коллективной жизни.

Амаль Киран. Шри Ауробиндо — поэт, с. 82—83

С. 5.

Искания Мандавы

12.04.1913 г.

Мандава — легендарный древний риши, на долю которого выпало множество тягот и испытаний. Поэма отражает поиски и борения устремленной души — она описывает любовную игру человеческой души и Бога.

С. 5.

О сладость воплотившейся мечты!

О горестная сладость поражения!

О сердце, что стремится мир возвысить!

О сердце дерзновенное, что жаждет

Вселенских мук!

— в подлиннике — сопоставление аспектов единого божественного Сердца, черпающего наслаждение и в радостях и в муках:

O joy of gaining all the soul's desire!

O stranger joy of the defeat and loss!

O heart that yearnest to uplift the world!

O fiercer heart that bendest o'er its pain
And drinkst the savour!

О радость обретения всего, что желает душа!
О странная радость поражений и утрат!
О сердце, что жаждет возвысить мир!
О яростное сердце, что склоняется над его болью
И впивает [ее] аромат!

Там же. *Багряногрудый, бирюзовокрылый, / Хохлатый...* — в подлиннике — чрезвычайно насыщенная строка, красочное лаконичное и емкое описание предстоящей глазам поэта птицы, в которой его взору открывается красота его Божественного Возлюбленного: *Blue-winged like turquoise, crimson-throated, beaked, / Enormous...* — «Лазурно-крылый, словно бирюза, пунцово-грудый¹, с [мощным] клювом², / Огромный...»

С. 7. *Когда я вышел ночью на террасу... Счастливо рассмеялся.* В этих строках описывается действительно имевший место случай, когда однажды поздно вечером, во время обычной прогулки по террасе дома в Пондичерри, Шри Ауробиндо ужалил скорпион. Это еще раз показывает, сколь автобиографична его поэзия. Ниже приводится еще одно высказывание Шри Ауробиндо, где он рассказывает об этом опыте, когда физическая боль трансформируется в духовное упоение.

...Началось это давно, еще в алипорской тюрьме, когда в камере меня искушали очень красные и злобные на вид полчища вторгшихся муравьев и я, к своему изумлению, обнаружил, что боль и удовольствие — всего лишь условность наших ощущений. Но это дано почувство-

¹ Или: «малиновогорлый».

² Досл.: «клюватый», т. е. обладающий [большим] клювом.

in the world is only that, / A death that eats and eating is devoured... — «И все благо мира — лишь таково: / Всепоедающая Смерть, что, поедая, пожирает себя...»¹

С. 17. *Внемли! Тебя я проклял, я не верю / В Тебя, в Твою любовь... —*
в подлиннике: *Lo, I have cursed Thee, lo, I have denied / Thy love, Thy being. — «Внемли, я проклял Тебя, я отрицаю / Твою любовь, Твое существование».*

Вариант перевода:

*Ты слышишь? Я отверг Тебя, я проклял
Твою любовь, Твой мир. Так порази...*

С. 19.

*Кто ты, охотник за моим желаньем,
Как в джунглях — зверь, крадущийся впотьмах?
Огонь его затмляешь ты страданьем,
Восторг его ты повергаешь в страх.*

— в подлиннике:

*Who art thou that pursuest my desire
Like a wild beast behind the jungle's screen
And throw'st a dread upon its fiercest fire,
A shadow on its flowering joy and green?*

*Кто ты, преследующий мое желание,
Словно дикий зверь, [крадущийся] за завесой
джунглей,
И омрачающий страхом его неистовейший огонь,
Тенью — его цветущую радость и зелень?*

Вариант перевода:

¹ Досл.: «Смерть, что поедает, и поедая, пожирается [сама]...»

*Зачем крадешься за моим желаньем,
Как дикий зверь сквозь джунглевую сень?
Его огонь терзаешь ты страданьем,
Его цветенье погружаешь в тень.*

— поэтический образ Божественного Возлюбленного, который, словно хищник, таящийся в зарослях, охотится за эгоистическими желаниями духовного искателя, чтобы поглотить их и даровать его душе чистоту и освобождение.

С. 19, 21.

*Коль то, что даровал, ты хочешь вновь отнять,
Созданиям своим позволив умирать,
Что дашь ты нам взамен? Немую пустоту?
Иль, сбросив смертный тлен, отвергнув суету,
В безбережный покой душа спешит, ликуя,
И вечная Любовь над смертью торжествует?
Ты что-то упустил иль мы забылись тьмою,
И высшей жизни мир нам смертный сон откроет?*

— в подлиннике:

If what thou gavest, thou must needs again exact,
Cancel thy forms, deny thy own accomplished fact,
With what wilt thou replace them? Is thy void
Embraceable by arms? Or can the soul upbuoyed
Rest on a shoreless emptiness without a name?
Can Love find rapture by renouncing all his flame?
Thou hast forgotten or our nature is misled,
Lur'st thou to utter life beyond the silence dead?

Если то, что дал, ты должен снова востребовать,
Упразднив свои формы, отрицая факт собственного
свершения,

Чем ты заменишь их? Возможно ли

ний бунт, вопли и проклятия — все это яростные проявления наших необузданных невежественных инстинктов. Бунт, как всякая вещь в божественной игре, имеет свое предназначение и даже необходим, полезен, предписан для божественного развития в свое время и на своей стадии; но движения невежественного мятежа и протеста относятся к стадии детства души или ее незрелого отрочества. Зрелая душа не проклинает, но стремится понять и вместить, не вопит, но принимает или старается улучшить и усовершенствовать, не бунтует внутренне, но трудится над тем, чтобы подчиниться, исполнить и преобразовать... Сохраняя наивысшую невозмутимость, нам нужно неуклонно продвигаться по нашему пути, встречая все с со спокойной уравновешенностью, пока не мы станем готовы для более высокого состояния и не сможем войти в верховную и универсальную Ананду.

Синтез Йоги, с. 225

С. 23.

Кто?

1908—1909 г.

С. 23. *Брахма ль Он, Вишну?...*

Брахма — ипостась Единого Предвечного, выражающая Бытие и Созидание; в поздневедийский период один из главных богов индуизма, первое божество индуистской Троицы, Бог-Творец.

Вишну — ипостась Единого Предвечного, выражающая Сознание; в Ведах — всепроницающее Божество, вседвижущий Единый; позднее — второе божество индуистской Троицы, олицетворяющее хранящий и поддерживающий аспект Божественного.

Там же.

Мальчик нам мил, озорник смуглоликий

Женщина грозная наш властелин

В горных снегах созерцатель великий

В сердце вселенных миров господин.

В четверостишии описываются различные аспекты Божественного, которым поклоняются люди.

Мальчик нам мил, озорник смуглоликий — имеется в виду Кришна, божественный аспект Ананды, Блаженства; в индуизме считается восьмым и полным воплощением Вишну, хранителя мира; часто изображается в вайшнавской традиции как милый озорной мальчуган, играющий с человеческими душами на земле и через свою игру взращивающий их к высшему Блаженству.

Женщина грозная наш властелин — в подлиннике: a woman... naked and fierce — «женщина яростная и нагая» — имеется в виду богиня Кали, супруга Шивы, разрушительная ипостась Божественной Матери; мать всего и уничтожительница всего, устрашающий аспект Божественного — яростная воительница, которая обычно изображается полуобнаженной и вооруженной, уничтожающая демонов, защитница и благодетельница духовных искателей.

В горных снегах созерцатель великий — имеется в виду Шива — божество-Ипостась Предвечного, выражающая Силу, Господь тапаса; третье божество индуистской Троицы, особо связанное с работой разрушения — часто ассоциируется с созерцательным йогиним, аскетом, погруженным в медитацию на горных вершинах.

В сердце вселенных миров господин — имеется в виду изначальное и высочайшее Божественное, пребывающее в сути всех миров, всеподдерживающее и всенаправляющее.

С. 25.

*...в нашем сладком пылу
Кроется Радхи и Кришны венчанье,
Наша любовь — страстный их поцелуй.*

— в подлиннике:... our rapture the bridal / Of Radha and Krishna, our love is their kiss. — «наш восторг — венчание Радхи и Кришны, наша любовь — их поцелуй».

Радха — возлюбленная Кришны, персонификация абсолютной любви к Божественному, безусловной, всеобъемлющей, охватывающей все существо; олицетворяет человеческую душу, стремящуюся к воссоединению с Божественной Душой (Кришной) через любовь. В индуистских текстах представлена как возлюбленная Кришны, предводительница пастушек-гопи, с которыми Кришна играл, когда рос среди пастухов во Вриндаване. Радха и Кришна символизируют божественных возлюбленных, олицетворение божественной Любви и Единения, слияния человеческой души с Душой Божественной.

*

Стихотворения наподобие «Кто?»... звучат эхом Упанишад и долетают до нас, словно нашептывания и вести из другого мира, мира архетипов, мира сверхсознательной светоносной Истины... Написанное мчащимся анапестом, это стихотворение — одно из блистательных достижений ранней поэзии Шри Ауробиндо, построенное в форме вопросов и ответов. Этот всемогущий Творец, этот вершитель чудес, мистический математик и механик, всеуправитель и всенаправитель — кто он? где он? что собой представляет? И раздается могучий ответ...

*К. Р. Шриниваса Айенгар. Шри Ауробиндо: биография
и история, с. 260, 266*

С. 27.

Воспоминание

Ок. 1908—1909 г. В подлиннике — парная схема рифмовки: aabbcc и т. д.

С. 29.

Кама

Предположительно 1910—1930 г. Стихотворение предваряет авторское пояснение:

Согласно некоторым представлениям Желание является творцом и поддерживателем сущего — Желание и Неведение. Утрачивая желание, мы переходим за пределы Неведения, точно также как переходя за пределы Неведения, мы утрачиваем желание; тогда тварный мир оказывается превзойденным и душа входит в Божественную Реальность. Кама здесь говорит как Желание Творец, сила, исходящая из Блаженства Божественной Реальности, к которой, отвергая желание, мы возвращаемся, *анандам брахmano видван*, овладевая блаженством Брахмана.

Собрание стихотворений, с. 80

Я сотворяю мир. / Лишь я его творец. — в подлиннике: I create the world. / I am the only Brahma. — «я сотворяю мир. Я единственный Брахма».

С. 33.

Корабль мечты

1942 г. — впервые опубликовано в книге «Собрание стихотворений и пьес», 1942 г. Относится к числу метрических экспериментов. В переводе размер адаптирован.

С. 35.

Экспромт

1934—1939 г. Относится к числу метрических экспериментов. В переводе размер адаптирован.

Вариант перевода:

Лишь утро займется,
Лишь вечер подступит,
Ты, Света явленьем,
Ты, грез упоеньем,
Все ближе и ближе ко мне.

С. 37.

«Безмолвие — это все...»

14 января 1946 г. Последнее из датированных стихотворений Шри Ауробиндо. Относится к числу метрических нововведений. В переводе размер адаптирован.

С. 39.

Безбрежное Единство

1942 г. — впервые опубликовано в книге «Собрание стихотворений и пьес», 1942 г. Относится к числу метрических нововведений: адаптация алкеевой строфы.

С. 41.

Синяя птица

11 ноября 1935 г. — впервые опубликовано в сборнике «Стихотворения прошлого и настоящего», 1946 г. Написано в один день со стихотворением «Огненная Невеста».

С. 41. *Рубиновым оком объемля миры...* — см. комментарий к стихотворению «Божия Роза», с. 157 о «рубиновой глубине всего бытия».

* * *

Поэт может стоять на земле или парить, подобно символическим птицам Вед, все еще в земной атмосфере, или же взмыть в запредельные миры, ближе к солнцу и оттуда обозревать в изменившемся свете все, лежащее ниже.

Поэзия будущего, с. 239

*

Almost they saw who lived within her light
Her playmate in the sempiternal spheres
Descended from its unattainable realms
In her attracting advent's luminous wake,
The white-fire dragon-bird of endless bliss
Drifting with burning wings above her days...

Кто жил в ее сиянье, мог узреть
Ее подругу из нетленных сфер,
Нисшедшую из царств недостижимых
За нею вслед, в ее зовущий свет, —
В разлете огнебелых пылких крыл
Драконоптицу вечного блаженства,
Парящую над бдением дней ее...

Савитри, с. 16

Не могли бы Вы что-то сказать об этой птице?

Что о ней скажешь?.. Можно только увидеть.

4 ноября 1936 г. Письма о поэзии и искусстве, с. 294

*

Возвращаясь к птице... все правильно: «можно только увидеть» — и все же может быть для других можно что-то и объяснить? К какой сфере она относится? Есть ли какая-то связь между нею и Птицей Огня с ее «бело-золотыми крыльями» или Гиппогрифом с его ликом «озаренным, разливанным бледно-голубым»?

Все птицы этой сферы — родственники. Но это — птица вечной Ананды, в то время как Гиппогриф — это обожествленная Мысль, а Птица Огня, — это птица-агни, психическое и *тапас*. Все эти определения, однако, излишне ментализируют подобные вещи, а ментализация всегда в значительной мере лишает духовные явления их жизни. Вот почему я говорю, что можно только увидеть, но нельзя ничего сказать об этом.

5 ноября 1936 г. Письма о поэзии и искусстве, с. 294

С. 43.

Восхождение

1942 г. — впервые опубликовано в книге «Собрание стихотворений и пьес», 1942 г. Относится к числу метрических экспериментов: свободный количественный стих с преимущественно дактилическим метром. Перевод выполнен свободным количественным стихом.

Лебедь вышних внемирных эфиров, окрыленный, рей во вселенной... — в подлиннике: Swan of the supreme and spaceless ether wandering winged through the universe... — «Лебедь высочайше-

го внепространственного (беспредельного) эфира, окрыленно странствующий во вселенной...»

* * *

...С точки зрения источника вдохновения, «Восхождение» — это образец поэзии Сверхсознания... Это поэзия такого рода, в которой ясность и мистицизм сливаются в едином дыхании магической рецитации, исходящем из царственной мастерской высоты реализованного духовного сознания. И благодаря этой ясности, в отличие от наследия символизма, произведений поэтов — продолжателей Малларме, таких как Валери, Рильке и поздний Йетс, оттенки и отсветы Запредельного не сливаются здесь в причудливую игру светотеней, но скорее образуют искусный узор откровений, запечатленных прозрачным языком и проникнутых силой иной, чем интерпретирующий интеллект с его отточенными формулами. Атмосфера глубокой мысли присутствует и здесь, но она рождена светом и широтой великого смысла, превосходящего мысль. «Восхождение» проникнуто этой атмосферой, подготавливающей финальную парадоксальную картину.

Шри Ауробиндо начинает с призыва к «бессмертному Духу» взвиться ввысь, прочь от вселенского «Колеса», вырвавшись из «магического Круга», — прочь от «серости и ничтожности», «борьбы и стенанья» — из известной вселенной неведения и продолжающихся перерождений, но также и из всех надземных планов, где может задержаться душа. Он зовет вознестись выше — в сферы «Безмолвия», к «Абсолюту», к «Одинокому и Вечному» слиться с вечностью, безмолвием и покоем...

Но Шри Ауробиндо не останавливается здесь. Во второй части стихотворения он призывает «бессмертный

Дух» подняться еще выше, «за пределы Безмолвия», перерасти даже и Безмолвие Абсолюта и постичь высочайшее Божество, погрузиться в «лоно любви Бесконечного», «припасть навеки» «к Божьему сердцу». То есть он говорит о существовании некоего «Всевышнего», который объемлет и время, и вневременье. И чтобы достичь этой высочайшей Реальности, заключающей в себе божественную тайну всех преходящих феноменов — причем тайну, скорее, их высшего осуществления, чем растворения и уничтожения, — ищущая Душа, устремленный Дух призывается не только превзойти узы и ограничения жизни и возвыситься над вселенной, но подняться выше пиков Природы, неся в своей груди весь мир. То есть Природа не отрицается и не отвергается: все ее части сохраняются в своей сути внутри того, что Шри Ауробиндо в своей духовной метафизике именует «психическим существом», истинной внутренней личностью человека, пребывающей глубоко в его сердце. Именно эта сокровенная «психея» низошла из Трансцендентного, Всевышнего, как частица Сверхприроды этой Вечности и Бесконечности, «сердца Неизреченного», в космический феноменальный мир и развивается здесь, чтобы однажды увенчать все тайное устремление, все искания космической Природы — поиски умом всеобъемлющего знания субъективных и объективных реальностей, стремление жизненной силы к непреходящему счастью и несокрушимой силе, а также к безграничному овладению царством Природы, тягу физической формы к стабильности, здоровью и органичной непрерывной устойчивости существования в постоянно развивающемся гармоничном обществе. Подлинное психическое выражает все устремление земной эволюции. Когда оно поднимается к Всевышнему, с ним достигает осуществления вековеч-

ное стремление всей вселенной к полной самореализации в терминах ментального, витального и физического уровней как состояний пространственно-временного бытия. Устанавливая взаимоотношения любви с Высочайшим Божеством, оно закладывает основу для возвращения к оставленной позади Природе, чтобы принести ей богатства всей полноты Сверхприроды — божественное ментальное, божественное витальное, божественное физическое. Именно об этом говорит Шри Ауробиндо в строках:

One with the Transcendent, calm, universal,
Single and free, yet innumerably living,
All in thyself and thyself in all dwelling,
Act in the world with thy being beyond it.

С Трансцендентным единый, тихий и вездесущий,
Одинокó свободный и несметно живущий,
Все вмещающая в себя и во всем пребывающая,
Действуй в мире, над миром всегда оставаясь.

Этими строками предваряется могучий финал стихотворения, когда Душа-Слово проявления, возвратившаяся в свой источник — «в сердце Неизреченного» и обретшая там всепреображающую истину, способную трансформировать все уровни космического бытия, теперь призывается к высочайшему свершению:

One with the Eternal, live in his infinity,
Drowned in the Absolute, found in the Godhead,
Swan of the supreme and spaceless ether
wandering winged through the universe,
Spirit immortal.

Стань единым с Предвечным, взмой
в его бесконечность,
Утони в Абсолюте, оживи в Божестве,
Лебедь вышних внемирных эфиров, окрыленный,
рей во вселенной,
О Дух бессмертный!

В этих строках мистерия, которая на протяжении всего стихотворения вибрировала в его метафизической атмосфере, раскрывается в подлинном откровении, когда Незримое являет себя собственной полноправной силой... во взрыве чистого видения...

В Катха Упанишаде, П. 2.2... упоминается этот образ Лебеда: «Лебедь, зиждущийся в чистоте... рожденный Истиной, сам Истина, Широта». То, что Шри Ауробиндо, следуя древнему индийскому символизму, называет «Лебедем», — это, конечно же, вечно свободное Духовное Существо, беспорочная Душа, глубочайшее Совершенство, являющееся источником и целью всего феноменального бытия; и такое образное описание является самым адекватным, не только в силу своей красоты и чистоты, которая находит в нас живой отклик, но также и потому, что это белое чудо — лебедь — представляет собой живой организм, то есть единое целое, в котором многочисленные части служат не агрегатной совокупностью, но прекрасным многообразным выражением единства: все его составляющие проникнуты единой жизненной силой, которая умножает себя в них и становится ими. Такое органичное единство олицетворяет, в отличие от механической коллективности, присущее Божественному единство-в-многообразии — а головокружительное одиночество образа Лебеда символизирует запредельное совершенство Божественного.

Амаль Киран. Шри Ауробиндо — поэт, с. 263—273

С. 49.

Мысль-Параклит

31 декабря 1934 г. — впервые опубликовано в сборнике «Стихотворения», 1941 г. Написано в один день со стихотворением «Божия Роза». Относится к числу метрических нововведений: количественный размер с определенной регулярностью. Все строки подчиняются одинаковой ритмической модели. Метр имеет определенное сходство с латинским одиннадцатисложником. Сложная схема рифмовки.

Параклит (Параклет) (греч.) — в российской православной традиции — эпитет Св. Духа: утешитель; здесь Шри Ауробиндо, судя по всему, использует это слово в его исконном греческом значении: «проситель», «вестник».

С. 49. *Неболикий образ, гиппогрифом рея...* — Гиппогриф в античной мифологии — существо с телом коня и головой и крыльями грифона.

«Мысль-Параклит» — очень необычное стихотворение, являющееся ярким образцом мистической поэзии и выражающее видение конкретного духовного опыта — восхождения по уровням Сверхсознания. Для него характерны нестандартный ритм, сложная система рифмовки, чрезвычайно сложная многомерная образность. В поэтическом переводе удалось воспроизвести ритмику (с определенной адаптацией размера) и рифмовку, но лишь отчасти — образность стихотворения. В разные годы Шри Ауробиндо несколько раз комментировал это стихотворение в переписке с учениками. Здесь приводятся его комментарии, а также литературный перевод произведения, чтобы позволить читателю глубже ощутить и полнее понять всю многомерность и утонченность этого выражения духовного опыта, а через него — и всего удивительного искусства Шри Ауробиндо.

Литературный перевод

Словно светлый архангел из видения,
Уносящийся в охваченные грезой духовные безмерности,
Минув длинные зеленые гребни морей жизни,
Минув оранжевые небеса мистического разума,
Воспарила моя мысль, затерявшись в раздольях Бога.
Бессонные широко распростертые мерцающие крылья ветра
Унесли червонно-золотые искания стоп, перешагнувших
Немые исчезающие края Пространства и Времени. Ее лик,
Озаренный, разлинованный бледно-голубым, словно чело
гиппогрифа,
Одинокое отшельника, отважно стремящегося вперед
по безграничным путям,
Просиял над мирообнаженными вершинами вневременного
бытия;
Глубокие сумерки мировой пучины
Растаяли позади. Солнечные царства горного видения,
Беломалиновые лунозарные океаны нескончаемого
блаженства
Сладкими гласами увлекли ее смутное сердечное томление.
Пылая стремлением души, жаждая застигнуть врасплох
неизведанные
Тайны, хранимые белым огнем последней Запредельности,
Преодолев безмолвия, омытые силой, захлестнутые
восторгом,
Взобравшись в далекие вышние эфиры, вечно озаренные
солнцем,
Мысль, великокрылый странник-параклит,¹
Растворилась, величаво распевая огненнословную руну² —
И осталось «Я» — одинокое, необъятное, нагое,
неомрачимое.

¹ Или «странник-искатель»; «странствующий вестник».

² Или «песнь».

...Стихотворение «Мысль-Параклит» выросло из четырех строчек (сейчас с третьей по шестую), которые первоначально были написаны некоторое время назад в качестве англоязычной иллюстрации нового бенгальского размера, примененного Дилипом¹. Он попросил прислать ему больше строк, и я счел написанные четыре достаточно удачными, чтобы послужить надежной основой для целого стихотворения... Размер непростой и, похоже, не обеспечивает достаточно вариаций для более длинного стихотворения.

Письма о поэзии и искусстве, с. 238

*

...«Мысль-Параклит» — сложное стихотворение, допускающее множество интерпретаций. Я был бы очень признателен, если бы Вы дали краткий анализ логической структуры стихотворения или хотя бы указали основные направления восходящего движения.

Что ж, тогда предоставьте каждому самому найти одну из множества интерпретаций. Анализ! Ну, ну!..

В стихотворении нет никакой «логической структуры» — а есть лишь изложение развивающегося видения и опыта. Это мистическое стихотворение и в его основе лежит совершенно конкретное связующее духовное восприятие, а не ментальное и логическое строение. Когда Вы видите цветок, просите ли Вы садовника разложить его на химические составляющие? Ведь тогда от цветка и от его красоты ничего не осталось бы. Это стихотворение основывается не на интеллектуальных определениях или философских умопостроениях — это плод *увиденного*. Когда вы взбираетесь на гору, вы любуетесь окружающим

¹ Дилип Кумар Рой, известный бенгальский поэт, певец, литературный и общественный деятель — один из ближайших учеников Шри Ауробиндо.

пейзажем и испытываете восторг восхождения; вы не утруждаете себя составлением карты с названиями каждой скалы или вершины и не тратите времени на изучение их геологической структуры — это дело геолога, а не путешественника... Каждый, если ему нравится, волен создать собственный «геологический отчет», согласно своим представлениям. Рассуждения и аргументы вряд ли сделают один отчет более достоверным, а все другие — несостоятельными. Мистическое стихотворение может объяснять себя само или же из него может выявляться общая идея, но что действительно важно — это видение или то, что можно извлечь из него интуитивным чувством, а не объяснение или идея. «Мысль-Параклит» — это видение или откровение восхождения по духовным планам, но оно не дает названий или фотографических описаний пересекаемых планов. За сим я умолкаю.

Письма о поэзии и искусстве, с. 254—255

*

Лик предстает «бледно-голубым» (аспект интуитивизации) только поначалу; когда он «просиял», мысль уже преодолела этап Верховного Разума, за пределами которого высятся лишь «мирообнаженные вершины».

Откуда Вы знаете, что нет множества «мирообнаженных вершин», одна выше другой? И куда Вы поместите «Я» из последней строки?

18 марта 1944 г. Письма о поэзии и искусстве, с. 254—255

*

По мере того, как мысль поднимается по шкале [уровней сознания], она перестает быть интеллектуальной,

становится озаренной, затем интуитивной, затем надментальной и наконец исчезает в поиске последней Запредельности. Тем не менее, стихотворение не выражает какой-либо философской идеи — оно просто передает восприятие определенного движения, вот и все. «Бледно-голубой» — это цвет высших областей разума вплоть до уровня интуиции. Выше он становится золотым от супраментального света.

14 января 1935 г. Письма о поэзии и искусстве, с. 255

*

Мысль — это не податель Знания, а «посредник» между Несознательным и Сверхсознательным. Она понуждает мир, рожденный из Несознательного, восходить к Знанию — иному, чем это инстинктивное витальное или просто эмпирическое, к Знанию, которое само превосходит мысль; она взывает к этому сверхсознательному Знанию и подготавливает сознание здесь к его восприятию. Она устремляется в высшие царства и, даже исчезая на уровнях Супраментала и Ананды, преобразуется во что-то, что низведет их силы в безмолвное «Я», которое остается после ее исчезновения.

«Червонно-золотой»¹ — это цвет супраментального в физическом: стихотворение описывает Мысль на этапе, когда она претерпевает трансформацию и готова подняться в Бесконечное свыше и раствориться в нем. «Огненнословная руна» — это Слово высшего Вдохновения, Интуиции, Откровения, которое является высочайшим достижением Мысли.

29 декабря 1936 г. Письма о поэзии и искусстве, с. 255—256

*

¹ или красно-золотой (прим. пер.).

Я хотел бы сказать несколько слов о сомнениях Вашего друга по поводу некоторых строк в стихотворении «Мысль-Параклит», которое описывает духовные планы. Я могу понять его сомнения, поскольку эти строки не имеют яркой, могучей точности начальных и конечных строк и менее «детализированы». В них дано достаточно общее описание, и тому, кто не пережил соответствующего мистического опыта, они могут казаться слишком обобщенными и смутными. Но это не просто туманные образы; точное подробное описание сделало бы стихотворение слишком длинным, поэтому даны только обобщенные строки, однако само описание вполне достоверно, эпитеты точно соответствуют действительности и даже цвета, упоминаемые в стихотворении, «червонно-золотые стопы», «беломалиновые лунные океаны» и т. д., верно отражают пережитое. Мистическое видение часто сопровождается особые значимые цвета; и хотя интеллектуальная критика считает их просто метафорами, они представляют собой нечто большее — выражение сокровенных реальностей...

4 мая 1947 г. Письма о поэзии и искусстве, с. 352

*

Море согласно индийским представлениям является символом жизни — говорится об океане *самсары*, и индийская йога видит своим оккультным видением жизнь в образе моря или различные планы бытия как множество океанов...

О себе, 253

*

Солнце олицетворяет Знание или Истину, луна — духовный свет..

Духовное возрождение, с. 363

*

...Гиппогриф — это обожествленная Мысль...

5 ноября 1936 г. Письма о поэзии и искусстве, с. 294

* * *

Стихотворения, такие как... «Нирвана» и «Мысль-Параклит», в которых проявлены сверхчеловеческие уровни сознания, отнюдь не исполнены холодной отчужденности: их строки пламенеют в упоительной ауре блаженства. Это музыка полновластной Божественной реализации, а не стон неутоленного желания Бесконечности. Чувство, страсть, эмоция изливаются здесь могучим потоком великой, гармоничной, изобильной интенсивности, а не разбиты на отдельные мелодичные струйки. Гений Шри Ауробиндо доносит до нас эту великую интенсивную высоту и широту.

Амаль Киран. Шри Ауробиндо — поэт, с. 48

См. также комментарий к стихотворению «Синяя птица», с. 115. Ср.: описание миров Сверхсознания из «Савитри» в Приложении, с. 201.

См. также Дилип Кумар Рой. «Шри Ауробиндо пришел ко мне», с. 237.

С. 51.

Птица Огня

16—17 октября 1933 г. — впервые опубликовано в сборнике «Шесть стихотворений», 1934 г.

Относится к числу метрических экспериментов: сочетание акцентного и метрического стиха. Строфа состоит из четырех рифмующихся строк, имеющих попеременно двенадцать и десять ударений. Вторая и четвертая строка каждой строфы состоит из десяти стоп смешанного ямба и анапеста, первая и третья, хотя и сходны по строению с второй и четвертой, тяготеют к акцентному стиху. Схема рифмовки строк в строфе abab. Перевод выполнен нерегулярным нерифмованным тоническим стихом, чтобы максимально сохранить богатство многомерной образности оригинального стихотворения.

Стихотворение представляет собой блистательный образец мистической поэзии Шри Ауробиндо и его экспериментов с тоническим стихосложением, дающим большую свободу изобразительному видению. Закатное солнце над морем предстает глубинному, преображающему видению души пламеннокрылой огненной птицей, вестницей Вечности, приносящей поэту и всей земле покой безмолвного духа и бессмертный пыл божественной любви — пьянящего меда экстатических солнечных лоз. Многоплановое видение, чрезвычайно насыщенное необычной символической образностью, перерастает в молитву-устремление о расширении всего существа в беспредельность, о единении с Божественным Духом в Его одиноких просторах и Божественной Энергией-Матерью с Ее золотым телом, простирающимся в алмазной сфере. При виде багряного диска сердце поэта печалится о тяготах восхождения души на вершину мира, но и радуется символу раскрывающейся перед ней высшей огненной любви — рубинового цветка с лепестками-пламентами, красующегося в златосеребряной вазе лунной ночи и восходящего дня. Духовное переживание достигает апогея, и чудо-птица пламенеющего солнца отождествляется с душой поэта, взмывающей за пределы ума и жизни, жертвенным цветком, преподносимым Бесконечному: она

достигает цели своего полета и парит в объятиях заветного Безмолвия, в малиновом пламени всевышней Любви пред очами Вечного.

* * *

...Птица Огня, — это птица-агни, психическое и *тапас*...

5 ноября 1936 г. Письма о поэзии и искусстве, с. 294

*

Птица Огня — это живой носитель золотого огня Божественного Света, белого огня Божественного Тапаса и малинового огня Божественной Любви — а также всего остального, что несет в себе Божественное Сознание.

Собрание стихотворений, с. 578

*

[При нисхождении Супраментального в подсознательное] видны красно-малиновые свёты. Один из них — это Супраментальная Божественная Любовь, другой — Супраментальная Физическая Сила».

Цит. по: Д. К. Рой. Шри Ауробиндо пришел ко мне, с. 73

*

«Птица Огня» была написана в течении двух дней и впоследствии доработана...

О себе, с. 304

*

Ваша «Птица Огня» исполнена богатой образности и цветов, но если можно было бы проследить за ними или через них бхаву¹, я полагаю, восприятие было бы более полным.

Что значит «проследить бхаву»? Повесить на птицу бирку и выставить ее в *засушенном* виде в Вашем интеллектуальном музее, чтобы профессора расписывали своим ученикам: «это такой-то вид, он устроен так-то; вот скелет, вот оперение и т. д. и т. п. — теперь вы знаете об этой птице все. Или вы хотите, чтобы я препарировал ее еще дальше?»

3 декабря 1936 г.

«Ангел»... — это обращение к птице. Это Птица, которая отправилась достичь Вневременного Божественного и возвращается поздно (в то время, как садхак и мир долго боролись и тщетно ждали), неся долгожданный дар.

Правда ли, что «Птица Огня» олицетворяет стремление?

Нет, эта Птица — не просто стремление.

«Танцор во Времени» — это Натараджа²?

Да.

«Любовь с лепестками-пламёнами», о которой Вы говорите

¹ *бхава* (санскр.) — состояние бытия; становление; субъективное состояние; эмоциональная природа; общее ощущение; эмоция или эстетическое чувство, выраженное в форме; в поэзии — чувство, настроение.

² Натараджа (санскр.) — «Господь Танца» или «Танцующий Господь» — бог Шива в ипостаси космического танцора; популярное в Индии изображение, представленное в камне или металле во многих шиваитских храмах.

в одной из строк, думаю, возможна только на одном из уровней, близком к Сверхразуму?

Она возможна также и на уровне психического.

Фраза «arrives at its luminous term thy flight» («и твой полет достигает лучащейся цели») означает, я полагаю, полное нисхождение в материальное сознание после разрушения преград ума и жизни.

Нет. Она достигает Вечного и приносит обратно в материальный мир то, что находится за пределами Разума и Жизни.

25 октября 1933 г.

«Танзор» — это не Дух Времени, но Божественное во Времени.

1933 г.

Пламя означает Птицу Пламени, Птица же — это символ внутренней Силы, поднимающейся благодаря «жертве», то есть йоге. Последние строки означают, что у нее есть сила, чтобы превзойти пределы разума и жизни и достичь того, что находится выше разума и жизни.

2 декабря 1933 г. Письма о поэзии и искусстве, с. 243—244

* * *

Даже незначительной восприимчивости к великим оккультным ритмам достаточно, чтобы, читая это стихотворение, мы со всей очевидностью ощутили присутствие реальности, принадлежащей иным, не физическим, планам бытия. Эстетическое чувство неопровержимо улавливает внутреннюю вибрирующую достоверность духовного опыта, движущуюся между нашим тай-

ным духовным сердцем и неким тонким эфиром выше нашего разума, и прочитав его, мы ощущаем, что ритмичными взлетами своего изобразительного видения поэт вознес нас из пределов ограниченного словесного выражения к переживанию некой великой многомерной тотальности. «Птица Огня» — это не нагромождение полуотчетливых, полунеясных образов — это единое стройное целое, и после прочтения у нас не остается никакого впечатления невнятности выражения. Свет и полет, которыми наполнены отдельные образы, обретают завершенную покойную полноту, единую, цельную многомерность, исполненную глубокой духовной сути, — пусть эту суть и не всегда может охватить наше ментальное понимание. Мистическая поэзия в высшей степени обладает присущим всякой настоящей поэзии непостижимым измерением, чем-то, что не поддается ментальному анализу, некоей суггестивной аурой по ту сторону слов.

Амаль Киран. Шри Ауробиндо — поэт, с. 43

См. также комментарий к стихотворению «Синяя птица», с. 115.

С. 55.

Транс

16 октября 1933 г. — впервые опубликовано в сборнике «Шесть стихотворений», 1934 г. Написано в один день со стихотворением «Птица Огня». Относится к числу метрических экспериментов (см. пояснения Шри Ауробиндо ниже). Перевод выполнен близким по звучанию к подлиннику четырехстопным амфибрахием.

* * *

«Транс» был написан за один присест — всего за несколько минут.

Письма о поэзии и искусстве, с. 244

*

Halo-moon of ecstasy unknown
Луна-в-ореоле неведомого экстаза

Что в точности означает «Halo-moon» («луна-в-ореоле» или «луноореол»)? Во второй строке говорилось о действительной физической луне, окруженной ореолом. Означает ли образ десятой строки, что великолепие или неопределимое присутствие олицетворяется лунным ореолом — и луна как различимый объект теперь исчезает в сиянии ореола? Мои затруднения вызваны тем, что если это просто «ореол», то он не может одновременно быть и «луной». Но может быть это эллиптическая конструкция, означающая «луна с окружающим ореолом»?

Что ж, это, конечно, «луна со своим ореолом», но я подразумевал, что это если и не центральная форма, исчезающая в ореоле, то по крайней мере луна и ореол, сливающиеся в единое экстатическое великолепие — как бывает, когда растворяешься в экстазе.

Последняя строка

Ocean self enraptured and alone
Океанический дух, упоенный восторгом и одинокий

Насколько я понял, речь идет о «духе» или «я», которое символизирует этот океан...?

Да, это так.

Письма о поэзии и искусстве, с. 245

*

Это стихотворение — эксперимент, его размер основан на использовании количественных стоп и является не подражанием какой-либо существующей модели, а результатом свободного творчества...

Письма о поэзии и искусстве, с. 239

*

...Если читать его так, как вы читаете обычную прозу с естественными ударениями и количественными соотношениями, Вы получите точный ритм моего стиха. Например, если Вы прочтете в прозе: «Когда он смотрел на сияющую уединенность океана, в видимом вдруг раскрылось незримое, и он словно бы взирал на собственный океанический дух, упоенный восторгом и одинокий (ocean self enraptured and alone)», — ритм последних слов

+ — + | — + — | — — + |
ocean self enraptured and alone

будет точно соответствовать размеру четных строк в моем стихотворении. Это одновременно качественный и количественный ритм. Я совершенно согласен, что в английском языке нельзя игнорировать ударную метрическую основу, но что можно сделать — это учитывать одновременно и ударение, и количественные характеристики, приняв за правило, что главное и подлинное ударение (в противоположность второстепенному и фиктивному) является достаточным для того, чтобы

в практическом отношении превратить естественно краткий слог в долгий. Именно это я и сделал...

Письма о поэзии и искусстве, с. 253

*

Вы сами придумали метр «Транса» или же заимствовали его у кого-то из прежних поэтов?

Нет, мне не известно, чтобы кто-то использовал этот размер раньше. Он пришел ко мне, когда я заканчивал «Птицу Огня», и я использовал его.

23 октября 1933 г.

*

Думаю, принцип этого метра должен заключаться в том, чтобы сказать несколько очень четко выраженных вещей в малом объеме...

Я выбрал этот размер — или, скорее, он пришел ко мне и я принял его — поскольку он показался мне одновременно лаконичным и легким, а потому пригодным для эксперимента. Но теперь я нахожу, что он только казался легким, а на самом деле очень труден. Легкость, с которой я сочинил это стихотворение, была обусловлена тем фактом, что благодаря счастливому вдохновению ко мне в сознание пришел верный ритм и, поскольку ритм был найден, стихотворение сложилось само собой. Если бы я сознательно экспериментировал с подобным размером, я мог бы столкнуться с теми же трудностями, что и Вы.

Письма о поэзии и искусстве, с. 246

*

Звезда означает некое творение, созидание или формацию либо обещание или силу созидания.

Луна — символ духовного сознания.

Море олицетворяет сознание.

Цит. по: Мэнибхай. Практическое руководство по Интегральной Йоге, с. 199

* * *

В этих стихотворениях переживаемое состояние, мистический опыт словно бы сам выражает себя в словах, которые кажутся совершенными и неизбежными, предначертанными. И если читать эти стихи и вслушиваться в них в состоянии внутренней тишины, ясного безмолвия, то взлеты и переживания поэта-йогина оживут в нас и мы сможем причаститься его блистательным прозрениям и соприкоснуться с невыразимой красотой.

К. Р. Шриниваса Айенгар. Шри Ауробиндо: биография и история, с. 1157

С. 57.

Кто ты?

Ок. 1934—1936 г. Название редакторское. В переводе размер адаптирован.

С. 59.

Нисхождение

1942 г. — впервые опубликовано в книге «Собрание стихотворений и пьес», 1942 г. Относится к числу метрических нововведений Шри Ауробиндо: адаптация нерифмованной сафической строфы, основанная на количественном принципе. Перевод выполнен метрической сафической строфой; размер

последней строки каждого четверостишия, в отличие от принятой сафической схемы, имеет ту же метрическую структуру, что и предыдущие строки, но не 12, а 8 слогов.

По некоторым сведениям, стихотворение описывает одно из решающих событий в садхане Шри Ауробиндо — нисхождение Сознания Верховного Разума в его физическое существо, произошедшее 24 ноября 1926 г.

С. 59. *Несказанных высот пламенные мысли...* — в подлиннике: Thoughts that left the Ineffable's flaming mansions... — «Мысли, что покинули пламенные чертоги Несказанного».

Там же.

*Мне от Бога несут голоса-посланцы
Сокровенный Глагол высочайших высей,
Кораблями блаженных сфер.*

— в подлиннике:

Missioned voices drive to me from God's doorway
Words that live not save upon Nature's summits,
Ecstasy's chariots.

Голоса-посланцы доносят до меня от Божьих дверей
Слова, которые не живут [нигде], кроме как на вершинах
Природы,
Колесницами экстаза.

Там же... *полотно Природы* — в подлиннике:... a seamless Nature — «бесшовное [полотно] Природы» (досл.: «ткут бесшовную Природу»).

* * *

Большинство существующих творений религиозной и духовной литературы не обладает в достаточной мере теми великими ритмическими откровениями, которые древние провидцы-риши считали кульминацией мистической речи, — мантрами; и именно эти великие изречения мы столь часто встречаем в поэтических произведениях Шри Ауробиндо, — например, в стихотворении «Нисхождение», где в семи сафических катренах, созданных по разработанным Шри Ауробиндо принципам количественного стихосложения, выражен йогический процесс, в ходе которого субстанция Духа низливается с далеких неведомых высей в человеческий сосуд. Здесь те, кто достаточно восприимчив к поэзии такого рода, могут явственно ощутить вдохновение планов Сверхсознания, достигающее апогея духовного творческого выражения в четвертой и пятой строфе. Эти восемь строк образуют самую великолепную многомерную картину, отличающуюся удивительной гармонией и богатством образов, чей символизм перекликается с Ведами и Упанишадами, а ритмические созвучия слов раздаются внутри вибрацией мантры. В этих строках порыв верховного Духа непосредственно выражает себя в поэтическом языке и ритме, в которых сверхчеловеческие безграничности вступают в игру в своей неопосредованной и наивысшей форме выражения, в отличие от обычно присущего поэзии непрямого способа их выражения с адаптацией к субстанции ума.

Амаль Киран. Шри Ауробиндо — поэт, с. 123—124

См. также сонет «Кришна» в Приложении, с. 239.

С. 63.

Космический Человек

15 сентября 1938 г. Поэтический набросок, найденный среди рукописей Шри Ауробиндо.

Барселона — столица Барселонской провинции в северо-восточной Испании, главный средиземноморский порт и второй по величине город Испании. Упоминаемые бомбардировки Барселоны относятся к периоду гражданской войны в Испании. Осенью 1938 г. Барселона была занята франкистами при боевой поддержке отборных частей германского легиона «Кондор».

Кантон — столица Квантунской провинции Китая, главный торговый и промышленный город южного Китая. В 1938 г. Кантон подвергался бомбардировкам в ходе японского вторжения в Китай и в октябре 1938 г. был захвачен ими и находился в оккупации до конца Второй мировой войны.

* * *

Человек — это Бог, который прячется от Природы, чтобы застать ее врасплох и настойчивыми усилиями, в борьбе, овладеть ею. Бог — это универсальный человек, прячущийся от собственной индивидуальности в человеческом существе.

Животное — это человек на четырех ногах, облаченный в шкуру; червь — это Человек, который, корчась, ползет к новой ступени своей Человечности. Даже самые грубые формы Материи — это Человек в примитивном своем теле. Все есть Человек, Пуруша.

Ибо что мы разумеем, когда говорим «Человек»? Несотворенный и неуничтожимый дух, что вселился в разум и тело, созданные из его собственных элементов.

Час Бога, с. 69

См. также серию сонетов Шри Ауробиндо, посвященных Космическому Сознанию, с. 241—247 Приложения, а также описание Космического Сознания в отрывке из «Савитри», с. 211 Приложения.

С. 65.

Солнце-Остров

13 октября 1939 г. В переводе размер адаптирован.

* * *

Лишь единицы могут, пожалуй, обладать достаточной силой, чтобы взглянуть неослепленным взором в источник всякого света, увидеть то великолепие, которое является его счастливейшей формой из всех и приближаясь к которому или вступая в которое можно сказать: «Он есть я», открыть тождество своего духа со всем сущим и найти в этом единстве слово света, которое сможет с наибольшим могуществом озарить нашу человеческую речь [и жизнь].

Поэзия будущего, с. 239

* * *

Ср. в «Савитри» с.383:

Others escaped from the confines of thought
To where Mind motionless sleeps waiting Light's birth,
And came back quivering with a nameless Force,
Drunk with a wine of lightning in their cells;
Intuitive knowledge leaping into speech,
Seized, vibrant, kindling with the inspired word,
Hearing the subtle voice that clothes the heavens,
Carrying the splendour that has lit the suns,

They sang Infinity's names and deathless powers
In metres that reflect the moving worlds,
Sight's sound-waves breaking from the soul's great deeps.

Иные, ускользнув из царства мысли,
Туда, где Ум, застыв, покойно спит,
Рождались вновь в первоисточке Света
И, трепеща неизреченной Силой,
Вновь возвращались к жизни на земле,
Пьяны вином зарниц, кипящим в клетках;
Интуитивным знанием полня речь,
Горя, ликуя вдохновенным словом,
Заветный слыша глас, что обнял небо,
Неся блистанье, что пылает в солнцах,
Они воспели в гимнах Беспредельность,
Озвучив сонм имен и сил бессмертных,
Запечатлев миров летящих ритмы,
Созвучья-волны виденья, что льются
Из сокровенных родников души.

С. 67.

Огненная Невеста

11 ноября 1935 г. — впервые опубликовано в сборнике «Стихотворения прошлого и настоящего», 1946 г. Написано в один день со стихотворением «Синяя птица». В переводе размер адаптирован.

* * *

Дословно название — «Bride of the Fire» — можно перевести также как «Невеста Огня» или «Невеста из Огня». По звучанию это словосочетание перекликается с «Bird of Fire», Птицей Огня. Под «Невестой Огня», или огненной Девой,

Шри Ауробиндо, вероятно, понимает Божественную Шакти — Матерь мироздания в Ее ипостаси Блаженства как вечную Невесту вечного Духа.

В «Савитри» царь-йогин Ашвапати так взывает к Божественной Матери:

O Wisdom-Splendour, Mother of the universe,
Creatrix, the Eternal's artist Bride...
O radiant fountain of the world's delight
World-free and unattainable above,
O Bliss who ever dwellest deep-hid within
While men seek thee outside and never find,
Mystery and Muse with hieratic tongue...

О Блещающая Мудрость, о Матерь мироздания,
Создательница, творческая Невеста Вечного...
О Ты, служащая светозарным источником мирового
наслаждения,
Но свободная от мира и недосыгаемая в вышине
[над ним],
О Блаженство, которое вовеки таится глубоко внутри,
Пока люди ищут тебя снаружи и не могут найти,
Мистерия и Муза, владеющая иератической речью¹...
Савитри, с. 345

А вот как Шри Ауробиндо, анализируя ведический символизм, описывает богиню Зари, одну из ипостасей Божественной Матери Адити, «невесту лучезарного Господина блаженства»:

Как Солнце представляет собой образ и божество золотого Света божественной Истины, так Заря — это образ и божество

¹ См. также стихотворение «Духовная Муза», с. 85 и комментарии к нему, с. 195.

явления высшего озарения в ночи нашего человеческого неведения... Именно здесь, [в мире нашего помраченного, смертного видения вещей,] восходит Заря, дочь Небес, неся сияние своей Истины и блаженство своих щедрот; сбрасывая тьму, будто черное тканое одеяние, словно юная дева, облаченная в свет, эта невеста лучезарного Господина блаженства совлекает покров с великолепия своих грудей, являя сияющее тело, и побуждает Солнце взойти по восходящему ряду миров... Ибо божественная Заря есть сила или лик Адити; она — мать богов; она дает им рождение в нашем человеческом существе в их подлинных формах, более не ограниченных нашей узостью, более не скрытых от нашего видения.

Тайна Вед, с. 481—482

Интересно сравнить образ из этого стихотворения с образом из афоризма Шри Ауробиндо, в котором он противопоставляет удовольствие, «обжигающую невесту» невежественного состояния человека, обуреваемого желаниями, и беспорочную «деву» — радость божественного блаженства:

(357) Люди гоняются за удовольствием и лихорадочно прижимают к страждущей груди эту обжигающую невесту, а между тем радость беспорочного божественного блаженства стоит рядом и ждет, когда они заметят ее, и возжелают, и заключат в объятия.

Эссе божественного и человеческого, с. 470

Стихотворение описывает это единение отбросившего влечение к ароматам низших земных роз-удовольствий, убившего в себе желание и обретшего высшую чистоту духовного искателя с огненной непорочной Девой-Невестой вечного Блаженства, божественной Девой-Матерью — образом экстаза, ликом блаженства, прекрасным олицетворением Света, Гласом Беспредельности, Зовом Единого, живым Солнцем-

светочем. Это страстный мистический призыв к Вечному в Его образе божественной огненной Невесты, пламенной пречистой Ананды, откликнуться исканиям земли и человека.

Литературный перевод

Огненная Невеста (Невеста Огня), обними же меня
(прижми же меня к себе), —

Огненная Невеста (Невеста Огня)!

Я отверг цветение земной розы,

Я убил желанье.

Красота Света (Прекрасный Светоч, О Прекрасная
в Свете), охвати мою жизнь, —

Красота Света!

Я пожертвовал алканием и отстранился от горя,

Я могу вынести твоё упоение.

Образ экстаза, восторжени и обвей [меня], —

Образ блаженства!

Я бы видел лишь твой дивный лик,

Ощущал лишь твой поцелуй.

Глас Бесконечности, звучи в моем сердце, —

Зов Единого!

Запечатлей в нем свое сияние, чтобы [нам] никогда
не разлучаться,

О живое Солнце.

* * *

Ср. в «Савитри», с. 318:

Then lest a human cry should spoil the Truth
He tore desire up from its bleeding roots
And offered to the gods the vacant place.
Thus could he bear the touch immaculate.

Чтоб Истины не тронул тварный крик,
С кровавым корнем вырвал он желанье
И для богов открыл свой светлый храм.
Так вынес он Пречистого касанье.

* * *

Стихотворение «Огненная Невеста»... дышит устремлением к вечному Свету и его выражению во времени —... благодаря особому пылкому ритму, во вдохновенной интенсивности которого вибрирует бесконечность.

Амаль Киран. Шри Ауробиндо — поэт, с. 340

*

Переходя к собственно мистическому периоду творчества Шри Ауробиндо, мы видим, что прежний романтизм претерпел могучее изменение, но ничуть не утратил своего живого дыхания и страстного накала. Это хорошо видно на примере стихотворения «Огненная Невеста»... Рефрены, встречающиеся в его начальных строфах, вполне естественны для восторженного вдохновения, которым проникнуто стихотворение... Более того, эти рефрены выступают своеобразным обрамлением призывов поэта, словно символизируя объятия огненной Невесты, о которых он молит: поэт-искатель словно пытается привлечь к себе с обеих сторон Ее огненные длани, чтобы Она прижала его к своему сердцу. Кроме того, на протяжении стихотворения рефрены видоизме-

няются, придавая зову поэта большую живость и проникновенность... Начав с призыва к Огненной Невесте, он затем словно бы пытается окружить свою жизнь Красотой Света, что подчеркивает этот звучный рефрен: он молит эту прекрасную Деву, этот пленительный Светоч светочей, объять и наполнить его жизнь. «Встрепещи и обвей» — так он взывает к Ней затем как к «Образу экстаза» и снова «обвивает» свой призыв сходным возгласом: «Образ блаженства!» В последней строфе, по контрасту, первый призыв не повторяется. Однако та же неделимость внушается призывом: «звучи в моем сердце» — и, хотя она не выражается в словах явно, но «Глас Бесконечности» отчетливо перекликается с синонимичным «Зовом Единого»; благодаря этой звуко-смысловой вариативности стихотворение вызывает ощущение многомерного созвучия, что только усиливает окончательное впечатление слияния молящего искателя с его Обожаемой, ибо Она, представая Бесконечностью, выраженной в речи, не может не быть единственной Реальностью, влекущей мистика.

Амаль Киран. Шри Ауробиндо — поэт, с. 423

*

Если в стихотворении «Мысль-Параклит» тема — опыт полета из этого мира в Вечность, то в произведениях, подобных «Духовной Музе», «Огненной Невесте» и «Божией Розе», также как и «Птице Огня», снова и снова выражается в поэтическом слове устремление к тому, чтобы Вечное проявило себя во Времени. Эти стихотворения звучат словно мистические рецитации... — при том, что каждое из них обладает собственной магией, словами, нотами, цветами, строением, все они сливаются в единую молитву. Каждое из этих сти-

хотворений — гораздо больше, нежели просто стих: это молитва или мантрическая песнь.

К. Р. Шриниваса Айенгар. Шри Ауробиндо: биография и история, с. 1152)

С. 69.

Матерь Божия

1945.

Прекрасное описание Божественной Матери, вечной сознательной Силы, сделанное Шри Ауробиндо в последние годы жизни.

* * *

Та, кому мы поклоняемся как Матери, есть божественная Сознательная Сила, которая господствует над всем сущим, единая и в то же время настолько многообразная, что даже самый живой ум и самый свободный и широкий интеллект не в состоянии уследить за ее движением. Мать — это сознание и сила Всевышнего — и пребывает высоко над всем, что она создает.

Час Бога, с. 48

*

Существует Единый, который пребывает по ту сторону времени, в Вечности. Он не имеет ни начала, ни конца, Он ЕСТЬ. И в блаженстве своего бытия он пожелал увидеть себя извне, облеченного в форму. И то, что он пожелал, стало существовать благодаря самому факту его желания; проявление его неисчислимых качеств в бесконечном, неисчерпаемом акте творения развернуло

перед его творящим оком миры, которым нет числа.

Это подобно тому, как если бы Единый в какой-то вневременный момент вечности возжелал реализовать себя в проявлении, конкретизировать и ограничить себя, разделить самого себя надвое; на то, что остается сущностью, обладающей блаженством созидательного самосозерцания, и на то, что делает это созидательное самосозерцание возможным. Это разделение Единого на два полюса, с одной стороны, является абсолютно реальным фактом, подтверждает который существование нашего мира, но, с другой стороны, все это есть только Его Игра, ибо Единый никогда в действительности не может быть разделен.

В Едином возникает созидательный Импульс-Произволение, становящийся источником всего проявленного, и в то же самое время возникает Сознание-Сила, благодаря которой это Произволение превращается в реальность. Это Сознание-Сила есть Великая Мать всего сущего. Она удерживает на своей ладони мириады рождающихся и гибнущих миров. Для нее мельчайшая песчинка или пустая раковина на берегу океана не менее важны, чем роящиеся бездны галактик.

Мать есть Сознание-Сила Бога. Слова Евангелия от Иоанна, отражающие непосредственное влияние халдейской традиции, хорошо известны: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Катха Упанишада говорит то же самое: «Праджапати (Отец всех существ) был тогда всей вселенной. Вак (Речь) вышла от него. Он соединился с ней, и она зачала. И она родила от него все эти миры. И она вновь возвратилась в него». Слово есть Звук; Звук есть Вибрация; Вибрация есть сгусток энергии, силопроявление в безграничном Едином. Основа творения есть Слово, изначальная, извечно сущая Мантра. И это Слово, этот Глагол

Всевышнего, есть та Великая Мать, которой под тысячами имен поклоняются люди..

Дж. ван Фрекем. За пределы человека, с. 54-55

*

Божественная Мать играет центральную роль в мировидении Шри Ауробиндо и в его Интегральной Йоге.

Мать — ваша единственная цель. Она заключает в себе все. Обладать ею значит обладать всем. Когда вы будете жить в ее Сознании, все остальное расцветет само собой.

Духовное возрождение, с. 357

Всегда нужно сохранять абсолютную веру в Мать, в то, что вы находитесь в ее руках и что все будет сделано с помощью ее силы.

Духовное возрождение, с. 336

Садхана предполагает ощущение Матери вокруг и внутри себя, ощущение того, что Мать делает все, и восприятие в себе всего, что дает Мать.

Духовное возрождение, с. 337

См. также описание божественной Матери в отрывке из «Савитри», с. 231 Приложения.

С. 71.

Божия Роза

31 декабря 1934 г. Написано в один день со стихотворением «Мысль-Параклит». Относится к числу метрических экспериментов Шри Ауробиндо: регулярный рифмованный акцентный стих. Пять строф-четверостиший со схемой риф-

мовки строк aabb; ритм каждой строки определяется шестью интонационными ударениями. «Расположение стоп свободно меняется, отвечая движению мысли и чувства в каждой строке» (Собрание стихотворений, с. 588). Перевод выполнен акцентным стихом близким к регулярному; строки, в основном, имеют шесть — семь интонационных акцентов.

Для этого стихотворения, являющегося ярким образцом мистической поэзии, также характерна сложная многомерная образность, которую чрезвычайно трудно воспроизвести на другом языке. Шри Ауробиндо в переписке с учениками несколько раз отвечал на вопросы, связанные с этим стихотворением, и здесь приводятся его комментарии. Амаль Киран написал отдельную статью, посвященную этому стихотворению. Здесь приводятся достаточно обширные выдержки из этой статьи, чтобы на примере его разбора этого стихотворения дать представление о глубине мистических стихов Шри Ауробиндо и о возможном уровне понимания его поэзии. Для более точной передачи смысловых оттенков стихотворения ниже дан его литературный перевод.

* * *

Литературный перевод

Божия Роза, пунцовый окрас на сапфирах небес,
Роза Блаженства, огненно-сладостная, семиокрашенная
семью экстазами!
Явись в нашем человеческом сердце, о чудо, о пламя,
Страстоцвет Безымянного, бутон мистического Имени.

Божия Роза, великий цветок мудрости на вершинах бытия,
Роза Света, беспорочная суть абсолютного видения!

Оживи в нашем земнорожденном разуме,
о золотая Мистерия, цветок,
Солнце на челе Вневременного, гостя дивного Часа.

Божия Роза, дамаская мощь Беспредельности, пунцовый
облик (символ, икона) могущества,
Роза Силы со своим алмазным (бриллиантовым) сиянием,
пронзающим ночь,
Воспылай в воле смертных, прояви свой чудный план,
Образ Бессмертия, расцвет Божества в человеке.

Божия Роза, пурпурно рдеющая воплощенным
божественным Желанием,
Роза Жизни с множеством лепестков, лира цвета!
Преобрази тело смертных в подобие сладкого магического
стиха (гимна);
Спряги нашу земную [природу] с небесной
(земное с небесным), сделай бессмертными чад Времени.

Божия Роза, подобная румянцу восторга на лице Вечности,
Роза Любви, рубиновая глубь всего бытия,
огненная страсть Милости!
Воспрянь из молящего сердца (сердца томления, алкания),
что рыдает в бездне Природы:
Сделай землю обителью Дивного, а жизнь —
поцелуем Благодати.

* * *

...«Божия Роза» — лирическое стихотворение, своего
рода молитвенный призыв...

Письма о поэзии и искусстве, с. 238

*

В связи со стихотворением «Божия Роза» возникает два вопроса.

1) Является ли роза самым совершенным и адекватным среди всех цветов выражением божественных экстазов (восторгов) и не имеет ли она соответствующих символических аллюзий в Ведах или Упанишадах?

В те времена в Индии не было роз — они пришли с мусульманами из Персии. Мы обычно считаем розу символом самоотдачи, любви и т. д., но здесь она используется не в этом смысле — будучи самым выразительным из всех цветов, она используется как символ божественных проявлений: Блаженства, Света, Любви и т. д.

2) Являются ли «семь экстазов», о которых идет речь в стихотворении, следующими: Блаженство, Свет, Сила, Бессмертие, Жизнь, Любовь и Милость?

Нет, под семью экстазами имеются в виду не семь разновидностей, а семь уровней Ананды.

2 января 1935 г. Письма о поэзии и искусстве, с. 256

*

Я не переписывал заново и не перерабатывал «Божью Розу» или сонеты, разве что где-то изменял два-три слова — сразу же в момент написания.

29 марта 1936 г. Письма о поэзии и искусстве, с. 272

*

Алмазный свет — это свет Матери в наиболее сильной его концентрации.

Духовное возрождение, с. 350

(фрагменты из статьи Амаля Кирана)

В стихотворении Шри Ауробиндо «Божия Роза» волшебное искусство мистической поэзии достигает своей кульминации. Самый известный из мистических символов — роза — здесь вырастает из света могучего внутреннего озарения и на ритмических крыльях акцентного стиха возносится к высотам музыкального упоения... Стихотворение передает не просто эмоциональный трепет — нет, это пульсация духовного опыта, переживания, в котором Божественное ощутимо прозревается, зримо осязается и осязаемо ощущается. И при чтении необходимо точно воспринимать эту вибрацию и цвет видения, светоносный строй и развитие идеи, исполненный смысла эмоциональный пыл. Нужно с четкой осознанной интонацией произносить каждое слово, в полной мере переживая и озвучивая музыку его гласных и согласных, при этом отчетливо улавливая его место в синтаксической схеме и его интуитивную взаимосвязь с другими словами. И тогда «Божия Роза» Шри Ауробиндо наполнит нашу речь и сознание своим цветением и ароматом.

В стихотворении пять четверостиший, каждое из которых языком поэзии раскрывает в сознании один из аспектов Богооткровения. С первого взгляда нас может слегка смутить красочное изобилие образов и мы можем увидеть в нем лишь свойственную восточному духу декоративную вычурность. Но в действительности в этом великолепии нет необузданности и хаотичности, в нем прослеживается ясный и выверенный многосторонний порядок, раскрывающий тайны Божественной Розы. Стройная последовательность живых, вибрирующих образов раскрывает нам глубокую мистическую метафизику и психологию...

В каждом четверостишии раскрывается две стороны духовной реальности. Первые две строки выражают высшее Великолепие, Реальность превыше человеческого сознания, вечно проявленную в вечном совершенстве. В последних двух строках эта Реальность призывается эволюционно проявить себя в человеческом сознании и постепенно стать частью земной жизни — или, точнее, постепенно сделать земную жизнь своей частью. Поэт призывает то, что вечно цветет в Божественном, расцвести вновь в нашем времени и пространстве...

Главный образ этой высшей Реальности, выраженный в стихотворении, — это, конечно, Роза. Роза — символ красоты, и здесь Божия Роза предстает выражением Божественной Красоты, Бога как Красоты. Но что такое Красота Бога? Красота есть совершенство формы. Однако существуют градации совершенства, и определяющим для каждого уровня является тот тип существа, который облекает себя в форму. Божественное Существо, облекаясь в форму, являет ее высшее совершенство, бесконечную Красоту: это совершенная Форма, в которой выражает себя бесконечное Существо, Божество индивидуализированное, но вместе с тем не ограниченное индивидуальностью и потому простирающее свою Форму до универсальных масштабов...

Стихотворение возносит нас к высшей Реальности, где сама Все вечность встречает нас лицом к лицу в облике Божественной Красоты. На языке индийской мистической мысли эта Форма Божественной Красоты, выражающая в Проявлении мистерию Абсолюта, эта Божия Роза, есть Та, которую Шри Ауробиндо следующим образом описывает в «Савитри»:

...Mother of the universe,
Creatrix, the Eternal's artist Bride...

...Матерь мироздания,
Создательница, творческая Невеста Вечного¹...

Савитри, с. 345

а также:

The Mother of all godheads and all strengths
Who, mediatrix, binds earth to the Supreme.

Матерь всех божеств и всех могуществ,
Посредница, связующая землю со Всевышним.

Савитри, с. 313

И эта вечная Матерь-Красота — изначальная Созидательница, высочайшая Посредница — есть выражение в форме пятиаспектной божественности бытия. Божия Роза — это совершенство, кристаллизующееся из субстанции абсолютного Блаженства, абсолютного Света, абсолютной Силы, абсолютной Жизни и абсолютной Любви. И благодаря тому, что Она выражает в себе это кристаллизованное совершенство, эти пять божественных качеств могут проявляться в ограниченной конечной субстанции смертного человека и трансформировать ее.

Аспект Божественного, которому Шри Ауробиндо посвящает первое четверостишие, представляя Божию Розу как Розу Блаженства, индийская мистическая мысль всегда не только считала изначальным источником творения, но и связывала самым непосредственным образом с красотой. По сути, совершенство формы вызывает наслаждение потому, что в действительности именно наслаждение и сотворяет это совершенство. Все

¹ См. комментарии к стихотворению «Огненная Невеста», с. 140 (*прим. сост.*).

искусство — это творческое наслаждение, выражающее себя тем или иным образом и с тем или иным уровнем совершенства. Точно также радость Бога от собственных творческих возможностей рождает взаимосвязанное сочетание смыслонесущих форм, которое мы называем вселенной: вселенная — это Лила, игра Бога, выражение Его Ананды, упоения от осознания собственного Бытия. Именно эту Ананду живо изображает нам Шри Ауробиндо в образе Божией Розы, расцветающей «в сапфире небес». Эта безбрежная сияющая синева олицетворяет верховное Невыразимое, отстраненно сияющее в недостижимой вышине, Абсолют, теряющийся в бездонном небе собственного «Я». И вот из этой бездонности расцветает первозданная Форма, прекрасный Образ-цветок, распускающийся в бесформенности Абсолюта, багряная Роза, трепещущая пламенным Блаженством в самопоглощенных сапфирных небесах Единого и несущая в себе множественность Его самовыражения, творение.

Это Блаженство пламенеет семью экстазами и каждый из них придает Розе свой оттенок. И это семистороннее самовыражение Абсолюта имеет аспект полностью распустившегося цветка и аспект растущего бутона. Распустившийся цветок — это Безымянный, Неизреченный Абсолют в своей страсти самопроявления в недостижимой сверхчеловеческой лазури. Сияющий бутон — это тот же Абсолют, проявляющий себя как мистическое Имя, Божество, доносящее свое чудо-пламя до человеческого сердца и распускающееся там, всевозрастающим совершенством, в ответ на эту мольбу сердца о счастье.

Что же означает число семь? Уже в Ригведе это число считалось священным, олицетворяя определенную истину, подтверждаемую мистическим опытом, свидетельства которого остались во многих священных писаниях разных народов... На основании сведений древних

индийских писаний и собственного опыта Шри Ауробиндо считал это число олицетворением системы планов бытия, уровней проявленного мироздания. Согласно ему существует высшая полусфера существования с тремя трансцендентными планами Бытия (Сат), Сознания-Силы (Чит-Тапас) и Блаженства (Ананда) и низшая полусфера с тремя космическими планами Разума (Свар), Жизни (Бхувар) и Материи (Бхур), а также промежуточный план, который в древних писаниях называется Виджняна или Махас, а Шри Ауробиндо называет Сверхразумом, Супраментальным Сознанием-Истиной или Гнозисом, план, связующий высшую триаду с низшей и выражающий в собственной трансцендентности архетипический космос. На каждом из этих уровней развернуто семиплановое существование, в котором тот или иной принцип выдвигается на передний план, а остальные остаются вторичными. Сама фраза «семь экстазов» (*sapta ratnani*) является ведийской и возможно семь экстазов, о которых говорится в стихотворении, олицетворяют эти семь планов проявленного существования...

Стихотворение в целом выражает пятичастную гармонию. В пяти четверостишиях Божия Роза последовательно именуется Розой Блаженства, Света, Силы, Жизни и Любви. При этом интересно, что поэт призывает ее сначала явиться в нашем человеческом сердце, затем ожить в нашем земнорожденном разуме, далее воспылать в воле смертных, затем преобразить смертное тело и наконец, словно продолжая и заканчивая призыв из первого четверостишия, воспрянуть в молящем сердце... Стихотворение начинается с сердца и завершается сердцем... Кроме того, бросается в глаза, что между первым и последним четверостишием очень много общего: словно бы тема, начатая в первом, получает новое и подытоживающее раскрытие

в последнем. В первом говорится об «экстазах», в последнем — о «восторге»; fire-passion («огнестрасть») в последнем переключается с использованным в первом fire-sweet («огнесладость») и passion-flower («страстоцвет»). «Чудо» и «пламя» соответствуют «обители Дивного» и «поцелую Благодати». Само слово «Благодать» (Beatitude) напрямую связывается с «Блаженством» (Bliss). Кроме того, «пунцовый окрас на сапфирах небес» из первой строки первого четверостишия прямо ассоциируется с «румянцем восторга на лице Вечности» из первой строки последнего четверостишия: «пунцовый окрас» это и есть «румянец восторга», что подчеркивает взаимосвязь двух этих образов. В психологическом отношении Блаженство и Любовь связаны друг с другом и обои также связаны с Красотой...

Если Блаженство — источник творения и является непосредственной субстанцией Красоты, то именно страстью Любви оно творит объект Красоты и, любя этот объект, познает себя наиболее интенсивно и наиболее глубоко с высшей полнотой и изобилием, которая в стихотворении именуется «рубиновой глубиной всего бытия». И когда оно выражает себя как космическое множество, именно игра Любви является основополагающей тайной этого самовыражения, тайной, которая медленно и поэтапно выявляется в нашей эволюционирующей вселенной... Блаженство — изначальное движение Божественного, в котором неотъемлемо присутствует Любовь; Любовь же — окончательное движение Божественного, благодаря которому Блаженство достигает апогея своего выражения. В сути своей они представляют собой единое явление с двумя полюсами, которое на одном полюсе предстает как Созидательница, связующая Всевышнего с землей, на другом — как Посредница, связующая землю с Всевышним.

И все-таки сердце из последнего четверостишия — не совсем то же, что упоминаемое в первом... В стихотворении совершается полный цикл, начинаясь с Розы Блаженства и завершаясь Розой Любви... Но теперь нам нужно понять, почему между ними в этом цикле возникают Розы Света, Силы и Жизни.

Изначально Божественное Блаженство проявляет космос на основе определенного концептивного и регулирующего принципа, который преобразует свободное многообразие-в-единстве этой творческой Ананды в упорядоченную стройность того, что мы можем назвать идеями-реальностями, прозреваемыми и избираемыми им в себе. Таким образом, в игру вступают процессы Знания и Воли, Истина прозревающая и Истина организующая, для того чтобы проявить и утвердить в различных взаимосвязанных центрах и устойчивых космических ритмах суть Все-Наслаждения. Любой космос, любое вселенское выражение, будь то извечно совершенная архетипическая вселенная или же подобная нашей, в которой совершенство скрыто, нуждается в направляющем Провидении-Мудрости и исполняющей Силе-Мудрости, чтобы предохранить ее от погружения во всесодержащую бесформенность. Вот для чего необходимы Роза Света и Роза Силы. И наоборот: когда творческое Блаженство должно полностью расцвести в человеческом существовании, которое развивается из видимого его отсутствия, созидание этой Ананды в человеческом сердце должно призвать в игру Розу Света, великий цветок Мудрости, золотую Мистерию, которая проявляется на уровне нашей ментальности как Провидица — гостя, посещающая нас в чудесные часы йогических просветлений и своим солнцеподобным Знанием-Истиной возвращающая в нас верховный Экстаз. Но Знания-Истины недостаточно — нашу волю

должна наполнить Сила-Истина, сияющая алмазным светом, чтобы организовать и упорядочить то, что открывается в светоносном прозрении, властно и искусно утвердить собственный план и, отсекая покровы мрака Неведения, изваять в нас образ бессмертного Света.

Что же касается Розы Жизни, она связана с Розами Силы, Света и Блаженства. Она есть обуревающее божественное Желание, устремляющееся к цели и обретающее воплощение, — это также многоплановое движение красочной коллективности и творец сочетаний и гармоний в существовании-во-Времени, обретшим бессмертие...

Роза Жизни приносит внешнее действие, конкретное достижение. Она облакает Волю-Истину в Действие-Истину, Видение-Истину в Прикосновение-Истину, Страсть-Блаженство и Множественность-Блаженство в наслаждение субстанциального контакта и воплощенного роста. Конкретизация различных центров и плотное соприкосновение-взаимодействие между ними, так чтобы сложный космос мог стать самой объективной реальностью, — эти необходимые вещи осуществляются только Розой Жизни.

Переход от Розы Жизни к Розе Любви вполне естественен. Если с одной стороны Желание родственно Силе-Воле, то с другой оно родственно Любви. Это не только страсть к внешнему осуществлению — это еще и жажда охватить, обнять, овладеть ради наслаждения. Но оно знает только как расширяться и овладевать; движение же к конкретному росту одного центра во взаимосвязи с другими центрами существа будет несовершенным, если расширение, экспансия, не будет сопровождаться самоотдачей, действенным счастливым ростом благодаря любовному погружению в других, единению с другими и достижению множественного единства. Таким образом Страсть-Блаженство и Множест-

венность-Блаженство обретают воплощение и осуществление, и изначальная Ананда через Розы Света, Силы и Жизни снова приходит к себе через Розу Любви.

И теперь мы можем глубже понять взаимосвязь двух сердец из первого и последнего четверостишия: нашего человеческого сердца и сердца, что жаждет и стонет в безднах Природы, пока в нем не расцветет Роза Любви... Последнее неотделимо от первого, поскольку сама Природа обретает в нас человечность. Человеческое сердце — это, можно сказать, «вершина» глубинного сердца Природы, уходящего на дно мрачайшей основы материального существования. Это бездонное сердце должно представлять собой некую силу чувствования, которая не ограничивается человеком, но кроется как стремящаяся ввысь жажда-боль в самых глубинах Материи, откуда развились все живые существа, — сила чувствования, которая соответствует и является отражением в низшей Природе «рубиновой глуби всего бытия» Сверхприроды и которая должна присутствовать также и в собственных глубинах человека, ибо его человеческое сердце является лишь наружным выражением этой сокровенной силы. Сердце человека, наше эмоциональное существо, — это место встречи умственного и жизненного сознания, центр нашей обычной природы. Именно с ним связано наше самоощущение и, судя по всему, именно там должно находиться наше индивидуальное «я» или душа. Интеллектуал может утверждать, что его самоощущение связано с разумом, но если вдруг спросить его, сыграв пренебрежение: «Кто сказал, что душа — это разум?», он гордо ответит: «Я!» — и при этом ударит себя в грудь, обозначая себя, самоутверждение, а вовсе не по лбу! Шри Ауробиндо говорит, что именно за нашим эмоциональным существом, которое мы ощущаем у себя в центре груди, скрывается наша истин-

ная душа, являющаяся в своей сути искрой Божественного. Он называет ее психическим существом или психеей. Эта искра изначально низошла из высочайшего мира в ночь материальной Природы и из этой бездны страстно стремится взойти обратно к Богу. Ее стремление выступает как побуждающая и организующая сила космической эволюции, в ходе которой душа выстраивает и организует для себя все более высокие и совершенные уровни или способы организации Материи, развивая все более совершенный инструмент своего выражения в Материи: ее развитие движется через дочеловеческие формы и достигает на данный момент человеческого инструмента, чтобы в будущем подняться к более высокому, сверхчеловеческому уровню самовыражения.

Суть психического — сладость и свет, и оно естественным образом стремится к Благу, Истине и Красоте. Но прежде всего оно ищет Божественной Любви, или, как говорит Шри Ауробиндо, «... объятий Божественной Матери Мира, влекущей к своей груди свое дитя, — божественной Страсти, которая погрузилась в ночь ради избавления мира от вселенского Неведения» (О Йоге, с. 177—178). В этой фразе Шри Ауробиндо выражена вся суть Розы Любви, поднимающейся из бездн Природы: это Божественная Любовь, «огненная страсть Милости», которая, жертвуя собой, погружается в эту бездну ради спасения мира; и именно через стремление, жажду психического, в которой сосредоточена вся боль и жажда этой бездны, Роза Любви, чье высшее бытие обретается в Вечности, проявится на земле и наполнит нашу жизнь не только высшей красотой, но и высшим блаженством...

Отметим, что Шри Ауробиндо в начале говорит о Божественном Имени, а в конце — о розе и рубине Божественной Любви. Таким образом круг замыкается и мы возвращаемся к Розе Блаженства с ее «пунцовым

окрасом на сапфирах небес» и ее «страстоцветом Безымянного, бутонном мистического Имени».

Подведем итог тому, что можно назвать мистической метафизикой и психологией «Божией Розы» Шри Ауробиндо.

Божия Роза предстает верховным Абсолютом, являющим себя в Форме трансцендентной Красоты, которую мы можем назвать Божественной Матерью, связующей Бесконечное с конечным своей ролью Созидательницы и соединяя конечное с Бесконечным своей ролью Посредницы. Красота — это выражение Блаженства — Блаженства, которое являет собой первичную субстанцию Неизреченного. Поэтому стихотворение начинается с Божией Розы, представленной как Роза Блаженства. Блаженство, творя Красоту, действует как принцип, прозревающий то, что предстоит совершить, Истину, которую предстоит воплотить в Красоте: оно включает в игру Мудрость-Видение и поэтому стихотворение переходит к Розе Света. Но Мудрость-Видение не может стать формой Красоты, если нет исполнительной Воли-Истины, самоосуществляющего замысла, полномочного образа мощи — Розы Силы. Однако для божественной полноты одной только силы, исполняющей предначертанный план, недостаточно. Если ее образ не должен остаться просто сияющей внутренней формацией, лишенной тела, если этот образ не должен остаться лишь силой субъективности, но стать и силой объективности и обрести конкретное воплощение, необходимо божественное Желание к росту, самовыражению, самоутверждению, овладению, покорению, изобильному владычеству — Роза Жизни. Но даже и здесь мы не достигаем финала; мы достигаем лишь насыщенного красочного многотелого

взаимодействия энергий, страстно влекущихся друг к другу и пытающихся вобрать других в себя. Необходимо еще и внутреннее слияние отдельных существ без потери внешней индивидуальности, растворение каждого в каждом в страсти самоотдачи: необходимо воплотить многоаспектное единство, чтобы интенсивнейшая глубь творческого Блаженства воплотилась в форму. Силой, позволяющей осуществить это блаженное Единство, является любовное влечение, связывающее Любящего и Возлюбленного: поэтому верховный Абсолют, выражающий себя в форме Красоты, не может сделать этого без божественного Желания, не став Розой Любви.

Божия Роза цветет во всем своем совершенстве и великолепии в трансцендентных сферах; но ее пятиаспектная божественность должна постепенно расцвести и во вселенной, где развилось человеческое существо. Ипостась Блаженства должна проявиться в ищущем счастья сердце человека, даруя ему Верховную Красоту в единой субстанции его блаженного существа, субстанции вечно блаженствующего Духа. Ипостась Света должна проявиться на нашем ментальном уровне, даруя нам истинное видение, благодаря которому эта Красота может оставаться неискаженной неведением. Ипостась Силы должна проявиться в нашей воле, даруя нам энергию, позволяющую сохранять и воплощать это истинное видение во всей нашей внутренней деятельности. Ипостась Жизни должна проявиться в нашей воплощенной витальности, нашей физической форме, оживляемой побуждением к росту и обладанию; она дарует нам действенное проявление истинной силы в сообществе воплощенных в земные формы существ, победивших смерть. Но человек — это не только мысль, воля, воплощенная жизненная сила. Он есть также душа, являющаяся в космосе его глубочайшим «я» и действующую

щая из своей глубины через его эмоциональное сердце, которое представляет собой центр его наделенного самосознанием организма. Этой душе присуща спонтанная самоотдача и преданность Божественному и в ней заключено высшее и окончательное устремление Природы к божественной Милости, которая сама погрузилась в бездну Материи как Спасительница и вечно устремляется все выше и выше, к Богу. Поэтому ипостась Любви должна проявиться в этой душе и раскрыть ей тайну всемирной гармонии человеческих существ на основе духовного поклонения ипостаси Блаженства в пленительном облике совершенной Красоты.

Амаль Киран. Шри Ауробиндо — поэт, с. 242—257

*

Шри Ауробиндо действительно пытался сочинить стихотворение с количественным метром, когда под его пером вдруг расцвела «Божия Роза» — ритмическая песнь, строки которой основаны на шести тональных ударениях. Подобно *ведической мантре*, она зазвучала молитвой, просящей пленительную Божественную Розу расцвести на земле во всей красе своих пяти пламенеющих лепестков Блаженства, Света, Силы, Жизни и Любви.

Это произошло 31 декабря 1934 г. И должно быть, с первого января 1935 г. молитва начала действовать. Хотя вскоре силы Зла развязали Вторую мировую войну, но Божии розы устремленных душ начали расцветать здесь и там, опровергая власть Тьмы...

Према Нандакумар. Предисловие к книге Тары Джаухар «Как я росла с Матерью», с. vii

* * *

Ср. в «Савитри» с.277—278:

Above the spirit cased in mortal sense
Are superconscious realms of heavenly peace,
Below, the Inconscient's sullen dim abyss,
Between, behind our life, the deathless Rose.
Across the covert air the spirit breathes,
A body of the cosmic beauty and joy
Unseen, unguessed by the blind suffering world,
Climbing from Nature's deep surrendered heart
It blooms for ever at the feet of God,
Fed by life's sacrificial mysteries.
Here too its bud is born in human breasts;
Then by a touch, a presence or a voice
The world is turned into a temple ground
And all discloses the unknown Beloved.

Над духом, поглощенным в смертном чувстве,
Царит покойно небо Сверхсознания,
Внизу разверзлась Несознания бездна,
А посредине, скрывшись нашей жизнью,
Бессмертная благоухает Роза.
Сквозь потайной эфир, где веет дух,
Цветком вселенской красоты и счастья
Взрастая в сердце преданном Природы,
Неузнанна слепым скорбящим миром,
У Божьих стоп она цветет вовеки,
Вбирая жизни жертвенные тайны.
Есть и в людской груди ее бутон,
Однажды расцветающий внезапно;
Тогда касанье, глас иль откровенье
Преображают мир в чудесный храм,
Во всем явив Возлюбленного образ.

См. также сонет «Свет» в Приложении, с. 249.

С. 73.

Сын молнии

30-е — 40-е гг. Относится к числу метрических экспериментов Шри Ауробиндо: акцентный стих, близкий к регулярному. Три строфы; каждая строфа состоит из четырех рифмующихся строк, имеющих, в основном, десять и восемь ударений попеременно (последняя строфа — 11 и 8). Схема рифмовки строк в строфе абаб. Вторая и четвертая строка приближаются к метрическому стиху. Перевод выполнен акцентным стихом, тяготеющим к регулярному (8—9 ударений в строке).

Можно предположить, что это стихотворение — лаконичное и яркое описание того, что представляет собой сам Шри Ауробиндо и его миссия на земле.

То, что Шри Ауробиндо представляет собой в мировой истории, — это не учение и даже не откровение, но прямое решительное действие, исходящее непосредственно от Всевышнего.

*Мать. Слова Матери 13, 3 (Цит. по: Дж. ван Фрекем.
За пределы человека, с. 223)*

С. 75.

Труд Божества

1935—1936 г. На одном из поздних вариантов имеется надпись: «31 июля 1935 г. / Последние четыре четверостишия — 1 января 1936 г.» То есть, вероятно, большая часть стихотворения написана в один день со стихотворением «Духовная Муза». В переводе размер адаптирован.

Одно из самых значительных стихотворений в творчестве Шри Ауробиндо, описывающее его оккультную работу, оставшуюся невидимой для внешних глаз, его подлинную миссию на земле, тяготы его суровой духовной битвы, нисхождение во тьму Материи и низведение туда высшего Света.

Его труд как первопроходца эволюции сопровождался величайшими трудностями. Долгие годы днем и ночью он погружался в косные, удушающие недра вселенской Тьмы, чтобы принести свет на пребывающие во мраке уровни бытия.

Из своего божественного серебряного эфира между золотом и синевой (вероятно, имеется в виду уровень Верховного Разума — между «синевой» более низких ментальных уровней и «золотом» Супраментального Сознания-Истины) он пытается заронить на пляшущую крошку-землю «настрои Бесконечности». Но свет этих эфирных высей, слишком лучезарный и далекий, слишком тонкий и стремительный, не может прижиться на земле, пустить на ней корни. Тот, кто хочет принести небеса на землю, должен сам низойти во прах и принять на себя все тяготы земной природы, и идти по горестному пути земной жизни «меж вратами смерти и рождения», чтобы преобразить ее невежество и страдание в сияние высочайшего Света и пыл божественного Блаженства. И вот он собирает свои мечты о совершенной беспечальной жизни для людей в своем серебряном небе и, мягко укутав их светоносным эфиром, он оставляет их в этом лучистом царстве и нисходит на страждущую, затерянную во мраке землю.

Первопроходец эволюции, он снова и снова приходит в мир и погружается все глубже в недра Материи, в ужас топких трясин Несознания, чтобы принести человеку высшее пламя, прокопать русло для светозарной песни золотой реки Сознания-Истины, возвести здесь, в мире смертных обитель

для бессмертного Огня. Но его мучительный труд от начала мира встречает лишь ненависть адских сил и злобу людей.

Ведь человек обманут своим низшим животным «я» — этим жалким серым карликом, влюбленным в свою ничтожную драму услад и мучений, страстей и пороков и страшась всего светлого и чистого, всего пламенеющего свыше. И теперь повсюду — только мрак и борьба, и даже высшие светочи людей — лишь бледные отблески подлинных бессмертных Светил. Люди блуждают во тьме со своим тусклым факелом надежды, который освещает им путь в никуда; их высшее достижение — лишь частица Истины, а предел их святого паломничества — постоянный двор их заурадной жизни. Они страшатся Истины истин и отвергают Свет светов, вознося свои мольбы невежественным богам или избирая для поклонения демонический алтарь.

Дух человека стремится вперед, ввысь, но земная природа упорна и неподатлива: побежденный мрак вновь поднимает голову; несовершенства, с которыми, казалось, было покончено, вдруг проявляются снова, возможно в иной форме; найденная истина оказывается недостаточной или половинчатой — все найденное нужно искать снова и снова и в каждой битве приходится побеждать вновь и вновь, сражая раз за разом воскресающих врагов, прорываясь сквозь просеки в беспросветном лесу бесплодных жизней. «Эта Йога — для тех, кто готов тысячу раз начинать сначала» — говорил Шри Ауробиндо.

Его непрестанно атакуют полчища Тьмы, он покрыт несчетными ранами, но цари-титаны, предводители демонических ратей, вновь и вновь ведут на штурм свои армады. И он не знает отдыха, пока не будет выполнена его задача и воплощена вечная воля, посланцем и исполнителем которой он является¹.

И демоны, и люди насмеваются и глумятся над ним: «То,

¹ Ср. отрывок из «Савитри» в Приложении, с.219.

к чему ты стремишься, — пустая химера; ты потерпишь неудачу, а все твои усилия пропадут даром! Кто ты такой, что лепечешь нам о каком-то небесном покое и свободе, о высшей радости и золотой обители Истины, нам, затерянным в безднах мрака и прикованным к железному столбу неодолимого рока смертной жизни? Земля принадлежит нам! Это страна вечной Ночи, где лишь тускло светятся наши ничтожные огни. Может ли она вынести священный Свет, может ли удовлетворить желаниям Божества?!» Вопя и беснуясь, не в силах вынести его великого, пленяющего их света, могущества и покоя, они грозят ему: «А ну, убьем его! Прервем его поход! Тогда наши сердца освободятся от бремени его влекущего великолепия и силы и от узды его безбрежного белого покоя».

Но в его смертном сердце скрывается божество, которое хранит его от всех нападков, ошибок и угроз рока, пролагая путь через топи и пустыни для несказанного Пречистого.

И вот он слышит Глас, призывающий его копать еще и еще глубже, низойти в бездны, где еще никто не бывал, во всемирное Подсознание и Несознание, достичь зловещего краеугольного камня на дне мирового Несознания и постучаться в последние врата — врата, к которым нет ключа. Увидев, что ложь пустила корни в самый источник сущего, где серый Сфинкс Неведения (или Подсознания) хранит загадочный сон Бога на расprostертых драконьих крылах Несознания¹,

¹ Ср. в «Савитри» с. 336—340, например:

The Dragon of the dark foundations keeps
Unalterable the law of Chance and Death;
On his long way through Time and Circumstance
The grey-hued riddling nether shadow-Sphinx,
Her dreadful paws upon the swallowing sands,
Awaits him armed with the soul-slaying word:
Across his path sits the dim camp of Night.

он покидает уровни разума с его поверхностными силами-богами, а также неуголенные моря уровней жизненной энергии и спускается по беспросветным тоннелям-тупикам тела к тайнам мироздания, сокрытым в низших безднах Материи. Он докапывается до ужасного немого сердца Земли и слышит черную колокольную мессу, скорбный набат, возвещающий ей вечное неведение, страдание, умирание. Его взор обнажает источник всех ее мук и скрытую причину возникновения ада. Пронзив первородную Пустоту, откуда появилась Мысль, он достигает дна этой чудовищной преисподней; над ним разносятся приглушенные драконьи стенания, в окружающей тьме звучат голоса и шепотки злых духов. Оберегаемый броней безграничного покоя, он проходит по этим безнадежным ступеням и приносит на дно человеческой бездны пламена Божьего великолепия¹.

Все враждебные Силы, полчища титанов Тьмы обрушиваются на Первопроходца, стремясь одержать верх в последней, решающей схватке. Но Тот, кем он является в своей сути, всегда оставался с ним, хранил его и направлял — ибо он совершал Его работу. И вот все завесы спадают — и открывается его подлинный Лик: именно Он направлял его своим Гласом, именно Его волю нес он в беспредельной незыблемой широте своего чела.

Цель достигнута. Работа сделана. Над бездной пролегает

Дракон скрижалей мрачных стережет
Вовек закон Случайности и Смерти;
В пути бескрайнем сквозь Судьбу и Время
Ниспровержитель серый — призрак-Сфинкс,
Раскинув лапы на песках зыбучих,
Ждет, вооружась разящим душу словом:
Ночь стала станом на его тропе.

¹ Ср. с сонетами на с. 251—257 Приложения, а также с описаниями нисхождения в Ночь в «Савитри», например на с. 223 Приложения:

мост, связующий высоты мироздания с его безднами и открывающий путь высшему Свету в глубины Материи: переливаясь от края до края, безбрежные золотые воды ниспадают по склону сапфирной, увенчанной радугой небесной горы. В недрах земли зажжен небесный огонь и теперь здесь пылают бессмертные солнца; сквозь удивительную расселину, проделанную в ограничивающих пределах-стенах смертного рождения и жизни, подобно пламенам, воплощенные духи устремляются к царствам Истины и Блаженства, и навстречу им по червленно-золотой лестнице низбегают светоносные дети райских сфер, возвещая окончание мрака.

Еще немного, и двери в новую Супраментальную жизнь будут приоткрыты в серебряном свете Верховного Разума с его золотистой крышей, озаренной светом Гнозиса, и мозаичным полом пестрого миропроявления, расстилающегося внизу, в этом великом мире, сияющем в своей наготе.

И он решает оставить свои мечты в их серебристом эфире, ибо здесь на земле проявится в золото-лазурном одеянии солнца и неба — солнца Супраментала и неба Высшего Разума — и обретет жизнь прекрасная воплощенная истина человека.

Можно предположить, что стихотворение описывает оккультный труд Божественного в ипостаси Хранителя и Направителя вселенной. Именно эта ипостась от сотворения мира направляет его развитие, воплощаясь снова и снова в качестве Аватаров и Вибхути. И именно этот грандиозный тяжелейший труд Шри Ауробиндо описывает в своем стихотворении.

*

С. 77. *Но злоба ада и людское недоверие...* — в подлиннике: *But the hate of hell and human spite* — «Но ненависть ада и людская злоба (враждебность, неприязнь)...»

Там же.

*Едва горит в Ночи надежды тусклый факел —
Окутан вечной тьмою смертных взор:
Хоть Истина звездой мерцает им во мраке,
Но им милей их постоялый двор.*

В подлиннике —

Man lights his little torches of hope
That lead to a failing edge;
A fragment of Truth is his widest scope,
An inn his pilgrimage.

Человек зажигает свои [тусклые] факелки надежды,
Что ведут к обманчивому рубежу
(ускользающему горизонту);
Его широчайший охват вмещает лишь
фрагмент Истины¹,
[Цель] его паломничества — постоялый двор².

С. 79.

*Хоть весь изранен я, но не прервать мне бой
С несметной ратью царственных Титанов,
Пока не будет кончен труд безмерный мой
И явью Воля вечная не станет.*

В подлиннике —

My gaping wounds are a thousand and one
And the Titan kings assail,
But I cannot rest till my task is done
And wrought the eternal will.

¹ Или: «Фрагмент Истины — это максимум, что он способен вместить (его широчайший охват)».

² Или: «вся его жизнь — лишь постоялый двор»; «предел его мечтаний — постоялый двор».

Шри Ауробиндо часто использует образ черного Дракона как символ всемирного Несознания. Можно предположить, что «серый Сфинкс» у него является символом Подсознания либо всемирного Неведения. Например, в «Савитри»:

Here meanwhile at the Spirit's opposite pole
In the mystery of the deeps that God has built
For his abode below the Thinker's sight,
In this compromise of a stark absolute Truth
With the Light that dwells near the dark end of things,
In this tragi-comedy of divine disguise,
This long far seeking for joy ever near,
In the grandiose dream of which the world is made,
In this gold dome on a black dragon base,
The conscious Force that acts in Nature's breast,...
Absolves from hour to hour her secret charge.

Между тем здесь, на противоположном полюсе Духа,
В мистерии глубин, которые Бог воздвиг
Как свою обитель ниже видения Мыслителя,
В этом компромиссе абсолютной неизменной
и окончательной Истины
Со Светом, который пребывает близь мрачного
конца сущего,
В этой трагикомедии божественного переоблачения,
Этом долгом далеком поиске радости, которая
всегда находится рядом,
В грандиозной грезе, которой (или: из которой)
воздвигнут мир,
В этом золотом куполе на черном драконьем основании
Сознательная Сила, которая действует
в недрах Природы,...
От часа к часу осуществляет свою тайную задачу.

Савитри, с. 60

The black Inconscient swung its dragon tail
Lashing a slumbrous Infinite by its force
Into the deep obscurities of form...

Черное Несознание вздымало свой драконий хвост,
Загоняя своей силой сонного Бесконечного
(или: дремлющую Бесконечность)
В сумеречные глубины формы...

Савитри, с. 79

Alone her hands can change Time's dragon base.

Лишь ее [Божественной Матери] длани могут изменить
драконье основание Времени.

Савитри, с. 314

An inert Soul and a somnambulist Force
Have made a world estranged from life and thought;
The Dragon of the dark foundations keeps
Unalterable the law of Chance and Death;
On his long way through Time and Circumstance
The grey-hued riddling nether shadow-Sphinx,
Her dreadful paws upon the swallowing sands,
Awaits him armed with the soul-slaying word:
Across his path sits the dim camp of Night.

Инертная Душа и сомнамбулическая Сила
Создали мир, отчужденный от жизни и мысли;
Дракон мрачных устоев стережет
Непреложно закон Случая и Смерти;
На долгой дороге сквозь Время и Обстоятельства
Сероокрашенный загадывающий свою загадку низший
Сфинкс-призрак (тьень),
Раскинув ужасные лапы на зыбучих песках,

Поджидает его [человека], вооружась
убивающим душу словом:
Ночь стала мрачным станом на его пути.

Савитри, с. 336

His spirit's stature transcending pain and bliss,
He fronts evil and good with calm and equal eyes.
He too must grapple with the riddling Sphinx
And plunge into her long obscurity.
He has broken into the Inconscient's depths
That veil themselves even from their own regard:
He has seen God's slumber shape these magic worlds.
He has watched the dumb God fashioning Matter's frame,
Dreaming the dreams of its unknowing sleep,
And watched the unconscious Force that built the stars.

Поскольку стать его духа превосходит боль и блаженство,
Он [спаситель мира] встречает зло и добро покойным
равным взором.
Он также должен схватиться с предлагающим разгадать
его загадку Сфинксом
И погрузиться в его [ее] долгий сумрак (или:
И надолго погрузиться в его сумрак).
Он прорвался в глубины Несознания,
Что скрывают себя даже от собственного взгляда:
Он увидел, как сон Бога формирует эти магические миры.
Он наблюдал, как безмолвствующий Бог выстраивает
материальную оболочку (структуру Материи),
Видя сны в своем лишенном знания сне,
И наблюдал бессознательную Силу,
которая созидает звезды.
Савитри, с. 449

Есть у Шри Ауробиндо упоминание и о другом, «высшем» золотом Сфинксе, который, вероятно, является символом Супраментального, высшей «загадки», ожидающей, когда человек разгадает ее:

Above him he saw the flaming Hierarchies,
The wings that fold around created Space,
The sun-eyed Guardians and the golden Sphinx
And the tiered planes and the immutable Lords.

Он видел над собою пламенеющие Иерархии,
Крыла, что обнимают сотворенное Пространство,
Солнцеоких Стражей и золотого Сфинкса,
[Восходящие] яруссы планов и незыблемых Владык.

Савитри, с. 300

Там же.

*Тот, кем всегда я был, хранил меня дотопе;
Но истину открыть пора пришла:
Ему лишь я внимал, Его лишь нес я волю
В безбрежном свете своего чела.*

В подлиннике:

He who I am was with me still;
All veils are breaking now.
I have heard His voice and borne His will
On my vast untroubled brow.

Тот, кем я являюсь, все же был со мною;
Теперь же все покровы спадают.
Я слышал Его глас и нес Его волю
На своем широком неколебимом челе.

Там же. *Разъявший высь и глубь провал мостом покрыт...* — в подлиннике: *The gulf twixt the depths and the heights is bridged...* — «Пропась между глубинами и высотами закрыта [мостом]...»

* * *

Литературный перевод

Я собрал свои мечты в серебряном воздухе
Между золотым и синим (голубым)
И укутал их мягко и оставил их там —
Мои драгоценные мечты о вас.

Я надеялся возвести радужный мост,
Обручающий землю с небом,
И посеять на этой пляшущей планете-крохе
Настроения бесконечности.

Но слишком светлыми были наши небеса,
слишком отдаленными,
Слишком тонкой — их эфирная субстанция;
Слишком блистательный и стремительный,
наш свет не мог [здесь] остаться;
[Его] корни были не достаточно глубоки.

Тот, кто хочет принести сюда небеса,
Должен сам низойти во прах,
И нести бремя земной природы,
И идти по скорбному пути.

Принуждая свою божественность, я низошел
Сюда на изменную [убогую] землю,

Став невежественным, [тяжко] трудящимся человеком¹
Меж вратами смерти и рождения.

Я копаю [и копаю] глубоко и долго
Среди ужаса грязи и трясины
Ложе для песни золотой реки,
Обитель для бессмертного огня.

Я трудился и страдал в ночи Материи,
Чтобы принести огонь человеку;
Но ненависть ада и людская злоба —
Вот воздаяние мне от начала мира.

Ведь ум человека обманут его животным «я»;
Надеясь добиться [удовлетворения] своих вожделений,
Он приютил внутри себя ужасающего Карлика (Эльфа),
Обожающего горе и грех.

Серый Карлик (Эльф) содрогается от пламени небес
И от всего радостного и чистого;
Только за счет удовольствия, страсти и боли
Может продолжаться его драма.

Вокруг повсюду [только] мрак и борьба;
Ведь светочи, которые люди называют солнцами, —
Это лишь половинчатые проблески, отбрасываемые
на эту спотыкающуюся жизнь
Негасимыми Светилами.

Человек зажигает свои [тусклые] факелки надежды,
Что ведут к обманчивому рубежу (ускользающему
горизонту);

¹ Досл.: «став... человеческим», т.е. «приняв на себя человеческую природу».

Его широчайший охват вмещает лишь
фрагмент Истины¹,
[Цель] его паломничества — постоялый двор².

Истину из истин люди боятся и отрицают,
Свет светов они отвергают;
К невежественным богам они возносят свою мольбу
(воплъ)
Или избирают демонический алтарь.

Все, что было найдено, нужно находить вновь,
Каждый враг убитый воскресает,
Каждую битву всегда вести снова и снова
Через просветы в бесплодных жизнях³.

Моим зияющим ранам нет числа⁴,
А цари-титаны продолжают атаковать,
Но не могу я отдохнуть, пока не будет выполнена моя задача
И воплощена вечная воля.

Как они насмеваются и глумятся [надо мной], и дьяволы,
и люди!
«Твоя надежда — голова Химеры,
Расцвечивающая небо своей огненной краской;
Ты падешь и твой труд пойдет прахом.

«Кто ты, болтающий (лепечущий) о небесном приволье,
О радости и золотом пространстве (золотой горнице)

¹ Или: «Фрагмент Истины — это максимум, что он способен вместить (его широчайший охват)».

² Или: «вся его жизнь — лишь постоялый двор»; «предел его мечтаний — постоялый двор».

³ Или: »[Прорываясь] по просекам бесплодных жизней».

⁴ Или: «У меня тысяча и одна зияющая рана».

Нам, [затерянным] скитальцам в несознательных морях,
[Нам,] прикованным к железному року жизни?

«Эта земля наша, поле Ночи
Для наших ничтожных едва тлеющих (мерцающих) огней.
Как она вынесет святой Свет
Или вытерпит желания бога?

«А ну убьем его и прервем его поход!
Тогда наши сердца освободятся
От бремени и зова его великолепия и силы
И [от] узды его обширного белого покоя».

Но бог пребывает в моей смертной груди,
Который борется с ошибкой и судьбой
И пролагает дорогу через топи и пустыни
(через грязь и отбросы)
Для несказанного (безымянного) Пречистого.

Глас воззвал: «Иди туда, куда никто не ходил!
Копай глубже, еще глубже,
Пока не достигнешь зловещего каменного основания
(краеугольного камня)
И не постучишься во врата, к которым нет ключа».

Я увидел, что ложь насаждена глубоко
В самом корне вещей,
Где серый Сфинкс охраняет загадочный сон Бога
На распростертых крыльях Дракона.

Я покинул поверхностных богов ума
И неутоленные (неуемные) моря жизни
И погрузился тупиками (слепыми проулками) тела
К низшим таинствам.

Подобно пламенам, к царствам Истины и Блаженства:
По червленно-золотой (золотокрасной) лестнице

направляются

Светозарные детища Рая,
Возвещая конец тьмы.

Еще немного и двери новой жизни
Будут вырезаны в серебряном свете
С его (ее) золотистой кровлей и мозаичными полами
В великом мире, обнаженном и светлом.

Я оставляю свои мечты в их серебристом воздухе,
Ибо в одеянии из золота и синевы (лазури)
По земле двинется воплощенная и прекрасная
Ваша живая истина.

* * *

[Основные реализации Йоги Шри Ауробиндо: Нирвана и] осознание динамического аспекта Брахмана, Ишвары... а также другие последовавшие за ними реализации: «Я» во всем, всего в «Я» и всего как «Я», Божества во всем и всего в Божестве, — суть те высоты, которых, как говорит Шри Ауробиндо, «мы всегда сумеем достичь», поскольку для него они не составляли трудности, требующей времени или упорства. Единственная реальная трудность, на преодоление которой ушли десятилетия духовных усилий, состояла в том, чтобы в полной мере применить духовное знание к миру и к поверхностной психологической и внешней жизни, и осуществить эту трансформацию как на высших уровнях Природы, так и на обыденных ментальных, витальных и физических уровнях, вниз — к подсознанию и основополагающему Несознанию и вверх — к высшему

Сознанию-Истине, или Сверхразуму, в котором одном динамическая трансформация может стать совершенно полной и абсолютной.

4 ноября 1946 г.

О себе, с. 86

*

Жизнь есть поле божественной манифестации, которая еще не достигла своего высшего осуществления: здесь, в жизни, на земле, в теле,... мы должны раскрыть Божество; здесь должны мы реализовать в своем сознании его трансцендентные величие, свет и блаженство, здесь овладеть им и, насколько это возможно, выразить его. В таком случае, мы в нашей Йоге должны принять жизнь, с тем чтобы полностью преобразить ее; нам нельзя уклоняться от трудностей, которые прибавит к нашей борьбе такой подход...

Принимая жизнь, он [ищущий на пути Интегральной Йоги] должен нести не только собственное бремя, но и значительную часть мирового бремени, которая постепенно прибавляется к его и без того нелегкой ноше. Поэтому его Йога гораздо ближе по своей природе к битве, чем другие виды Йоги; однако это не только индивидуальная битва, это коллективная война, разворачивающаяся на огромной территории. Он должен не просто одержать победу над силами эгоистической лжи и беспорядка в самом себе, но и победить их как представителей тех же самых неистощимых враждебных сил мироздания. Такая универсальность их природы придает им гораздо больше упорства в сопротивлении, способность воскресать вновь и вновь — почти до бесконечности. Зачастую он обнаруживает, что даже после того, как одержана очевидная

победа в его собственной индивидуальной битве, ему предстоит еще побеждать вновь и вновь в сражении, которому, кажется нет конца, потому что его внутреннее бытие настолько расширилось, что оно не только включает в себя его собственное существо с его четко определенными потребностями и переживаниями, но и пребывает в единстве с бытием других существ, ибо он заключает в себе весь универсум.

Синтез Йоги, с. 74, 77—78

*

Что касается меня и Матери, нам пришлось испробовать все пути, все методы, чтобы преодолеть многочисленные трудности, вынести куда более тяжкий груз, чем выпадал на чью-либо долю как в Ашраме, так и за его пределами; столкнуться с несравненно более сложными условиями, одержать победы над враждебными силами, терпеливо вынося боль от полученных ран, проложить путь сквозь непроходимые дебри, леса и болота и выполнить работу, какую, я уверен, никому до нас делать не приходилось. Ибо Первопроходец, в таком деле, как наше, должен не просто привнести, выразить и воплотить Божественное, но сполна ощутить весь тяжкий груз человеколюбия и испытать на себе в полной мере со всей беспощадной откровенностью любые трудности, сопротивление, борьбу и преграды — в неимоверно тяжелой работе, не сулящей скорого успеха и мгновенной победы, единственно возможной на нашем Пути.

Цит. по: Д. К. Рой. Шри Ауробиндо пришел ко мне, с. 209

*

Ничего подобного или похожего на этот метод (в целом), в старых системах йоги не было. В противном случае я не стал бы попусту тратить время, прокладывая путь заново, и тридцать лет заниматься внутренним созиданием и поисками, вместо того чтобы устремиться навстречу цели по пути, уже изведанному, проложенному и нанесенному на карту, — пути, который успели выровнять, исходить и превратить в безопасную проторенную дорогу.

О себе, с. 109

*

С какими бы трудностями ни встретился садхак, мы всегда встаем у них на пути; с многими из них нам пришлось сражаться сотни раз (на самом деле, гораздо больше), прежде чем удалось одержать победу; многие все еще упорствуют, не собираясь сдаваться, пока не будет достигнуто абсолютное совершенство. Но мы никогда не соглашались признать их неизбежными для других. Фактически, именно для того, чтобы облегчить в будущем путь другим, мы взвалили на себя это бремя.

О себе, с. 465

*

Я подвергся всем возможным атакам, которым только могут подвергнуться люди, иначе я никого не мог бы заверить, что «и это можно победить». По крайней мере, я был бы не вправе так говорить... Всевышний, когда он принимает на себя бремя земной природы, принимает его полностью, искренне, без всякого обмана и хитроумных фокусов. Если что-то и стоит за ним, всегда выяв-

ляясь из-под покровов, по сути это то же самое, пусть и более великое по своему масштабу, что стоит за каждым человеком — и как раз для того, чтобы оно пробудилось, он и приходит сюда.

Цит. по: Ниродбаран. Переписка со Шри Ауробиндо, с. 176

*

Черный дракон Несознания несет на своих необъятных крыльях и спине мрака все сооружение материальной вселенной.

Жизнь Божественная, с. 665

*

Мы попытались осуществить его [низведение Супраментала] свыше, через ум и высший витал, но это оказалось невозможным, поскольку садхаки не были готовы следовать за нами: их низшее витальное или физическое отказывалось принять то, что нисходило свыше, или же не могло правильно ассимилировать нисходящую энергию, отвечая неадекватными чрезмерными реакциями. С этого момента садхана в целом — и мы вместе с нею — углубилась в физическое сознание. Многие последовали за нами... Полное нисхождение в физическое — дело очень и очень тягостное — это означает долгую, утомительную борьбу с непрестанными трудностями, поскольку физическое обычно является мрачным, инертным, невосприимчивым к Свету. Оно состоит из устоявшихся привычек и находится в почти рабской зависимости от подсознания и его механических реакций... Мы бы предпочли сделать всю трудную работу там, в физическом, сами и призвать туда других, уже когда будет уста-

новлен более легкий процесс. Но на практике это оказалось невозможным.

О себе, с. 474

*

В физическом ты словно копаешь землю; физическое — абсолютно инертно, неподатливо, как камень... Нужно работать и работать год за годом, ступень за ступенью, пока не достигнешь центральной точки в подсознательном, которой и нужно овладеть — и в этом суть всей проблемы, а значит и главная трудность... Эта точка в подсознательном — главное семя, которое прорастает и прорастает, пока вы не вырвете его.

О себе, с. 467

*

Конечно, каждый, кто хочет изменить земную природу, чтобы изменить ее, должен сначала принять ее. Приведу строки из моего неопубликованного стихотворения [Труд Божества]:

*Кто хочет даровать земле небес свободу,
Тот должен сам во тленья низойти
И на себя взвалить ярмо земной природы,
И по стезе безрадостной пройти...*

О себе, с. 222

*

Только божественная любовь может вынести то бремя, которое мне приходится нести — которое приходится нести каждому, кто пожертвовал всем остальным ради

единственной цели — возвысить землю из мрака к Божественному.. Именно она [божественная любовь] позволяет мне без слез и стенаний идти к цели.

Цит. по: Д. К. Рой. Шри Ауробиндо пришел ко мне, с. 71

*

Не ради личного величия я добиваюсь нисхождения Сверхразума. Для меня мало что значат величие или ничтожность в том смысле, какой придают им люди. Я стремлюсь привнести в земное сознание определенную сущность сокровенной Истины, Света, Гармонии, Покоя... Сделать возможным для нее проникновение в человеческую природу, все еще пребывающую в полусвете и полутьме. Я убежден, что нисхождение этой Истины откроет путь к развитию божественного сознания на земле и станет завершающей реализацией земной эволюции. Если люди, более великие, чем я, были лишены видения этого идеала, это еще не означает, что я не могу придерживаться своего собственного восприятия и видения Истины. Если человеческий ум за попытку сделать то, чего не делал Кришна, сочтет меня глупцом, меня это нимало не обеспокоит. Пусть даже все человечество глумится надо мной, если захочет, либо преисподняя обрушится на меня за мою самоуверенность — я буду продолжать начатое, пока не добьюсь победы или не умру. Вот что вдохновляет меня на поиски Сверхразума, а вовсе не собственное или чье-то еще величие.

Цит. по: Д. К. Рой. Шри Ауробиндо пришел ко мне, с. 263.

*

Шри Ауробиндо — это Душа Материи, стремление всего человечества. Он — Свет в Материи или Дух, воплощен-

ный в Материи. Шри Ауробиндо отделился от Вевышнего и погрузился в эту Материю, в тело, приняв на себя это бремя несознания и неведения, чтобы пробудить их к жизни божественной.

Мать. Всевышняя, с. 68

*

Милая Матушка,... мы собираемся сделать танцевальную постановку стихотворения «Труд Божества» с декламацией. Это сложное произведение. Можно я буду каждый день посылать тебе одно-два четверостишия, чтобы ты объяснила их? Это поможет нам лучше понять стихотворение, а значит и лучше сделать постановку.

Твоя Тара

Хорошо. С благословениями.

Мать

25 июля 1969 г.

*Я собрал свои мечты в серебряном воздухе
Между золотым и синим (голубым)
И укутал их мягко и оставил их там —
Мои драгоценные мечты о вас.*

«Серебряный воздух» — это духовное царство¹. «Золотое» — это супраментальное, а «синее» — это разум.

«Мечты» означают все неосуществленные ожидания, которым предстоит осуществиться в будущем, — эти

¹ Вероятно, имеется в виду уровень Верховного Разума, «Мира Богов», который по описаниям Шри Ауробиндо расположен между уровнями разума и сферой Супраментала (*прим. сост.*)

«мечты» хранятся нежно и с любовью, берегаемые для возможности их осуществления.

Мать
26 июля 1969 г.

Матушка, правда ли, что стихотворение «Труд Божества» описывает собственные переживания Шри Ауробиндо на земле?

Ты объяснила, что «мечты» означают «все неосуществленные ожидания, которым предстоит осуществиться в будущем». В последней строке четверостишия Шри Ауробиндо говорит: «Мои драгоценные мечты о вас». Кого он имеет в виду?

Лучше понимать это так, как хотел Шри Ауробиндо: Бог, говорящий со своим творением, с землей.

[О следующих двух четверостишиях:]

Я могу кое-что рассказать тебе об этом, но это должно остаться полностью между нами и не должно передаваться другим — я понимаю, что это почти невозможно. Поэтому, скорее, предпочитаю ничего не писать об этом.

Мать
27 июля 1969 г.

В следующий раз, когда я встречалась с Ней, Она больше часа объясняла мне все стихотворение, которое по сути представляет собой собственную йогу и садхану Шри Ауробиндо, изложенную в поэтической форме.

Тара Джаухар. Как я росла с Матерью, с. 100—102

* * *

«Труд Божества» — пожалуй, самое волнующее мистическое стихотворение Шри Ауробиндо. На протяжении всех своих тридцати одного четверостишия оно несет на себе печать психического, которым проникнуто это возвышенное сверхсознательное видение, излитое в глубоко личной тональности. Это откровение о великом труде, совершаемом в стремлении воздвигнуть «мост, что обручил бы небеса с землею». Этот же мотив часто звучит и в серии поздних сонетов Шри Ауробиндо.

Амаль Киран. Шри Ауробиндо — поэт, с. 130—131

*

[Шри Ауробиндо] писал мне, что продолжает «вычерпывать, вычерпывать, вычерпывать трясину подсознательного», и об этом же сопротивлении он упоминал в письме Нироду: «Он [Супраментальный Свет] нисходил перед ноябрем 1934, но затем поднялась вся грязь и нисхождение прекратилось».

Д. К. Рой. Шри Ауробиндо пришел ко мне, с. 73

*

В постскриптуме своего письма в ответ на мой вздох о том, что он занят своими Эмпиреями, он написал: «Вот уж нет, я занят отнюдь не Эмпиреями — хотел бы я, чтобы это было так! Скорее, наоборот — противоположным концом вещей: мне нужно погрузиться в Бездну, чтобы построить мост между этими двумя».

Что именно он имел в виду, говоря о построении моста, и с какого рода сопротивлением он сталкивался на каждом шагу, мы, вероятно, никогда не узнаем, но, как мы можем понять из его прекрасного, хотя и несколько печального стихотворения «Труд Божества», он всегда

знал, что вряд ли это будет легким достижением быстрой
йогической технологии:

Я надеялся возвести радужный мост,
Обручающий землю с небом,
И посеять на этой пляшущей планете-крохе
Настроения бесконечности.

Но слишком светлыми были наши небеса,
слишком отдаленными,
Слишком тонкой — их эфирная субстанция;
Слишком блистательный и стремительный,
наш свет не мог [здесь] остаться;
[Его] корни были не достаточно глубоки.

Как же «корни» могли быть «достаточно глубоки»,
когда мы, [его ученики,] вместо того, чтобы заботливо
вращивать ростки, с такой легкостью отбрасывали
семена веры и стремления, которые он снова и снова
заронял в нас?

Д. К. Рой. Шри Ауробиндо пришел ко мне, с. 265—266

*

Подлинная задача Йоги Шри Ауробиндо — не столько
проникнуть в Незримое и затеряться в нем и даже
не столько призвать Вечного «пройтись по коридорам
Времени»; подлинная задача гораздо более фундамен-
тальна — трансформация, преображение земли в подо-
бие Неба... Это не просто трансформация ума и психи-
ки, достичь которой не столь трудно, — но всего виталь-
ного, вплоть до низших его уровней, а также физическо-
го и даже подсознания и несознания. Именно в стихот-
ворении «Труд Божества» Шри Ауробиндо во всей пол-

ноте описал свою интегральную Йогу трансформации человека и земли.

К. Р. Шриниваса Айенгар. Шри Ауробиндо: биография и история, с. 1155—1156

*

Для тех, кто мало знаком с той работой, которую Шри Ауробиндо и Мать совершали на Земле, эти строки покажутся не более чем причудливой игрой воображения, но если вы имеете некоторое внутреннее понимание того, что совершали эти первопроходцы, то увидите за фантастичными на первый взгляд образами глубокий смысл. Ни одно слово здесь не является плодом воображения, преувеличением или поэтической гиперболой. В этих строках содержится лаконичное и выразительное описание того, как первопроходец эволюции погружается в Материю, в Подсознание и Несознание, которые оказывают влияние на состояние человека, а в значительной мере и определяют его. Именно там должна была разыгаться решающая битва и именно там нужно было одержать окончательную победу — в источнике всех вещей, — если Шри Ауробиндо и Мать хотели разрешить загадку нашего эволюционирующего мира и преобразить его бытие. Источник неведения, лжи, страдания и смерти нужно было искоренить или преобразовать в Божественную Реальность, которую этот источник, в сущности, всегда таил в себе, пусть и в совершенно искаженном виде.

Дж. ван Фрекем. За пределы человека, с. 207 — 208

См. также сонеты «Странник Тьмы», «В сражении», «Несознание-основа», «Несознательное» в Приложении, с. 251—257.

С. 85.

Духовная Муза (*Musa Spiritus*)

31 июля 1935 г. — впервые опубликовано в сборнике «Стихотворения прошлого и настоящего», 1946 г. Вероятно, написано в один день с большей частью стихотворения «Труд Божества». В подлиннике название стихотворения дано на латыни. Относится к числу метрических нововведений: размер сходен со стихотворением «Транс» и также основан на сочетании количественного и качественного принципа. Перевод выполнен близким по звучанию к подлиннику четырехстопным амфибрахийем.

Блистательный образец поэзии Сверхсознания, мантрический гимн духовной поэзии и вдохновляющей ее Музе божественного Слова; молитвенный призыв к Божественному Слову, к «Духовной Музе» о нисхождении и преображении всего существа поэта и всей материальной природы.

Ср. со строками из «Савитри», с. 345:

Mystery and Muse with hieratic tongue,
Incarnate the white passion of thy force,
Mission to earth some living form of thee.

Мистерия (Тайна) и Муза с иератической
(сакральной) речью,
Воплоти белую страсть своей силы,
Ниспошли на землю свою живую форму.

(см. также комментарии к стихотворению «Огненная Невеста», с. 140.)

Так царь-йогин взывает к Божественной Матери, обращаясь к различным Ее ипостасям. Таким образом, можно сделать

вывод, что Духовная Муза — это Божественная Мать в ипостаси божественного творящего Слова.

И еще один отрывок из «Савитри», где упоминается «великая Муза», с. 141:

In Nature he saw the mighty Spirit concealed,
Watched the weak birth of a tremendous Force,
Pursued the riddle of Godhead's tentative pace,
Heard the faint rhythms of a great unborn Muse.

В Природе он [царь-йогин] прозревал скрытый
могучий Дух,
Наблюдал робкое зарождение грандиозной Силы,
Прослеживал загадку неуверенной поступи Божества,
[нащупывающего путь,]
Слышал слабые ритмы великой нерожденной Музы.

* * *

С. 87.

*Грехов, добродетелей тигрополосье,
Угроз его, грез его, бед и побед.*

— прекрасное описание двойственной природы нашей поверхностной витальной личности, этого «беспокойного божка жизни» — нашей «души желаний» с ее «тигрополосьем» сменяющихся грехов и добродетелей, претензий и самолюбований, удовольствий и страданий. В последней строке в подлиннике перечисляемые парные эпитеты, выражающие противоположные качества, объединяются близостью звучания, отличаясь, фактически, лишь начальными звуками. Они образуют в строке внутренние рифмы и создают особый ритм, который словно живописует в звуке противоречивую природу

нашего витального существа: His clamour and glamour and thole and dole; — «Свои притязания (гомон, ропот) и красование (чары обаяние, прелесть), [свои] страдания (претерпевания, страсти, невзгоды) и стяжания (подавания, подачки)».

Там же.

*Пусть жизнь моя песнью Его закружится,
Рассветы и дни — станут ритмами строф...*

— в подлиннике:

Weave from my life His poem of days,
His calm pure dawns and His noons of force.

Сотки из моей жизни Его поэму дней,
Его ясных чистых зорь и Его полдней силы.

* * *

Стихотворение «Духовная Муза»... дышит устремлением к вечному Свету и его выражению во времени —... благодаря величественному движению, могучему в своей безграничности.

Амаль Киран. Шри Ауробиндо — поэт, с. 340

*

Шри Ауробиндо никогда не отстраняется от пульса человеческого; он снова и снова вбирает крик бранных существ и вдыхает в него истину всех наших родовых мук, истину желания Божественного, которое состоит в том, чтобы обрести воплощение в нас здесь, а не просто в том, чтобы мы взойшли к Его вершинам и растворились в Его беспредельности. Вот почему, когда Шри

Ауробиндо в стихотворении «Духовная Муза» обращается к «Слову, сокрытому в горнем огне», он призывает его низойти «в пучины» нашей земной природы.

Амаль Киран. Шри Ауробиндо — поэт, с. 127—128

С. 89.

Провидец

Поэтический фрагмент, найденный среди рукописей Шри Ауробиндо. Дата создания неизвестна. Относится к числу метрических экспериментов.

Эти строки кажутся глубоко автобиографичными и могут служить прекрасным описанием труда самого Шри Ауробиндо, а также его поэтических произведений, этих «белозвездных свитков богов», часть из которых представлена в настоящем сборнике.

См. также комментарий к стихотворению «Сын молнии», с. 166.

ПРИЛОЖЕНИЕ

The Superconscient Worlds

A few have dared the last supreme ascent
And break through borders of blinding light above,
And feel a breath around of mightier air,
Receive a vaster being's messages
And bathe in its immense intuitive Ray.
On summit Mind are radiant altitudes
Exposed to the lustre of Infinity,
Outskirts and dependencies of the house of Truth,
Upraised estates of Mind and measureless.
There man can visit but there he cannot live.
A cosmic Thought spreads out its vastitudes;
Its smallest parts are here philosophies
Challenging with their detailed immensity,
Each figuring an omniscient scheme of things.
But higher still can climb the ascending light;
There are vasts of vision and eternal suns,
Oceans of an immortal luminousness,
Flame-hills assaulting heaven with their peaks,
There dwelling all becomes a blaze of sight;
A burning head of vision leads the mind,
Thought trails behind it its long comet tail;
The heart glows, an illuminate and seer,
And sense is kindled into identity.
A highest flight climbs to a deepest view:
In a wide opening of its native sky
Intuition's lightnings range in a bright pack
Hunting all hidden truths out of their lairs,

Миры Сверхсознания

Немногие пойти решились дальше —
В последнее восхождение к высшим высям
Сквозь небо ослепительного света,
В раздолья всемогущего эфира,
Познав известья широчайшей жизни,
Соприкоснувшись с бытием всевышним,
Приняв великий Луч интуитивный.
Там, в высях Разума лучатся пики,
Сияньем Бесконечности омыты,
Преддверья храма Истины верховной,
Возвышенного Разума владенья,
Пресветлые, бескрайние просторы.
Там, в ясной широте вселенской Мысли,
Где каждый лучик — новый взгляд на мир,
Всевидящий, глобальный, скрупулезный —
Несет земле великое ученье,
Не может смертный жить — он там лишь гость.
Но, не довольствуясь простором Мысли,
Стремится выше восходящий свет —
К раздольям виденья, к извечным солнцам,
К безбрежьям светозарности бессмертной,
К вершинам-пламенам, взнесенным в небо:
Туда, где все — единый светоч-взор,
Кометой виденья взмывает разум —
Лишь вьется сзади мысли длинный шлейф;
Пылает сердце, пламенный провидец,
И тождества огонь объемлет чувства.
Но глубочайший взгляд — лишь в высшем взлете:
В безбрежной широте родных небес
Блистают Интуиции зарницы,
Стремясь гурьбой на поиск тайных истин

Its fiery edge of seeing absolute
Cleaves into locked unknown retreats of self,
Rummages the sky-recesses of the brain,
Lights up the occult chambers of the heart;
Its spear-point ictus of discovery
Pressed on the cover of name, the screen of form,
Strips bare the secret soul of all that is.
Thought there has revelation's sun-bright eyes;
The Word, a mighty and inspiring Voice,
Enters Truth's inmost cabin of privacy
And tears away the veil from God and life.
Then stretches the boundless finite's last expanse,
The cosmic empire of the Overmind,
Time's buffer state bordering Eternity,
Too vast for the experience of man's soul:
All here gathers beneath one golden sky:
The Powers that build the cosmos station take
In its house of infinite possibility;
Each god from there builds his own nature's world;
Ideas are phalanxed like a group of suns,
Each marshalling his company of rays.
Thought crowds in masses seized by one regard;
All Time is one body, Space a single look:
There is the Godhead's universal gaze
And there the boundaries of immortal Mind:
The line that parts and joins the hemispheres
Closes in on the labour of the Gods

И настигая их в заветных логах;
Интуитивный абсолютный взгляд,
Пылающим клинком неудержимым,
Пронзает «я» укромные прибеги,
Тревожит горние альковы мозга,
Касается оккульных зал сердечных;
Его прозренья икт остроконечный,
Проняв покровы имени и формы,
Являет душу тайную всего.

И Мысль блистает оком откровенья,
И Слово — властный, вдохновенный Глас —
Вторгается в покой тайнейший жизни
И там находит Истину и Бога.

Затем лежит предел последний тленья,
Конечного бескрайняя вершина,
Космический престол — Верховный Разум,
Что неподвластен постиженью смертных,
Меж Временем и Вечностью барьер.

Там под златым единым небосводом
Все Силы, воздвигающие космос,
Сбираются на рубеже исходном
В обители Возможности безбрежной,
И каждый бог империи вселенской
Возводит новый мир своей природы;
Идеи выступают, ратью солнц,
Ведя вперед лучей своих фаланги;
Теснится Мысль в одном великом взоре,
И Время все лежит единым телом,
И Космос весь — единым откровеньем:
Там — Божества универсальный взгляд,
Там — Разума бессмертного пределы:
Граница двух великих полусфер,
Что их разъединяет и связует,
Венчает, словно купол, мир Богов,

Fencing eternity from the toil of Time.
In her glorious kingdom of eternal light
All-ruler, ruled by none, the Truth supreme,
Omnipotent, omniscient and alone,
In a golden country keeps her measureless house;
In its corridor she hears the tread that comes
Out of the Unmanifest never to return
Till the Unknown is known and seen by men.
Above the stretch and blaze of cosmic Sight,
Above the silence of the wordless Thought,
Formless creator of immortal forms,
Nameless, investitured with the name divine,
Transcending Time's hours, transcending Timelessness,
The Mighty Mother sits in lucent calm
And holds the eternal Child upon her knees
Attending the day when he shall speak to Fate.
There is the image of our future's hope;
There is the sun for which all darkness waits,
There is the imperishable harmony;
The world's contradictions climb to her and are one:
There is the Truth of which the world's truths are shreds,
The Light of which the world's ignorance is the shade
Till Truth draws back the shade that it has cast,
The Love our hearts call down to heal all strife,
The Bliss for which the world's derelict sorrows yearn:
Thence comes the glory sometimes seen on earth,
The visits of Godhead to the human soul,
The Beauty and the dream on Nature's face.
There the perfection born from eternity
Calls to it the perfection born in Time,

От поиска Времен скрывая вечность.
А выше, в дивном, вечном царстве света
Единоправно Истина владычит,
Всеведуща, всевластна, всеедина,
В стране златой твердя свой храм безмерный;
Там слышится Неявленного поступь,
Что никогда не разнесется снова,
Пока в Неведомое не проникнут люди.
Над широтой космического Зренья,
Над тишиною бессловесной Мысли,
Бесформенным творцом бессмертных форм,
Неименуема, неизъяснима,
Божественное воплощая Имя,
Превосходя Вневременно и Время,
Покойно восседает Матерь Мира,
Храня в объятьях вечное Дитя,
И близит день, когда из уст Его
Глагол всевластный повелит Судьбе.
Там — образ нашей будущей надежды;
Там — солнце, что влечет к себе весь мрак,
Там — царствие гармонии нетленной;
Противоречья мира к Ней восходят
И обретают в Ней свое единство:
Там Истина всевышняя сияет,
Которой наши истины — лишь искры,
Там — Свет, чья тень — неведение земное,
Покуда Правда тень свою не скроет,
Любовь, которой жаждут все сердца,
Блаженство, что влечет заблудший мир.
Отсюда — свет, что посещает землю,
Явленья Божества душе молящей,
Мечта и Красота в очах Природы.
Там совершенство из нетленных сфер
Взывает к совершенству сферы тленья,

The truth of God surprising human life,
The image of God overtaking finite shapes.
There in a world of everlasting Light,
In the realms of the immortal Supermind
Truth who hides here her head in mystery,
Her riddle deemed by reason impossible
In the stark structure of material form,
Unenigmaed lives, unmasked her face and there
Is Nature and the common law of things.
There in a body made of spirit stuff,
The hearth-stone of the everliving Fire,
Action translates the movements of the soul,
Thought steps infallible and absolute
And life is a continual worship's rite,
A sacrifice of rapture to the One.
A cosmic vision, a spiritual sense
Feels all the Infinite lodged in finite form
And seen through a quivering ecstasy of light
Discovers the bright face of the Bodiless,
In the truth of a moment, in the moment's soul
Can sip the honey-wine of Eternity.
A Spirit who is no one and innumerable,
The one mystic infinite Person of his world
Multiplies his myriad personality,
On all his bodies seals his divinity's stamp
And sits in each immortal and unique.
The Immobile stands behind each daily act,
A background of the movement and the scene,
Upholding creation on its might and calm
And change on the Immutable's deathless poise.
The Timeless looks out from the travelling hours;
The Ineffable puts on a robe of speech
Where all its words are woven like magic threads

Пленяя смертных истиною Бога,
Преображая прах в подобье Божье.
Там, в царствии немеркнущего Света,
В мирах, где вечный властвует Сверхразум,
Та Истина, что здесь покрыта тайной
И кажется рассудку невозможной
В застывшей схеме материальных форм,
Живет, не пряча своего чела,
Природою всего, законом высшим.
Там, в теле, сотканном духовной сутью, —
Как в очаге бессмертного Огня —
Деянья воплощают пыл души,
И мчится мысль, безгрешна, абсолютна,
И льется жизнь, молебном беспрерывным,
Единому восторженная жертва.
Духовный взор, космическое чувство
Безмерного находят в брэнной форме
И в трепетном экстазе откровенья
Бесплотного провидят светлый образ,
И в сердце, в сути каждого мгновенья
Впивают Вечности нектар пьянящий.
Единый, несчислимо сущий Дух,
Мистическая Личность мирозданья,
Себя преумножает в сонмах «я»,
В бессчетных образах, в телах несметных,
Но все ж во всем — единственен, бессмертен,
Во всем свою божественность являя.
Основой всех деяний и событий,
Весь мир объяв спокойствием и силой,
Незыблемый там царствует, Нетленный,
Поддерживая перемен движенье.
Вневременный сияет в беге дней,
Невыразимый, в облаченье слов,
Что сотканы волшебным покрывалом,

Moving with beauty, inspiring with their gleam,
And every thought takes up its destined place
Recorded in the memory of the world.
The Truth supreme, vast and impersonal
Fits faultlessly the hour and circumstance,
Its substance a pure gold ever the same
But shaped into vessels for the spirit's use,
Its gold becomes the wine jar and the vase.
All there is a supreme epiphany:
The All-Wonderful makes a marvel of each event,
The All-Beautiful is a miracle in each shape;
The All-Blissful smites with rapture the heart's throbs,
A pure celestial joy is the use of sense.
Each being there is a member of the Self,
A portion of the million-thoughted All,
A claimant to the timeless Unity,
The many's sweetness, the joy of difference
Edged with the intimacy of the One.
Savitri, p. 659-63

Блится красотой и вдохновеньем,
И всякой мысли свой дарует смысл,
Запечатленный в памяти вселенской.
Там Истина, безличностна, безмерна,
Объемлет каждый миг и каждый шаг,
Блится чистым неизменным златом,
Что лишь оформлено в сосуды духа,
В златые кубки пенного нектара.
Там все лучится высшим откровеньем:
Все-Дивный полнит чудом все события,
И Все-Прекрасный блещет в каждой форме,
И Все-Блаженный ранит сердце счастьем,
И радость горняя объемлет чувства.
Там каждый дух — частица в общем Духе,
Всеобщности мильоноликой атом, —
Безвечным упивается Единством,
Восторгом сладостным Многообразья,
Что обострен событностью с Единым.

The Cosmic Consciousness

As it spoke all changed within her and without;
All was, all lived; she felt all being one;
The world of unreality ceased to be:
There was no more a universe built by mind,
Convicted as a structure or a sign;
A spirit, a being saw created things
And cast itself into unnumbered forms
And was what it saw and made; all now became
An evidence of one stupendous truth,
A Truth in which negation had no place,
A being and a living consciousness,
A stark and absolute Reality.
There the unreal could not find a place,
The sense of unreality was slain:
There all was conscious, made of the Infinite,
All had a substance of Eternity.
Yet this was the same Indecipherable;
It seemed to cast from it universe like a dream
Vanishing for ever into an original Void.
But this was no more some vague ubiquitous point
Or a cipher of vastness in unreal Nought.
It was the same but now no more seemed far
To the living clasp of her recovered soul.
It was her self, it was the self of all,
It was the reality of existing things,
It was the consciousness of all that lived
And felt and saw; it was Timelessness and Time,
It was the Bliss of formlessness and form.
It was all Love and the one Beloved's arms,
It was sight and thought in one all-seeing Mind,
It was joy of Being on the peaks of God.

Космическое Сознание

Он видел, как меняется весь мир:
Все есть и все живет, и все едино.
Исчезла нереальность мироздания:
Представ лишь мыслеобразом иль знаком,
Распался мир, воздвигнутый умом;
Отныне дух обозревал творенье
И проявлялся в сонмах форм, и был
Все, что он видел, что творил; отныне
Все стало вечной Истиной вселенской,
В которой места нету отрицанью,
Единым бытием, живым сознаньем,
Реальностью, конечной, абсолютной.
Здесь нереальному не стало места,
И чувство нереальности исчезло:
Все обрело сознанье, стало все
Из Вечности рожденным, Бесконечным.
Но все было тем же Неизобличимым;
Казалось, мир Оно отвергло грезой,
Растаявшей в первичной Пустоте,
Но перестало быть вселенской точкой,
Нулем безмерным в призрачном Ничто.
Оно было тем же, но теперь живым,
Реальным для души его воскресшей.
Оно было им самим и всем, что суще,
Оно предстало явью мироздания,
Сознаньем всех, кто чувствует и видит,
Вневременьем и Временем предстало,
Блаженством формы и забвенья формы,
Любовью — и Возлюбленным вселенским,
Прозрением вселенского Провидца,
Восторгом Бытия на пиках Божьих.

She passed beyond Time into eternity,
Slipped out of space and became the Infinite;
Her being rose into unreachable heights
And found no end of its journey in the Self.
It plunged into the unfathomable deeps
And found no end to the silent mystery
That held all world within one lonely breast,
Yet harboured all creation's multitudes.
She was all vastness and one measureless point,
She was a height beyond heights, a depth beyond depths,
She lived in the everlasting and was all
That harbours death and bears the wheeling hours.
All contraries were true in one huge spirit
Surpassing measure, change and circumstance.
An individual, one with cosmic self
In the heart of the Transcendent's miracle
And the secret of World-personality
Was the creator and the lord of all.
Mind was a single innumerable look
Upon himself and all that he became.
Life was his drama and the Vast a stage,
The universe was his body, God its soul.
All was one single immense reality,
All its innumerable phenomenon.

Her spirit saw the world as living God;
It saw the One and knew that all was He.
She knew him as the Absolute's self-space,
One with her self and ground of all things here
In which the world wanders seeking for the Truth

Покинув Время, он вознесся в вечность,
Стал Бесконечным, превзойдя пространство.
Он поднялся к недостижимым высям,
Конца не видя восхождению в Духе.
Он низошел в бездонные глубины,
Не находя конца безмолвной тайне,
Что мир несет в одной груди единой
И всех созданий обнимает сонмы.
Он был всем миром и безмерной точкой,
Он высью высей был и глубию глубей,
Он жил в предвечном и он был всем тем,
Что смерть несет в себе под стук мгновений.
В единосущем, всепроникшем духе
Превыше всех мерил, событий, циклов
Противоречья обрели свой смысл.
Единственен, един с вселенским «я»,
В чудесном сердце Трансцендентного
И таинстве всемирной Личности
Предстал Творец и Властелин всего.
Стал ум единым, несчислимым взглядом
На Самого Себя и все, чем стал Он,
И жизнь предстала драмою Его,
И Пустота — ареной представления,
И бытие — Его бескрайним телом,
И Бог — Его душою сокровенной.
Все обняла безмерная Реальность,
Единым, несчислимым Откровеньем.
 Глазами духа озирая мир,
Он всюду узнавал живого Бога
И постигал Единого повсюду,
И убеждался, что весь мир есть Он.
Он видел всюду Абсолют-в-Себе,
Которым стал он сам и все, что суще,
В котором мир искал вовеки Правды,

Guarded behind its face of ignorance:
She followed him through the march of endless Time.
All Nature's happenings were events in her,
The heart-beats of the cosmos were her own,
All beings thought and felt and moved in her;
She inhabited the vastness of the world,
Its distances were her nature's boundaries,
Its closenesses her own life's intimacies.
Her mind became familiar with its mind,
Its body was her body's larger frame
In which she lived and knew herself in it
One, multitudinous in its multitudes.
She was a single being, yet all things;
The world was her spirit's wide circumference,
The thoughts of others were her intimates,
Their feelings close to her universal heart,
Their bodies her many bodies kin to her;
She was no more herself but all the world.
Out of the infinitudes all came to her,
Into the infinitudes sentient she spread,
Infinity was her own natural home.
Nowhere she dwelt, her spirit was everywhere,
The distant constellations wheeled round her;
Earth saw her born, all worlds were her colonies,
The greater worlds of life and mind were hers;
All Nature reproduced her in its lines,
Its movements were large copies of her own.
She was the single self of all these selves,
She was in them and they were all in her.
This first was an immense identity
In which her own identity was lost:
What seemed herself was an image of the Whole.
She was a subconscious life of tree and flower,
The outbreak of the honied buds of spring;

Чей лик сокрыт неведенья вуалью,
Который вел его путем веков.
И с Ним он стал одним, стал вездесущим:
В нем совершались действия Природы,
В нем космоса пульсировало сердце,
В нем жили, бились, мыслили все твари;
Он обживал пространство мироздания:
Его стесняли горизонты мира,
Его ласкали близкие явления,
И ум его вместил всемирный Разум,
И космос стал его великим телом,
В котором жил он, постигал себя —
Единого, несметного в несметном.
Он был единым и он был всем сущим;
Он обнимал собою белый свет,
Читал все мысли всех разумных тварей,
Все чувства знал своим вселенским сердцем,
Во всех телах он узнавал себя.
Отныне был он всем бескрайним миром.
Обитель в Бесконечности найдя,
Из беспределий все он черпал ныне,
Сознаньем простирался в беспределья.
Он был нигде, и дух его был всюду,
Вокруг него вращались сонмы звезд;
Он смертным был, рожденным на земле,
И обнимал все планы мироздания,
Ума и жизни высшие миры;
Все образы Природы, все движенья
Стремилась повторить его черты.
Утратив тождество с самим собою,
Отныне жил он в тождестве безмерном:
Теперь предстал он образом Всего.
Он был цветка пульсирующей жизнью,
Весенним взрывом сладостных бутонов;

She burned in the passion and splendour of the rose,
She was the red heart of the passion-flower,
The dream-white of the lotus in its pool.
Out of subconscious life she climbed to mind,
She was thought and the passion of the world's heart,
She was the godhead hid in the heart of man,
She was the climbing of his soul to God.
The cosmos flowered in her, she was its bed.
She was Time and the dreams of God in Time;
She was Space and the wideness of his days.
From this she rose where Time and Space were not;
The superconscient was her native air,
Infinity was her movement's natural space;
Eternity looked out from her on Time.
Savitri, p. 554-57

Он был багряным сердцем страстоцвета,
Пылал огнем пунцовой страсти в розе,
И грезил с белым лотосом в пруду.
Из жизни подсозательной растений
Он подымался к уровням ума:
Он мыслью был и страстью в сердце мира,
И божеством, сокрытым в сердце смертных,
И был душою, восходящей к Богу.
В нем цвел прекрасный космоса цветок.
Он был движеньем Времени бескрайним
И вековыми грезами о Боге,
Он был великой сферой Пространства
И широтой безбрежной Божьих дней.
Отсюда восходил он к высшим царствам,
Где исчезают Время и Пространство,
Вдыхал хрустальный воздух Сверхсознания
И вольно шел вперед сквозь Беспредельность.
Из глаз его на мир взирала Вечность.

The Saviour's Path

But when God's messenger comes to help the world
And lead the soul of earth to higher things,
He too must carry the yoke he came to unloose;
He too must bear the pang that he would heal:
Exempt and unafflicted by earth's fate,
How shall he cure the ills he never felt?
He covers the world's agony with his calm;
But though to the outward eye no sign appears
And peace is given to our torn human hearts,
The struggle is there and paid the unseen price;
The fire, the strife, the wrestle are within.
He carries the suffering world in his own breast;
Its sins weigh on his thoughts, its grief is his:
Earth's ancient load lies heavy on his soul;
Night and its powers beleaguer his tardy steps,
The Titan adversary's clutch he bears;
His march is a battle and a pilgrimage.
Life's evil smites, he is stricken with the world's pain:
A million wounds gape in his secret heart.
He journeys sleepless through an unending night;
Antagonist forces crowd across his path;
A siege, a combat is his inner life.
Even worse may be the cost, direr the pain:
His large identity and all-harboursing love
Shall bring the cosmic anguish into his depths,
The sorrow of all living things shall come

Путь Спасителя

Когда Спаситель в мир ниспослан Богом,
Чтоб душу мира повести к высотам,
Он должен понести ярмо земное,
Которое пришел сорвать навек,
Он должен претерпеть земные муки,
Которые пришел у врачевать.
Ужель, не разделив судьбы с землею,
Он мог бы победить ее недуги?
Его покой скрывает боль вселенной;
Хоть признаков борьбы не видно внешне,
Хоть мир несет он страждущим сердцам,
Но в нем идет незримая война —
Так платит он назначенную цену.
Огонь внутри него, сраженье, битва.
В душе несет он все страданья мира,
Все горести, всех прегрешений тяжесть:
Он принял бремя древнее земли;
Под натиском враждебных полчищ Тьмы,
Титанов отражая нападенья,
Он пролагает свой нелегкий путь.
Вперед идет он, воин-пилигрим,
Терзаемый всемирным злом и болью:
Мильоны ран в душе его зияют.
Бессонный, он идет в ночи бескрайней;
Вокруг него — орда враждебных сил;
Весь путь его — осада, вечный бой.
Но это не предел его страданий:
Единство обретя со всей вселенной,
Любовью обнимая всех созданий,
Стяжает он космическую муку:
Приходит горе всех живых существ

Selected Poems

And knock at his doors and live within his house;
He meets an ancient adversary Force...
He is lashed with the whips that tear the world's worn heart;
The weeping of the centuries visits his eyes...
Savitri, p. 446-47

К его дверям и в нем приют находит...
И пьет он горечь скорби вековой,
И тяжкого бича удары сносит,
Что издревле терзает сердце мира:
Вступил он в бой с враждебной, древней Силой...

The Triumph over Night

In this infernal realm he dared to press
Even into its deepest pit and darkest core,
Perturbed its tenebrous base, dared to contest
Its ancient privileged right and absolute force:
In Night he plunged to know her dreadful heart,
In Hell he sought the root and cause of Hell.
Its anguished gulfs opened in his own breast;
He listened to clamours of its crowded pain,
The heart-beats of its fatal loneliness.
Above was a chill deaf eternity.
In vague tremendous passages of Doom
He heard the goblin Voice that guides to slay,
And faced the enchantments of the demon Sign,
And traversed the ambush of the opponent Snake.
In menacing tracts, in tortured solitudes
Companionless he roamed through desolate ways
Where the red Wolf waits by the fordless stream
And Death's black eagles scream to the precipice,
And met the hounds of bale who hunt men's hearts
Baying across the veldts of Destiny,
In footless battlefields of the Abyss
Fought shadowy combats in mute eyeless depths,
Assaults of Hell endured and Titan strokes
And bore the fierce inner wounds that are slow to heal.
A prisoner of a hooded magic Force,
Captured and trailed in Falsehood's lethal net
And often strangled in the noose of grief,
Or cast in the grim morass of swallowing doubt,
Or shut into pits of error and despair,
He drank her poison draughts till none was left.

Победа над Ночью

В том адском царстве он посмел проникнуть
В глубиннейший провал, к темнейшим недрам,
Встревожил вечный мрак его устоев,
Оспорил древнее его всевластье:
В Ночи он шел к чудовищному сердцу,
В Аду искал он смысл и корень Ада. ...
Те бездны мук в его груди открылись:
Внимал он крикам их жестокой боли,
Сердцебиениям одиночества фатальной.
Над ним воздвиглась толща вечной Тьмы.
В неясных, жутких галереях Рока
Он слышал Глас, ведущий на погибель,
И шел сквозь чары демонского Знака
И сквозь засады дьявольской Змеи.
В мучительных пространствах, в грозных глубях
Он одиноко брел странною скорбной,
Где красный Волк ждет у реки бездонной,
И Смерти черные орлы клекочут в безднах,
И бился с сворой бед, что рвут сердца,
И затравляют их в степях Судьбы;
И на полях безвидных Преисподней
В немых, непроницаемых пучинах
Сражался он в мистических боях,
Сносил удары Ада, гнев Титанов
И боль душевных ран неисцелимых.
Магической, сокрытой Силы узник,
Опутанный смертельной сетью Лжи
Иль удушаемый петлею горя,
Иль утопающий в блатах сомненья,
Иль страждущий в темнице заблужденья,
Он яд ее глотал, пока не выпил весь.

In a world where neither hope nor joy could come
The ordeal he suffered of evil's absolute reign,
Yet kept intact his spirit's radiant truth.
Incapable of motion or of force,
In Matter's blank denial gaoled and blind,
Pinned to the black inertia of our base
He treasured between his hands his flickering soul.
His being ventured into mindless Void,
Intolerant gulfs that knew not thought nor sense;
Thought ceased, sense failed, his soul still saw and knew.
In atomic parcellings of the Infinite
Near to the dumb beginnings of lost Self,
He felt the curious small futility
Of the creation of material things.
Or, stifled in the Inconscient's hollow dusk,
He sounded the mystery dark and bottomless
Of the enormous and unmeaning deeps
Whence struggling life in a dead universe rose.
There in the stark identity lost by mind
He felt the sealed sense of the insensible world
And a mute wisdom in the unknowing Night.
Into the abysmal secrecy he came
Where darkness peers from her mattress, grey and nude,
And stood on the last locked subconscious's floor
Where Being slept unconscious of its thoughts
And built the world not knowing what it built.
There waiting its hour the future lay unknown,
There is the record of the vanished stars.
There in the slumber of the cosmic Will
He saw the secret key of Nature's change.
A light was with him, an invisible hand

Во тьме, лишённой счастья и надежды,
Во власти торжествующего зла
В себе хранил он дивный светоч духа.
Прикованный к скале-основе мира,
В Материи слепой и безотрадной,
В последнем Отрицанье, в черной Коме
Он меж ладоней огонь души берег.
Он оказался в тщетной Пустоте,
Спустился в нетерпимые пучины,
Не ведающие ни чувств, ни мыслей;
Иссякла мысль и ослабели чувства —
И лишь душа в нем видела и знала.
В распаде атомарном Бесконечного
Вблизи немых начал утраченного «Я»,
Вкусил он странной крохотной тщеты
Творения предметов материальных.
Томясь во мгле безвидной Несознания,
Проник он в суть бездонной, темной тайны
Чудовищных, необъяснимых глубей,
Откуда жизнь явилась в мертвый космос.
Там, в единенье, недоступном мысли,
Постиг он Смысл бессмысленного мира,
Немую Мудрость беспросветной Ночи.
В бездонную загадку он вошел,
Где возлежала тьма на жестком ложе
В своей бессветной, тусклой наготе,
И стал на пол последний подсознания,
Где Бытие спало, не сознавая мыслей,
И возводило мир, не ведая о том.
Там до поры грядущее сокрыто,
Там — летопись давно угасших солнц.
Там в самых недрах сна вселенской Воли
Узрел он ключ к преображенью мира.
И свет восстал, незримая десница

Was laid upon the error and the pain
Till it became a quivering ecstasy,
The shock of sweetness of an arm's embrace.
He saw in Night the Eternal's shadowy veil,
Knew death for a cellar of the house of life,
In destruction felt creation's hasty pace,
Knew loss as the price of a celestial gain
And hell as a short cut to heaven's gates.
Then in Illusion's occult factory
And in the Inconscient's magic printing-house
Torn were the formats of the primal Night
And shattered the stereotypes of Ignorance.
Alive, breathing a deep spiritual breath,
Nature expunged her stiff mechanical code
And the articles of the bound soul's contract,
Falsehood gave back to Truth her tortured shape.
Annulled were the tables of the law of Pain,
And in their place grew luminous characters.
The skilful Penman's unseen finger wrote
His swift intuitive calligraphy;
Earth's forms were made his divine documents,
The wisdom embodied mind could not reveal,
Inconscience chased from the world's voiceless breast;
Transfigured were the fixed schemes of reasoning Thought.
Arousing consciousness in things inert,
He imposed upon dark atom and dumb mass
The diamond script of the Imperishable,
Inscribed on the dim heart of fallen things
A paeon-song of the free Infinite
And the Name, foundation of eternity,
And traced on the awake exultant cells
In the ideographs of the Ineffable

Коснулась заблуждения и боли
И обратила их в экстаз глубокий,
В ошеломленье сладостных объятий.
В Ночи узрел он Вечного покров,
Познал, что смерть — подвал жилища жизни,
Уничтоженье — скорый шаг творенья,
Утрата — дань победе величайшей,
И ад — кратчайший путь к воротам небес.
И на оккультной фабрике Иллюзии,
В магической печатне Бессознания
Распались гранки первозданной Тьмы,
Рассыпались Неведенья шаблоны.
Разбужена бодрящим ветром духа,
Природа стерла свод законов косных
И вексея души поработочной,
И Лжи клеймо — с чела бессмертной Правды.
Был отменен вселенский кодекс Боли:
Взамен его скрижалей вековечных
Искусный Каллиграф пером незримым
Запечатлел пресветлое Писанье —
Стремительные строки откровений,
Изгнав из недр безмолвных Несознание;
Отныне все обличия земные
Несли Его божественную мудрость,
Что воплощенный ум постичь не в силах;
Преобразились схемы косной Мысли.
В вещах инертных воскресив сознание,
Он в темный атом и в немую массу,
И в сумрачное сердце падшей яви
Вписал Нетленного блестящий росчерк,
Свободы Бесконечного пеан,
Святое Имя, вечности основу, —
И письменами Несказанного
На пробужденных клетках начертал

The lyric of the love that waits through Time
And the mystic volume of the Book of Bliss
And the message of the superconscient Fire.
Then life beat pure in the corporeal frame;
The infernal Gleam died and could slay no more.
Hell split across its huge abrupt fazade
As if a magic building were undone,
Night opened and vanished like a gulf of dream.
Into being's gap scooped out as empty Space
In which she had filled the place of absent God,
There poured a wide intimate and blissful Dawn;
Healed were all things that Time's torn heart had made
And sorrow could live no more in Nature's breast:
Division ceased to be, for God was there.
The soul lit the conscious body with its ray,
Matter and spirit mingled and were one.
Savitri, p. 229-32

Любви предвечной пламенную оду,
Мистическую повесть Благодати
И огненное слово Сверхсознания.
И жизнь во прахе чистотой забилась,
Пресекая преисподней Луч зловещий;
И расступились адские чертоги,
Растаяли, гигантским наважденьем;
И растворилась Ночь, пучиной сна.
На смену отлучившемуся Богу
В разлом опустошенного Пространства,
В ущелье бытия, рекою чуткой,
Излилась благодатная Заря;
Из сердца Времени ушли страданья,
В груди Природы исцелились муки:
Раздор навеки минул: здесь был Бог.
Душа лучом своим сияла в теле,
Материя и дух слились в одно.

Adoration of the Divine Mother

Even while he stood on being's naked edge
And all the passion and seeking of his soul
Faced their extinction in some featureless Vast,
The Presence he yearned for suddenly drew close.
Across the silence of the ultimate Calm,
Out of a marvellous Transcendence' core,
A body of wonder and translucency
As if a sweet mystic summary of her self
Escaping into the original Bliss
Had come enlarged out of eternity,
Someone came infinite and absolute.
A being of wisdom, power and delight,
Even as a mother draws her child to her arms,
Took to her breast Nature and world and soul.
Abolishing the signless emptiness,
Breaking the vacancy and voiceless hush,
Piercing the limitless Unknowable,
Into the liberty of the motionless depths
A beautiful and felicitous lustre stole.
The Power, the Light, the Bliss no word can speak
Imaged itself in a surprising beam
And built a golden passage to his heart
Touching through him all longing sentient things.
A moment's sweetness of the All-Beautiful
Cancelled the vanity of the cosmic whirl.
A Nature throbbing with a Heart divine
Was felt in the unconscious universe;
It made the breath a happy mystery.
A love that bore the cross of pain with joy
Eudaemonised the sorrow of the world,

Откровение Божественной Матери

Но вот, достигнув края бытия,
Где весь огонь души и все стремленье
Должны прейти в Безмерности безвидной,
Вдруг ощутил он Ту, которой жаждал, —
Присутствие, которого искал он.
Сквозь тишину конечного Безмолвья
Из сердца Трансцендентности заветной,
Движением прозрачности и чуда —
Так, будто сокровенный дух Ее,
Отдавшись первородному Блаженству,
Из вечности явился в горней стати, —
Пришла Она, безмерна, абсолютна.
Живая мудрость, сила и услада —
Как мать свое дитя влечет в объятья —
К своей груди прижала мир и душу.
Безликую стирая пустоту,
Взрывая безучастие и немость,
Пронзив Непостижимого безбрежья,
В раздолье недвижимости бездонной
Вскользал прекрасный благодатный светоч.
Блаженство-Сила-Свет превыше слова,
Себя пригрезив сказочным сияньем,
Златым лучом ему коснулась сердца
А с ним — и всех живых и ждущих тварей.
Все-Дивного стремительная сладость
Смела тщету космического вихря.
Природа с Сердцем Божиим в груди
Открылась в бессознательной вселенной,
Счастливой тайной полня каждый вздох.
Любовь, что муки крест несет с восторгом,
Вдруг облагодотворила горе мира,

Made happy the weight of long unending Time,
The secret caught of God's felicity.
Affirming in life a hidden ecstasy
It held the spirit to its miraculous course;
Carrying immortal values to the hours
It justified the labour of the suns.
For one was there supreme behind the God.
A Mother Might brooded upon the world;
A Consciousness revealed its marvellous front
Transcending all that is, denying none:
Imperishable above our fallen heads
He felt a rapturous and unstumbling Force.
The undying Truth appeared, the enduring Power
Of all that here is made and then destroyed,
The Mother of all godheads and all strengths
Who, mediatrix, binds earth to the Supreme.
The Enigma ceased that rules our nature's night,
The covering Nescience was unmasked and slain;
Its mind of error was stripped off from things
And the dull moods of its perverting will.
Illumined by her all-seeing identity
Knowledge and Ignorance could strive no more;
No longer could the titan Opposites,
Antagonist poles of the world's artifice,
Impose the illusion of their twofold screen
Throwing their figures between us and her.
The Wisdom was near, disguised by its own works,
Of which the darkened universe is the robe.
No more existence seemed an aimless fall,
Extinction was no more the sole release.
The hidden Word was found, the long-sought clue,
Revealed was the meaning of our spirit's birth,
Condemned to an imperfect body and mind,

Исполнив счастьем тяжкий груз Времен,
Постигнув тайну Божьей благодати.
Бессмертный смысл являя в беге дней,
Она обосновала труд светил
И укрепила дух в его стремленье,
Экстаз заветный подтверждая в жизни:
Превыше всех, стоящая за Богом,
Явилась Матерь вечная вселенной:
Пресветлый образ горнего Сознанья,
Что превосходит все и все объемлет,
Нетленная над нашей падшей перстью,
ВсеблаТгая, всеистинная Сила —
Всевластной Истиной, всеправой Мощью,
Что все родит и губит все, предстала
Всех устремлений Матерь, всех божеств,
Посредница меж миром и Всевышним.
Раскрылась Тайна тьмы в природе нашей,
Был сброшен прочь Неведенья покров
И ум-ошибка изгнан из вещей
И тусклые тона порочной воли.
В лучах Ее всезрящего единства
Невежество и Знание примирились;
Творенье мировых Противоречий —
Иллюзии вселенской полюсов, —
Исчез двуликий занавес-мираж,
Чьи образы встают меж Ней и нами.
В деяниях своих раскрылась Мудрость,
Что носит облачением темный космос.
Явило бытие свой тайный смысл:
Жизнь — перестала быть паденьем тщетным,
А смерть — путем единственным к свободе.
Глагол заветный, тайный ключ открылись
И все, зачем наш дух родился здесь,
Приняв несовершенный ум и тело,

In the inconscience of material things
And the indignity of mortal life.
A Heart was felt in the spaces wide and bare,
A burning Love from white spiritual founts
Annulled the sorrow of the ignorant depths;
Suffering was lost in her immortal smile.
A Life from beyond grew conqueror here of death;
To err no more was natural to mind;
Wrong could not come where all was light and love.
The Formless and the Formed were joined in her:
Immensity was exceeded by a look,
A Face revealed the crowded Infinite.
Incarnating inexpressibly in her limbs
The boundless joy the blind world-forces seek,
Her body of beauty mooned the seas of bliss.
At the head she stands of birth and toil and fate,
In their slow round the cycles turn to her call;
Alone her hands can change Time's dragon base.
Hers is the mystery the Night conceals;
The spirit's alchemist energy is hers;
She is the golden bridge, the wonderful fire.
The luminous heart of the Unknown is she,
A power of silence in the depths of God;
She is the Force, the inevitable Word,
The magnet of our difficult ascent,
The Sun from which we kindle all our suns,
The Light that leans from the unrealised Vasts,
The joy that beckons from the impossible,
The Might of all that never yet came down.
All Nature dumbly calls to her alone

И бессознание в космосе вещей,
И пресмыкание в жалкой смертной жизни.
В нагих безбрежных безднах билось Сердце;
Любовь из белых родников духовных,
Пылая, смысла горечь темных глубей;
Сменилась боль Ее улыбкой вечной.
Здесь восторжествовала Жизнь над смертью,
Освободился ум от заблужденья,
Любовь и свет царили безраздельно,
Не допуская темноты и зла.
Обняв единым взглядом бесконечность,
Соединив Бесформенность и Форму,
Чело мильоноликого Безбрежья,
Она явилась, — воплощеньем блага,
Невыразимой радости безмерной,
Которой слепо ищут силы мира,
Немыслимой нетленной красотой,
Что, как луна, блестит над бездной счастья,
Владычицей рождения и смерти,
Чей будит зов стремленье вечных циклов,
Единственной Спасительницей мира,
Чья длань пронзит драконье дно эонов,
Глубокой тайной, что сокрыта в Ночи,
Мистической энергией духовной,
Златым мостом, пленительным огнем,
Неведомого сердцем светоносным,
В глубинах Божьих — силою безмолвья,
Всевластной Мощью, непреложным Словом,
Магнитом нашей битвы-восхожденья,
Светилом, что живет все наши солнца,
Сияньем неизведанных Просторов,
Восторгом, что смеется в невозможном,
Могуществом всего, что ждет до срока.
Лишь к Ней взывает немо вся Природа —

To heal with her feet the aching throb of life
And break the seals on the dim soul of man
And kindle her fire in the closed heart of things.
All here shall be one day her sweetness' home,
All contraries prepare her harmony;
Towards her our knowledge climbs, our passion gropes;
In her miraculous rapture we shall dwell,
Her clasp shall turn to ecstasy our pain.
Our self shall be one self with all through her.
In her confirmed because transformed in her,
Our life shall find in its fulfilled response
Above, the boundless hushed beatitudes,
Below, the wonder of the embrace divine.
Savitri, p. 312-15

Прийти и исцелить боренья жизни,
Сорвать печать со смутных душ людских,
Возжечь Свой огонь в заветном сердце мира.
Однажды все, что суще на земле,
Обителью Ее блаженства станет:
Раздоры все и все противоречья
Гармонию Ее приготавлиют;
К Ней медленно восходит наше знание,
К Ней ощупью стремится наша страсть:
В Ее восторге чудном мы пребудем,
В Ее объятьях позабудем боль,
Вкусив невыразимого экстаза.
С Ней наши «я» единым станут «Я».
Преобразясь и тем найдя свой смысл,
С Ней наша жизнь найдет в самоотдаче
Вверху — безбрежья тихой благодати,
Внизу — восторг божественных объятий.

Krishna

At last I find a meaning of soul's birth
 Into this universe terrible and sweet,
I who have felt the hungry heart of earth
 Aspiring beyond heaven to Krishna's feet.

I have seen the beauty of immortal eyes,
 And heard the passion of the Lover's flute,
And known a deathless ecstasy's surprise
 And sorrow in my heart for ever mute.

Nearer and nearer now the music draws,
 Life shudders with a strange felicity;
All Nature is a wide enamoured pause
 Hoping her lord to touch, to clasp, to be.

For this one moment lived the ages past;
The world now throbs fulfilled in me at last.

Кришна

Я понял все ж, зачем душе нужна
Земная жизнь, жестока и сладка, —
В груди земли я жажду осознал,
Хоть к стопам Кришны шел за облака.

Узрел я красоту бессмертных глаз,
Возлюбленного флейту услышал,
Непреходящий пережил экстаз
И сердца онемевшего печаль.

Все ближе, ближе музыка поет,
Пылает жизнь блаженством неземным;
Природа, замерев от счастья, ждет
Владыку своего, чтоб слиться с ним.

Сей миг — веков бесчисленных венец...
Трепещет мир, исполнившись во мне.

Cosmic Consciousness

I have wrapped the wide world in my wider self
And Time and Space my spirit's seeing are.
I am the god and demon, ghost and elf,
I am the wind's speed and the blazing star.

All Nature is the nursling of my care,
I am the struggle and the eternal rest;
The world's joy thrilling runs through me, I bear
The sorrow of millions in my lonely breast.

I have learned a close identity with all,
Yet am by nothing bound that I become;
Carrying in me the universe's call
I mount to my imperishable home.

I pass beyond Time and life on measureless wings,
Yet still am one with born and unborn things.

Космическое Сознание

Весь мир бескрайний я в себе вместил,
Весь космос — сцена духа моего.
Я резвость ветра и огонь светил,
Я бог и бес, я гном и домовой.

Вся Жизнь — мое возлюбленное чадо:
Я и борьба, и вечный упокой;
В моей груди страданий мириады
И радость мира трепетной рекой.

Со всем, что есть, отождествился я
И все ж ни чем не связан во вселенной —
И, всех созданий зов в себе неся,
Стремлюсь к своей обители нетленной:

Над Временем, над жизнью я взрываю,
И все ж в единстве с миром пребываю.

The Cosmic Spirit

I am a single Self all Nature fills.

Immeasurable, unmoved the Witness sits:
He is the silence brooding on her hills,
The circling motion of her cosmic might.

I have broken the limits of embodied mind
And am no more the figure of a soul.
The burning galaxies are in me outlined;
The universe is my stupendous whole.

My life is the life of village and continent,
I am earth's agony and her throbs of bliss;
I share all creatures' sorrow and content
And feel the passage of every stab and kiss.

Impassive, I bear each act and thought and mood;
Time traverses my hushed infinitude.

Космический Дух

Единый Дух, я обнял всю Природу,
Свидетель вечный, целый мир вместил —
И тишину вершин ее свободных,
И круговерть ее вселенских сил.

Телесного ума я сбросил узы,
Быть перестал душой, одетой в плоть.
Во мне галактик пламенеют друзья:
Весь грандиозный космос — мой оплот!

Материком и городком живу я,
Вбираю боль земли и сладкий пыл;
Я в каждой ране, в каждом поцелуе —
Всех тварей скорбь и радость я вкусил.

Бесстрастный, я несу вселенной бремя
В бездонной тишине, где тонет Время.

The Indwelling Universal

I contain the wide world in my soul's embrace:
 In me Arcturus and Belphegor burn.
 To whatsoever living form I turn
I see my own body with another face.

All eyes that look on me are my sole eyes;
 The one heart that beats within all breasts is mine.
 The world's happiness flows through me like wine,
Its million sorrows are my agonies.

Yet all its acts are only waves that pass
 Upon my surface; inly for ever still,
 Unborn I sit, timeless, intangible:
All things are shadows in my tranquil glass.

My vast transcendence holds the cosmic whirl;
I am hid in it as in the sea a pearl.

Вселенское Присутствие

Весь мир своей душою я объял:
 Во мне горят Арктур и Бельфегор.
 На что живое ни падет мой взор,
Себя в ином обличье вижу я.

Из каждых глаз мои глаза глядят;
 Во всех сердцах стучит мое одно;
 Пью счастье мира — сладкое вино —
И мук несметных поглощаю яд.

Но не затронут я теченьем дней;
 Как океан, в глубинах недвижим,
 Я зиждусь, вечен, тих, непостижим:
Вся жизнь — лишь тень в прозрачности моей.

Мой дух вместил миров круговорот;
Я в нем — как перл в пучине вечных вод.

Life-Unity

I housed within my heart the life of things,
 All hearts athrob in the world I felt as mine;
I shared the joy that in creation sings
 And drank its sorrow like a poignant wine.

I have felt the anger in another's breast,
 All passions poured through my world-self their waves;
One love I shared in a million bosoms expressed.
 I am the beast man slays, the beast he saves.

I spread life's burning wings of rapture and pain;
 Black fire and gold fire strove towards one bliss:
I rose by them towards a supernal plane
 Of power and love and deathless ecstasies.

A deep spiritual calm no touch can sway
Upholds the mystery of this Passion-play.

Жизнь-Единство

Несметных тварей жизнь я в сердце приютил,
Биенье всех сердец сошлось в моем одном;
Поющую в творенье радость я вкусил
И скорбь его испил, отравленным вином.

В моем всемирном «я» — все страсти, плеском волн,
Весь гнев я ощутил, что жжет сердца другим;
Отведал я любовь — одну в миллионах лон.
Я зверь, спасенный смертным, зверь, убитый им.

Я боль и сладость жизни крыльями простер —
Златой и черный огонь слились в блаженстве вновь,
И вот я воспарил в возвышенный простор,
Вкусил экстаз нетленный, силу и любовь.

Безбóрежный покой, объемля все миры,
Несет мистерию могучей той Игры.

Light

Light, endless Light! darkness has room no more,
Life's ignorant gulfs give up their secrecy:
The huge unconscious depths unplumbed before
Lie glimmering in vast expectancy.

Light, timeless Light immutable and apart!
The holy sealed mysterious doors unclose.
Light, burning Light from the Infinite's diamond heart
Quivers in my heart where blooms the deathless rose.

Light in its rapture leaping through the nerves!
Light, brooding Light! each smitten passionate cell
In a mute blaze of ecstasy preserves
A living sense of the Imperishable.

I move in an ocean of stupendous Light
Joining my depths to His eternal height.

Свет

Свет, беспредельный Свет! нет мраку места боле;
Раскрылась жизни глубь, неведомая прежде:
Пучины Несознания, тайные дотоле,
Лежат, мерцая, в ожидании безбрежном.

Свет, негасимый Свет, бессмертный, безупречный!
Святые тайные врата теперь открыты;
Свет, жаркий Свет трепещет в сердце розой вечной,
Алмазным сердцем Бесконечного излитый.

Свет, что огнем восторга каждый нерв пронзает!
Свет, животворный Свет! все клетки, в упоеньи,
Немым экстазом пламенея, сохраняют
Нетленного вовек живое ощущение.

Плыву я в чудо-Свете, словно в океане,
В глубинах у меня — Твоих высот сиянье.

The Pilgrim of the Night

I made an assignation with the Night;
In the abyss was fixed our rendezvous:
In my breast carrying God's deathless light
I came her dark and dangerous heart to woo.

I left the glory of the illumined Mind
And the calm rapture of the divinised soul
And travelled through a vastness dim and blind
To the grey shore where her ignorant waters roll.

I walk by the chill wave through the dull slime
And still that weary journeying knows no end;
Lost is the lustrous godhead beyond Time,
There comes no voice of the celestial Friend,

And yet I know my footprints' track shall be
A pathway towards Immortality.

Странник Тьмы

Я назначил свидание Ночи вселенной;
В преисподней чудовищной встретимся мы:
Укрывая в груди Божий светоч нетленный,
Вышел я покорить сердце мрачное Тьмы.

Я покинул блистательный Ум озаренный
И души лучезарной счастливый прибрег
И пришел по пустыне слепой, омраченной
К темным водам Ее на отверженный брег.

Я иду, обдаваем волной ледяною,
По зыбучим пескам — им не видно конца...
Где небесный мой Друг, что был прежде со мною,
Где сиятельный бог из вневременных царств?..

Но я знаю, что след мой дорогою ляжет
И к Бессмертию путь человеку укажет.

In The Battle

Often, in the slow ages' wide retreat
 On Life's long bridge through Time's enormous sea,
I have accepted death and borne defeat
 If by my fall some gain were clutched for Thee.

To this world's inconscient Power Thou hast given the right
 To oppose the shining passage of my soul:
She levies on each step the tax of Night.
 Doom, her unjust accountant, keeps the roll.

Around my way the Titan forces press;
 This earth is theirs, they hold the days in fee,
I am full of wounds and the fight merciless:
 Is it not yet Thy hour of victory?

Even as Thou wilt! What still to Fate Thou owest,
O Ancient of the worlds, Thou knowest, Thou knowest.

В сражении

Как часто в чередѣ своих веков,
Как на мосту над бездною эпох,
Я шел на бой и к смерти был готов,
Тебе лишь отдавая каждый вздох.

Всемирной Тьме Ты право дал прервать
Души моей сияющий поход:
За каждый шаг я должен дань воздать —
Лукавый мытарь, Рок ведет расчет.

Титанов силы на меня идут;
Земля — в их власти, годы — их оброк;
Израненный, я страшный бой веду..
Не близок ли Твоей победы срок?

Но все — в Твоих руках! Твой долг Судьбе,
О Царь миров, известен лишь Тебе.

The Inconscient Foundation

My soul regards its veiled subconscious base;
All the dead obstinate symbols of the past,
The hereditary moulds, the stamps of race
Are upheld to sight, the old imprints effaced.

In a downpour of supernal light it reads
The black Inconscient's enigmatic script —
Recorded in a hundred shadowy screeds
An inert world's obscure enormous drift;

All flames, is torn and burned and cast away.
Here slept the tables of the Ignorance,
There the dumb dragon edicts of her sway,
The scriptures of Necessity and Chance.

Pure is the huge foundation now and nude,
A boundless mirror of God's infinitude.

Несознание-основа

Мой дух прозрел во тьме свою Основу;
Все символы исчезнувших веков,
Наследие времен, печать былого,
Открылись взору, летописью снов.

В потоках света свыше он читает
Темнейших таинств Несознания свод —
В неясных сотнях свитков постигает
Вселенной косной смутный мерный ход;

Где спали век Неведенья скрижали,
Где Рок и Случай, свой взвезда оплот,
Его закон драконий охраняли —
Теперь огонь, что гибель Тьме несет —

И в чистоте основы бесконечной,
Как в зеркале, является Предвечный.

The Inconscient

Out of a seeming void and dark-winged sleep
Of dim inconscient infinity
A Power arose from the insentient deep,
A flame-whirl of magician Energy.

Some huge somnambulist Intelligence
Devising without thought process and plan
Arrayed the burning stars' magnificence,
The living bodies of beasts and the brain of man.

What stark Necessity or ordered Chance
Became alive to know the cosmic whole?
What magic of numbers, what mechanic dance
Developed consciousness, assumed a soul?

The darkness was the Omnipotent's abode,
Hood of omniscience, a blind mask of God.

Несознательное

Из мнимой пустоты и темнокрылья сна
Туманной несознательной безмерности
Восстала Сила, в мертвой глубине рождена, —
Горячий вихрь магической Энергии.

Какой-то Ум, сомнамбулический, огромный,
Без мысли план и ход изобретающий,
Украсил небеса чудесной пылью звездной,
Живую плоть соткал, мозг размышляющий.

Не строгий ли Наказ иль Случай предрешенный,
Стремясь постигнуть мир, живыми стать решились?
Не чисел ли игра иль пляс замороженный
Сознание развили, в душу воплотились?

Мрак Всемогущему служил укромным логом,
Всеведению — покровом, темной маской — Богу.

ГЛОССАРИЙ

Аватар — божественное воплощение, проявление Божественного Сознания в человеческом теле.

Агни — 1. божество огня, [психологически]: божественная воля, совершенно вдохновленная божественной Мудростью, и воистину единая с нею, которая является активной и действенной силой Сознания-Истины. 2. [один из пяти *бхут* — первоэлементов]: огонь; формативный принцип намерения, представляющийся нашим чувствам в материи как жар, свет и огонь.

Ананда — блаженство, упоение, духовный экстаз; основополагающий принцип самосущего наслаждения, составляющий природу трансцендентного бесконечного бытия.

Бельфегор — мифическое центральное светило тонкого мира. В сирийской теологии Бельфегор был божеством, символизирующим солнце.

Брахма — ипостась Единого Предвечного, выражающая Бытие и Созидание; в поздневедийский период один из главных богов индуизма, первое божество индуистской Троицы, Бог-Творец.

Брахман — единая изначальная Реальность; всепревосходящий непознаваемый Абсолют, выступающий в трансцендентном, универсальном и индивидуальном аспектах как Всевышний Господь; Супракосмическое Бытие, несущее в себе космос; Космическое «Я», поддерживающее все сущее; «я» каждого существа; является объектом любого познания; имеет пассивный и активный аспекты, выступая как безличное и бескачественное Божественное и как Божественное, обладающее личностью и качествами.

Бхава — состояние бытия; становление; субъективное состояние; эмоциональная природа; общее ощущение; эмоция или эстетическое чувство, выраженное в форме; в поэзии — чувство, настроение.

Верховный Разум — высший уровень ментального сознания, последний уровень низшей полусферы бытия; мир Богов; мир, где многообразные аспекты единого Супраментального сознания получают обособленное существование и самовыражение; сфера глобального ментального сознания: «Верховный Разум даже и в частных своих проявлениях, а не во всей тотальности, является силой космического сознания, принципом глобального знания, несущего в себе делегированный свет супраментального Гнозиса. ... [на этом плане обретаются] широкое космическое восприятие и ощущение беспредельного универсального «я» и вселенского движения» (Шри Ауробиндо).

Вибхути — божественная сила; силопроявление Бога в человеке, воплощенная Мировая Сила или человеческий лидер.

Витальное (витальное существо) — жизненная сила, проявляющаяся в человеческом существе в виде существа желаний, эмоций, чувств, побуждений, амбиций и т. д.

Вишну — ипостась Единого Предвечного, выражающая Сознание; в Ведах — всепроницающее Божество, вседвижущий Единый; позднее — второе божество индуистской Троицы, олицетворяющее хранящий и поддерживающий аспект Божественного.

Вриндаван — лесная роща в районе Матхуры, где прошли детство и юность Кришны. На месте этой рощи

в настоящее время существует одноименный город, являющийся главной святыней для почитающих Кришну.

Гиппогриф — в античной мифологии существо с телом коня и головой и крыльями грифона.

Ишвара — Господь, Владыка, Бог, Божественный.

Кали — разрушительная ипостась Божественной Матери; мать всего и уничтожительница всего; богиня, супруга Шивы, устрашающий аспект Божественного — яростная воительница, которая обычно изображается полубнаженной и вооруженной, уничтожающая демонов, защитница и благодетельница духовных искателей.

Кама — желание; один из четырех человеческих интеллектосов: удовлетворение желаний всех видов.

Кришна (Шри Кришна) — Божественное воплощение, ипостась Божественного Блаженства; в индуизме считается восьмым и полным воплощением Вишну, хранителя мира. В земном воплощении — правитель народа ядавов, царь и воин; прославился своими великими подвигами и победами над множеством могущественнейших демонов; неявным образом направлял описанное в эпосе Махабхарата противоборство двух царских родов пандавов и кауравов во имя поддержания Истины на земле; принимал участие в битве между ними на поле Курукшетра как колесничий Арджуны, одного из пандавов; в вайшнавской традиции часто изображается как милый озорной мальчуган, играющий с человеческими душами на земле и через свою игру возвращающий их к высшему Блаженству.

Мандавья — легендарный древний риши, на долю которого выпало множество тягот и испытаний.

Мантра — священный слог, имя или мистическое изречение; ритмическое выражение, вдохновенное интуитивным прозрением; стихи Вед; стихи, наполненные силой, имеющей не обычный, а божественный источник вдохновения.

Матхура — древний город на правом берегу реки Ямуны; место рождения Кришны, один из семи священных городов индуизма.

Натараджа — «Господь Танца» или «Танцующий Господь» — бог Шива в ипостаси космического танцора; популярное в Индии изображение, представленное в камне или металле во многих шиваитских храмах.

Несознание — «Всевышний в ходе своей космической манифестации, будучи Бесконечным и не связанным никакими ограничениями, может проявлять в Себе, в своем сознании, скрывающем бесчисленные возможности, нечто, казалось бы, противоречащее ему Самому, то, что несет в себе Мрак, Бессознательность, Инертность, Бесчувственность, Дисгармонию и Разложение. Именно эти элементы составляют основу материального мира и мы относим их к сфере Несознания, представляющей собой, согласно Риг Веде, Океан Несознания; в этом Океане был скрыт Единый, который поднялся и проявился в виде вселенной» (Шри Ауробиндо).

Нирвана — прекращение индивидуального бытия в неизменном бескачественном Абсолюте.

Параклит (Параклет) (греч.) — в российской православной традиции — эпитет Св. Духа: утешитель; здесь Шри Ауробиндо, судя по всему, использует это слово в его исконном греческом значении: «проситель», «вестник».

Психическое (психическое существо) — наше подлинное, центральное существо, наша истинная душа; бессмертная искра Божественного в человеке, которая поддерживает всю деятельность внешней ментально-витаально-физической личности и развивается в последовательности перевоплощений.

Радха — возлюбленная Кришны, персонификация абсолютной любви к Божественному, безусловной, всеобъемлющей, охватывающей все существо; олицетворяет человеческую душу, стремящуюся к воссоединению с Божественной Душой (Кришной) через любовь. В индуистских текстах представлена как возлюбленная Кришны, предводительница пастушек-гопи, с которыми Кришна играл, когда рос среди пастухов во Вриндаване. Радха и Кришна символизируют божественных возлюбленных, олицетворение божественной Любви и Единения, слияния человеческой души с Душой Божественной.

Садхак — осуществляющий духовную практику.

Садхана — духовная практика.

Самсара (сансара) — циклическое движение; мир; обычная жизнь Неведения.

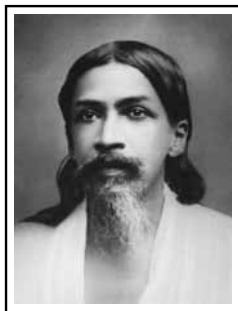
Сверхразум — см. Супраментал.

Супраментал (Сверхразум, Гнозис) — термин, введенный Шри Ауробиндо: сфера всеобъемлющего и всемогущего Сознания-Истины, превосходящего даже наивысшие уровни ментального сознания. «Супраментальное это Сознание-Истина, в котором Божественная Реальность проявляется со всей полнотой и совершенством без участия средств и орудий Неведения; статическая истина абсолютного бытия обретает дина-

мическое выражение в истине энергии и деятельности бытия, самосушей и совершенной (Шри Ауробиндо).

Тапас — «жар»; любой вид энергизма, аскезы, самообуздания сознательной силы, воздействующей на себя или свой объект; сущностный принцип энергии.

Шива — благой; «благосклонный», Благословенный, имя Ипостаси Предвечного, выражающей Силу, Господь *тапаса*; третье божество индуистской Троицы, особо связанное с работой разрушения.

ШРИ АУРОБИНДО

биографическая справка

Шри АУРОБИНДО (Ауробиндо Гхош) — выдающийся политический и общественный деятель Индии, великий духовный первопроходец, мыслитель, поэт-провидец — родился в Калькутте 15 августа 1872 г. в семье врача. С семилетнего возраста обучался в Англии; окончил Королевский колледж в Кембридже, специализируясь в изучении классической и современной западной литературы. В возрасте 21 года возвращается в Индию. В течение последующих 13 лет занимает различные посты в администрации г. Бароды, преподает английскую и французскую литературу в местном университете, а в 1906 г. переезжает в Калькутту, где становится ректором Национального колледжа. В эти же годы он включается в активную политическую борьбу за независимость Индии и становится одним из лидеров национально-освободительного движения. Одновременно он погружается в изучение культурного и духовного наследия Индии. В 1904 г. он решает ступить на путь йоги, стремясь использовать духовную силу для освобождения своей родины.

В 1908 г. Шри Ауробиндо был арестован по подозрению в организации покушения на одного из чиновников британского колониального правительства и оказался в тюрьме с обвинением, грозившим ему смертной казнью, однако по окончании следствия, длившегося целый год, был полностью оправдан и освобожден. Во время заключения он получил интенсивный духовный опыт — внутренние переживания и откровения, изменившие дальнейший ход его судьбы.

В 1910 г., повинувшись внутреннему голосу, он оставляет «внешнюю» революционную работу и удаляется в Пондичерри, французскую колонию на юге Индии, чтобы продолжать интенсивную практику йоги. На собственном опыте реализовав высшие духовные достижения прошлого, Шри Ауробиндо смог превзойти их и осознал, что окончательной и закономерной целью ду-

ховных поисков является полная трансформация человека, вплоть до физического уровня, и воплощение на земле жизни божественной. Достижению этой цели он посвятил оставшиеся сорок лет жизни.

Шри Ауробиндо оставил физическое тело 5 декабря 1950 г. Его литературное наследие насчитывает более 30 томов, среди которых мировоззренческие труды, обширная переписка с учениками, множество стихов, пьес и грандиозная эпическая поэма «Савитри», которая явилась действенным воплощением его многогранного духовного опыта.

СОДЕРЖАНИЕ

Invitation	2
Зов	3
The Meditations of Mandavya	4
Искания Мандавыи	5
Who	22
Кто?	23
Reminiscence	26
Воспоминание	27
Кама	28
Кама	29
The Dream Boat	32
Корабль мечты	33
In some faint dawn...	34
Экспромт	35
Silence is all	36
Безмолвие — это все	37
Ocean Oneness	38
Безбрежное Единство	39
The Blue Bird	40
Синяя птица	41
Ascent	42
Восхождение	43
Thought the Paraclete	48
Мысль-Параклит	49
The Bird of Fire	50
Птица огня	51

Trance	.54
Транс	.55
Who art thou that camest...	.56
Кто ты?	.57
Descent	.58
Нисхождение	.59
The Cosmic Man	.62
Космический Человек	.63
The Island Sun	.64
Солнце-Остров	.65
Bride of the Fire	.66
Огненная Невеста	.67
The Mother of God	.68
Матерь Божия	.69
Rose of God	.70
Божия Роза	.71
A Strong Son of Lightning	.72
Сын молнии	.73
A God's Labour	.74
Труд Божества	.75
Musa Spiritus	.84
Духовная Муза	.85
Seer deep-hearted	.88
Провидец	.89
Комментарии	.91
Приложение	.199
Глоссарий	.258

ШРИ АУРОБИНДО

ТРУД БОЖЕСТВА. Избранные стихотворения

— СПб: Савитри, 2008. — 272 с.

В настоящий сборник включены избранные стихотворения Шри Ауробиндо, в основном, позднего периода его творчества. Здесь представлен ряд наиболее значительных и ярких его стихотворений различных стилей. Его стихи позднего периода, наряду с созданными в это же время сонетами и эпической поэмой «Савитри», являют собой высочайшее достижение Шри Ауробиндо в духовной или йогической поэзии, наиболее достоверный и полный дневник его духовного развития и опыта. Сборник снабжен обширными комментариями, главным образом, из работ и писем Шри Ауробиндо и его учеников. В Приложении приводятся сонеты Шри Ауробиндо и фрагменты его поэмы «Савитри», тематически связанные с некоторыми публикуемыми здесь стихотворениями.

Перевод и комментарии: *Д. В. Мельгунов*
Компьютерная верстка: *А. И. Клементьев*

Фонд интегрального развития человека

«САВИТРИ»

Адрес для писем:

info@savitri.ru

www.savitri.ru